Антон ИВАНОВ

Анна УСТИНОВА

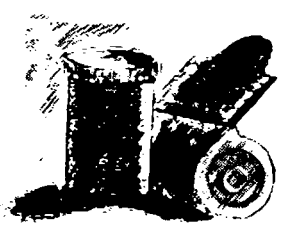
Дурак ты, Сидоров

Школьные истории

ЭКСМО

Антон ИВАНОВ, Анна УСТИНОВА

Дурак ты, Сидоров



МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО-ПРЕСС
2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
И 20

Серийное оформление художника *М. Левыкина*

Серия основана в 2000 году

Иванов А. Д., Устинова А. В.
И 20 Дурак ты, Сидоров: Повесть. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 192 с., илл. (Серия «Большая перемена»).

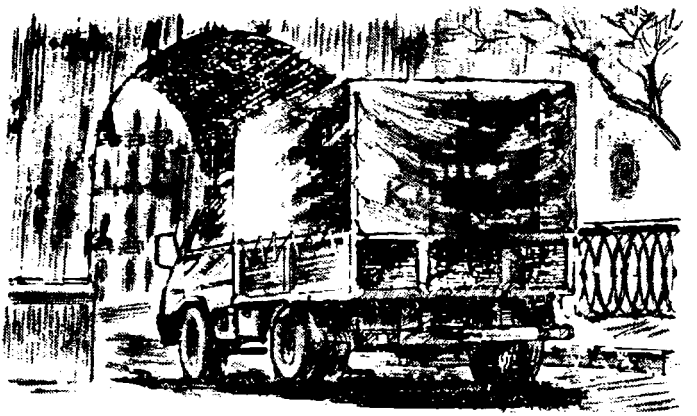
ISBN 5-04-006522-1

Ну что за жизнь! Только я помирился со своим другом Климом, как начались неприятности. Как-то мы гуляли с девчонками, и я решил пощелкать зимние пейзажи. Но Адаскина потребовала, чтобы я фотографировал ее. Я не дурак, сказал, что кончилась пленка. Пока она бегала за новой, к нам подошел злобный мужик и заорал: «Давай сюда пленку!» Но я же не пальма в тундре. Ну отдал я ему за пятьдесят баксов фотопленку, но другую, чистую. Мы тут же проявили отснятую и поняли, что стали свидетелями какого-то преступления... Нам пришлось маскироваться и скрываться. Вдруг он нас искать будет. И тут такое завертелось! Это как лавина с гор: начинается с маленького камушка, а кончается бурным потоком, сметающим все на пути...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-006522-1

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2001



Глава I

Маньяк

Клим Круглов мрачно смотрел на меня.

— Ну, как жизнь? — попытался я завязать разговор.

— Нормально, — буркнул Климентий и снова умолк.

Я тоже молчал, соображая, что бы еще сказать, и, наконец, выдавил из себя:

— Ну, ты вообще-то куда?

— Туда, — Круглый неопределенно махнул рукой в сторону.

— К Агате, что ли? — предположил я.

— Нет, — мотнул головой Климентий и с тяжелым вздохом добавил: — Бабка в магазин

снарядила. Целый список дала. А ты куда? — нехотя поинтересовался он.

— Так просто. Гуляю, — сказал я чистую правду. — Но вообще, если хочешь, могу помочь. Все равно делать нечего.

Клим молчал. Мы с ним дружили с самого первого класса и до недавнего времени. А это, как-никак, целых семь лет жизни. И все семь лет сидели за одной партой. Как в первом классе нас посадили, так мы и подружились.

Дело в том, что в нашем первом «Б» мальчишек оказалось больше, чем девчонок. Наша учительница принялась рассаживать всех по парам. Причем так, чтобы непременно мальчик сидел с девочкой. Как она объясняла нашим родителям, делалось это «для поддержания дисциплины». Однако нам с Круглым девчонок не хватило. Вот нас и усадили за одну парту.

Если честно, Круглый меня сперва сильно раздражал. Все знает, все умеет, и все его хвалят. Не выношу таких! В общем, я терпел, терпел, а потом как следует ему врезал. Но он тут же мне по делу ответил. И я понял: нормальный парень. Мы подружились, а два месяца назад первый раз вдребезги разругались. Главное, из-за чего? Из-за сущей ерунды.

У нас в школе есть театральная студия. Круглов там, можно сказать, звезда. У него даже фанатки есть. В основном из пятых-седьмых классов.

А я люблю снимать, и мне наша литераторша Изольда Багратионовна, которая одновременно руководит театральной студией, поручила делать фотолетопись всех их спектаклей и репетиций. Сказала: «Надо оставить память себе и потомкам». Ну, мне, сами понимаете, не жалко, я и снимаю. Классные, между прочим, фотогра-

фии получаются. И школа деньги на пленку выделяет. Вот, значит, снимал я их репетиции, а фанатки Круглого ко мне пристали: «Сделай нам как можно больше снимков Круглова». Я отвечаю: «Если надо, пожалуйста. Только учтите, благотворительностью не занимаюсь. У меня для этого средств недостаточно». А они тут же деньги вытащили. Какой же дурак от такого откажется? Тем более что ничего плохого-то я не делал. Я вообще это расценивал как пропаганду образа лучшего друга. Но Круглый почему-то обиделся и заявил: «Ты, гад, за моей спиной меня продаешь». И пошло-поехало. В результате мы вдрызг разругались, и Клим от меня даже к Митьке Будченко пересел.

Без женщин, конечно, в этой истории не обошлось. Есть у нас в классе такая Агата Дольникова. Очень даже ничего девчонка. А Клим от нее вообще просто тащится. Я однажды сдуру ей про фанаток Круглого с фотографиями и рассказал. Так она мигом Климу меня заложила. А он начал качать права. А главное, твердит:

— Почему у меня сперва разрешения не спросил?

Я отвечаю:

— Откуда мне знать, что нужно твое разрешение?

А он свое гнет:

— Ты меня, Тимка, предал.

Ну и, сами понимаете, дружба наша накрылась, чтобы не сказать больше. Сперва-то я думал: «Ну, поругались, помирились». Да и дел у меня было по горло. А вот как каникулы наступили, стало мне очень фигово. Потому что обычно мы с Круглым все зимние каникулы проводили вместе. Иногда, правда, к нам присоединялись Митька Будченко или Агата со своей подругой Зойкой Адаскиной. Но в основном мы с Климом

везде ходили вдвоем. И вот зимние каникулы начались, а я совсем один. Тоска зеленая!

Я начал Будке названивать. А его к прабабке в деревню под Саратов отправили. Тогда я позвонил Сережке Винокурову. Он тоже из нашего восьмого «Б». Но и его унесло из Москвы в какой-то зимний баскетбольный лагерь. «Ну, — думаю, — влип. Ни одного нормального человека не осталось. А каникулы-то идут совершенно впустую».

И вот сегодня, когда я от нечего делать отправился пошататься по району, на Сретенке нос к носу столкнулся с Климом. Сперва мне показалось, что встреча даже обрадовала его. Однако в следующий момент его физиономия сделалась мрачной. Я разозлился. Ну, а что было дальше, вы уже знаете.

В общем, стояли мы, как два идиота, и молчали. Я уже хотел уходить, но тут Круглый, наконец, махнул рукой:

— Ладно. Пошли. Вдвоем веселее. А то у нас дома сплошной лазарет.

— Лазарет? — удивился я.

— По-другому не скажешь, — объяснил Круглый. — Близнецы наши под самый Новый год какой-то забойный грипп приволокли. Просто, можно сказать, не грипп, а чума. За два дня всю семью уложили. Только мы с бабушкой пока держимся.

Близнецы — это Мишка с Гришкой, им по четыре года, и они младшие братья Круглого. Кроме этих двоих, у Клима есть еще отец с матерью, бабка — бывшая балерина, и две старшие сестры — Олька и Женька. Олька уже студентка. А Женька учится в одиннадцатом классе нашей школы. В общем, семья немаленькая.

— И чего, все с температурой? — поинтересовался я.

— Все, — кивнул Клим. — Лежат и ноют. А мы с бабкой, как две трудовые пчелки, их обслуживаем.

— Не повезло, — посочувствовал я.

— Смотря с какой стороны взглянуть, — отозвался Круглый. — Лежать на каникулах еще хуже.

— Ну, уж не знаю, — я пожал плечами. — По-моему, шляться все зимние каникулы по продуктовым магазинам тоже плохо.

— Ежу понятно, — на сей раз согласился Круглый. — Хотя с другой стороны... — он задумался и добавил: — Понимаешь, я вот сейчас им все принесу и куда-нибудь отправлюсь. А они будут по-прежнему лежать и мучиться. Болеть имеет смысл только, когда какая-нибудь контрольная.

— Точно, — поддержал его я. — А после магазина ты куда собираешься?

Клим покосился на меня.

— Вообще-то еще не знаю. А у тебя какие планы?

— Да никаких, — мне не было смысла скрывать. — Скучные эти каникулы получаются.

— Точно, скучные, — с досадою подтвердил Клим. — Ждали-ждали, и на тебе. Представляешь, мать моя билеты на елку принесла.

— Куда на елку-то? — полюбопытствовал я.

— Да в «Олимпийский», — поморщился Круглый.

— Это еще более-менее, — сказал я.

— Все равно, — поморщился Клим. — Я ей говорю: «Ты за кого меня принимаешь? Я же не Мишка с Гришкой, чтобы по елкам шастать». А она на меня обиделась. Мол, в прошлом-то

году ходил. Она бы еще вспомнила, что я в пеленках делал. Но, главное, жуткий скандал разразился. Потому что Мишка с Гришкой про елку услышали и ну вопить: «Хотим вместе с Климкой в «Олимпийский». А куда им с такой температурой. Главное, я же во всем и виноват оказался. Предки начали на меня орать, что я больных детей расстроил.

— Да они у вас что больные, что здоровые. Все равно орать горазды, — откликнулся я. — Просто не близнецы, а террористы.

Клим, нерешительно посмотрев на меня, вдруг спросил:

— А вообще-то ты завтра ничем не занят? А то, может, сходим? Тряхнем стариной. Там, на билетах, написано, что эта елка — для старшеклассников.

— Пошли, — я ничего не имел против. И, цитируя то ли Пятачка, то ли Винни-Пуха, добавил: — Как говорится, до пятницы я совершенно свободен.

Короче, мы помирились. Правда, Клим поставил условие: «Больше моими снимками не торгуй и вообще без спросу не смей никому их давать». Я согласился: «Если ты так хочешь, пожалуйста». А про себя подумал: «Все равно фанатки уже обеспечены его снимками под завязку».

С Климом оставшаяся часть каникул прошла гораздо веселее. На елку мы все-таки сходили. Хотя это как раз оказалось не очень интересно. Я лично вообще не врубился, почему ее назвали «для старшеклассников». Во всяком случае, там было полно малышни в сопровождении мам, пап и бабушек. Ну, и представление соответственное. Будь мы с Круглым детсадовского возраста или чуть постарше, возможно, нам бы понравилось. А так полная муть.

На следующий день после елки свалилась с гриппом Климова бабушка, и нам пришлось бегать по магазинам с удвоенной силой. Моя мать столкнулась с нами на улице в тот момент, когда я волок две сумки, полные овощей. Вечером дома она мне сказала:

— Та-ак, та-ак. Значит, когда нам с отцом нужно, чтобы ты в магазин сходил, тебя не допросишься. А для Кругловых — пожалуйста.

И она обиженно поджала губы.

— Так у них же сейчас эпидемия, — объяснил я.

Но мать все равно почему-то обиделась. По-моему, просто удивительно, как предки иногда не понимают элементарных вещей. Не могу же я бросить друга в беде.

В общем, мы, как верблюды, таскали продукты, мать Клима, которая уже немного оклемалась от гриппа, готовила из них еду для всей семьи, а близнецы Мишка и Гришка постоянно скандалили. Мол, они уже совершенно здоровы, поэтому хотят на улицу и на елку.

Я глядел на них и думал: «Какое счастье, что я один у своих родителей! Младшие братья и сестры — совершеннейший ужас. Они вечно что-нибудь творят и привлекают к себе внимание. А ты изволь с ними возись. А чуть что не по ним, заводятся предки: «Как ты можешь так поступать, они ведь маленькие!» А «маленькие» вовсю этим пользуются.

Правда, Клима близнецы вроде бы не раздражают. Просто удивляюсь, как он терпит их. Я бы, наверное, не смог. Может, все дело в том, что Круглый сам успел побыть младшим братом Ольки и Женьки? Кстати, и этого мне бы совсем не хотелось. Они до сих пор Клима воспитыва-

ют. Хуже предков. А уж что они позволяли себе, когда он был маленьким, — я просто молчу».

Но не подумайте, будто мы все каникулы пробегали по магазинам. У нас еще куча времени для себя осталась. И тогда мы ходили в кино или гуляли. Иногда вдвоем, а иногда с Агатой и ее подругой Зойкой Адаскиной. Они обе учатся в нашем восьмом «Б».

Однажды я решил совместить приятное с полезным и взял с собой фотоаппарат, чтобы во время прогулки поснимать на улице. Так сказать, городской пейзаж и нас за компанию. Ночью выпало много снега, а утром выглянуло яркое солнце, и вокруг все просто сверкало и искрилось. Аж глазам больно. В общем, красота, и деревья все в инее. Только Адаскина жутко мешала. Мне, естественно, в первую очередь хотелось запечатлеть деревья, а она постоянно лезла:

— Сними меня! Сними меня!

Пришлось ее щелкнуть. Я надеялся, что она после этого заткнется, но не тут-то было. Адаскина начала прислоняться к стволам. Мол, сними меня с этим деревом. А мне как раз хотелось ровно наоборот: снять деревья без всякой Адаскиной. Вот я и думаю: «Что же делать?» И тут меня посетила светлая мысль. Я так мило Зойке улыбаюсь и говорю:

— Хочешь, чтобы я снял тебя побольше, покупай пленку. А то моих личных ресурсов и на тебя и на природу не хватит.

Зойка на меня вытаращилась, а я про себя отметил: «Вот сейчас ты, милая, заткнешься и оставишь меня, наконец, в покое». Но я ошибся. Адаскина, порывшись в сумочке, бросила:

— Ребята, ждите меня. Я через пять минут вернусь.

Агата спрашивает:

— Ты куда?

А Зойка в ответ:

— За пленкой! За пленкой!

И унеслась. А я понял, что окончательно попух. Теперь снимай ее как минимум двадцать четыре кадра. Если, она, конечно, пленку на тридцать шесть не приобретет. Я про себя запоздало посетовал: «Надо было идти снимать одному. А теперь из-за Зойки натура классная пропадет. Может, за всю оставшуюся зиму такого дня не выдастся. Ладно, попробую дошлепать пленку, пока Зойка не вернулась».

Сказано — сделано. Начал снимать. Щелкаю, щелкаю, вдруг до меня донеслись какие-то крики. И к нам на всех парах бежит какой-то здоровенный мужик. Я стал озираться. Что такое случилось? Но в переулке пусто. Кроме нас, никого.

Тут мужик как раз заорал:

— Эй ты, паскуденыш! Кончай тут снимать!

— Вы это мне? — удивился я.

— Нет! Чертовой бабушке! — вообще-то он бабушку по-другому назвал, это я так, для приличия, смягчаю.

У меня шары от удивления на лоб вылезли. А Агата тем временем у мужика спрашивает:

— Почему же нельзя снимать? Это что, частная территория?

Мужик уже до нас добежал. У него и так морда из тех, которые, как говорится, лучше ночью не встречать, а то испугаешься, а он еще злобную рожу состроил и как заорет:

— Нельзя снимать, и все! А почему — не ваше дело!

И ручищи ко мне свои тянет:

— Гони пленку, хорек!

Но я-то не пальма в тундре, чтобы камеру ему отдавать. В общем, я аппарат за пазуху, из кармана достаю железный свисток и как в него дуну! Мужика в сторону снесло. Я ему:

— Вали отсюда, дядя. Не имеешь права камеру требовать. Это моя частная собственность, а она у нас Конституцией охраняется.

— Нужна мне твоя камера, — прошипел мужик. — Ты пленку гони.

А сам башкой своей бритой крутит, по сторонам оглядывается. Я понимаю: «Свисток мой сработал».

— Пленку тем более не отдам тебе, дядя. Она не частная, а общественная. Принадлежит нашей школе. А я, между прочим, ее официальный фотокорреспондент.

Тут Круглый вышел из ступора и добавляет:

— А у нашей школы, между прочим, все руководство Московской мэрии в спонсорах.

Услыхав такое, мужик исторг стон раненого бегемота. И уже куда спокойнее прежнего спрашивает:

— Ладно, уговорили. Сколько я должен за пленку?

И вытаскивает из кармана толстенную пачку денег. Я отвечаю:

— Пленка-то не особенно дорогая. Но снимки на ней уникальные.

Мужик почесал свой бритый затылок и предлагает:

— Называй свою цену, парень.

Тут я и думаю: «Чего ж я такого мог насниматъ, что ему позарез моя пленка понадобилась? Неужто деревья в инее настолько в цене подскочили?» Я посмотрел на Агату с Климентием. Вижу: они тоже порядком прибалдели. А мужик от нетерпения переминается с ноги на ногу.

— Чего, парень, молчишь?

— Надо подумать, — объясняю, а сам украдкой по сторонам смотрю. Пытаюсь понять, по какой причине этого мужика так колбасит. Но в переулке полная тишь, гладь, да божья благодать. Только с той стороны, откуда он к нам принесся, грузовичок небольшой стоит.

Вот оно, в чем дело! И, естественно, отдавать пленку мне уже ни за какие деньги не хочется. Но тут передо мной во весь рост встает другой серьезный вопрос: что этот мужик со мной сделает, если я откажусь? Ведь он такой спокойный именно потому, что пока надеется. А как надеяться перестанет...

В общем, я строю морду кирпичом и объявляю:

— С тебя пятьдесят баксов, дядя.

— Ну ты, промокашка, загнул, — скривился мужик.

— Дело ваше, хозяин — барин, — продолжил я в прежнем тоне.

— Двадцать пять, — объявляет мужик.

По-моему, и это слишком много. Но я набираюсь наглости и говорю:

— Твое дело, дядя. Только учти: сейчас пятьдесят, а через три минуты станет семьдесят.

Сказал, а самому страшно. Сейчас он мне шею свернет, как цыпленку. Но у него нервы крепкие оказались. Лишь глаза налились кровью. И еще он что-то пробормотал себе под нос. А потом отчетливо сказал:

— Черт с тобой. Времени нет.

И сует мне купюру в пятьдесят баксов.

— Ладно, дядя, сейчас. Только не мешайте. Я сам.

И отхожу чуть в сторону. Пленку сматываю,

вытаскиваю, кладу в колбочку и протягиваю ему:

— Вот. Возьмите.

Тут колбочка у меня из пальцев выскальзывает — и в сугроб. Мужик взорвался:

— Ты чего, щенок, издеваешься?

— Сейчас, сейчас, не волнуйтесь, — я принялся рыться в сугробе. — Найду.

А сам незаметненько чистую пленку из кармана вытаскиваю:

— А ты, дядя, боялся.

И чистую пленку ему протягиваю, а ту, отснятую, за пятьдесят баксов, украдкой в карман убираю.

Мужик вырвал у меня колбочку, извлек оттуда пленку и тут же на наших глазах, вытянув из кассеты, засветил.

— А теперь валите отсюда, — рыкнул он. — И чтобы больше мне на глаза не попадались.

— Уходим, уходим, — заверил я.

Мы медленно двинулись прочь, но не прошли ста метров, как увидали Зойку, бегущую нам навстречу.

— Куда? Просила ведь подождать! — обиженно воскликнула она.

— Нас прогнали, — объяснила Агата. — И отобрали пленку.

— Не просто отобрали, а выкупили, — уточнил Клим.

— Пленку? — ахнула Зойка. — Со мной? И ты отдал?

Ее голубые глаза с укором уставились на меня. Я про себя подумал: «Даже если бы и пришлось отдать, то жалко было бы совсем не снимок Адаскиной».

Однако вслух произнес совсем другое:

— За пятьдесят баксов можно и отдать.

Тут колбочка у меня из пальцев выскальзывает — и в сугроб. Мужик взорвался:
— Ты чего, щенок, издеваешься?

— За пятьдесят баксов? — захлебывалась от возмущения Адаскина. — Меркантильный ты человек! — И тут же безо всякого перехода, но совсем другим тоном добавила: — Слушай, Тимурчик, кому это она за такие деньги потребовалась?

Я решил над ней поиздеваться и, украдкою подмигнув Агате и Круглому, произнес:

— Да мужик тут какой-то заметил, что я тебя, Зойка, снимаю. Только ты ушла, он к нам подпилил и ну канючить: «Продай пленку. Я мечтаю иметь фотографию этой девушки».

Круглый не удержался и фыркнул. Агата тоже улыбнулась.

— Ну, хватит мозги мне пудрить, — возмутилась Зойка.

— Нужно мне твои мозги пудрить, — и продемонстрировал ей пятьдесят долларов.

Зойка потрясенно уставилась на купюру. Затем, немного придя в себя, поинтересовалась:

— И где тот мужик?

Мне неожиданно оказалось легко ей объяснить. Именно в этот момент мужик пронесся мимо нас в маленьком грузовичке, который я заметил в переулке.

— Вот он, поклонник твой, Адаскина, — сказал я.

— Маньяк, — задумчиво отозвалась она. Затем воззрилась в упор на Агату: — Тимка врет или правда?

— Смотря что, — улыбнулась Дольникова.

— Естественно, что этот тип охотился за моей фотографией, — пояснила Зойка.

— Естественно, врет, — кивнула Агата.

У Зойки сделалось странное лицо. По-моему, она испытала облегчение, но, одновременно, и

немного расстроилась. Вот личность! Даже маньякам готова нравиться.

— Зато все остальное правда, — я вновь с гордостью помахал перед ее носом пятидесятидолларовой купюрой. — Теперь уснимаюсь, причем на первоклассной пленке.

— А все-таки жалко, — вдруг с грустью проговорил Клим.

— Чего тебе жалко? — не понял я.

— Ну, мы ведь теперь так никогда и не узнаем, почему этот мужик испугался, — ответил он.

Тут наступил мой звездный час. И я эдак небрежно бросил:

— Почему же, интересно, не узнаем?

— Чтобы узнать, не нужно было продавать пленку, — откликнулся Клим.

— Нет уж, лучше продать, — решительно заявила Агата. — По крайней мере, живы остались. Неужели не понимаете? Если бы Тимка отказался, мужик все равно бы у него аппарат отобрал, и неизвестно, что с нами бы при этом сделал.

— Эх вы, — сказал я. — Меня недооцениваете. Думаете, я такой лох, чтобы ему эту самую пленку отдать? На фига, по-вашему, она у меня в снег падала?

— Поменял? — допер наконец Круглый.

— Знай наших, — кивнул я. — За пятьдесят баксов могу и свеженькую уступить. Для хорошего человека не жалко. Особенно, если он к тому же и щедрый.

— Ну, ты даешь! — ребята смерили меня восхищенными взглядами.

Я с трудом сдержал довольную улыбку. Честно сказать, люблю, когда меня хвалят. Но показывать этого я не собирался. Поэтому проворчал:

— Чем зря тут торчать, лучше пошли обменяем баксы на наши родные отечественные рубли. Во-первых, запасусь свежей пленкой, во-вторых, отдадим в проявку отснятую.

— И тогда мы узнаем, в чем дело? — Зойку прямо трясло от волнения.

— Там видно будет, — холодно произнес я.

— Тимурчик, ты баксы не обменяешь, — сказала Зойка. — В обменниках паспорт требуют.

— Ну и что, — я пожал плечами. — У меня уже есть. Мне как четырнадцать исполнилось, сразу и оформил. Это вы еще маленькие.

— Тоже мне, большой нашелся, — усмехнулась Агата.

Однако факт оставался фактом: ни у кого из них пока паспорта не было.

— Ладно. Пошли, — поторопил Клим.

— Нет уж. Сперва пусть Тимурчик снимет меня, — вдруг потребовала Зойка. — Зря я за пленкой бегала?

Сколько лет живу, а такой вредной девчонки, как Адаскина, еще не встречал. Понимаете, вечно ей надо все сделать по-своему. Вот и сейчас: такое важное дело, а ей, видите ли, сниматься приспичило. Тоже мне, фотомодель! Я еще понимаю: Агата.

— Знаешь, Зойка, — сказал я. — Давай сперва отдадим пленку в проявку, а потом уж я тебя сниму. Полчаса можешь потерпеть?

Адаскина, конечно, поморщилась и надула пухлые губы. Но, видно, ей тоже было интересно, что на той пленке. И она неохотно произнесла:

— Могу.

— Ну и отлично, — ответил я и подумал: «Даже если бы ты сказала «не могу», фиг бы я сейчас стал тебя снимать».

Мы побежали на Сухаревскую площадь в проявку. Там очень быстро делают. И обменный пункт рядом. Обменщик оказался очень недоверчивым. Сперва долго рассматривал мой паспорт, а потом принялся то же самое делать с купюрой. Он ее и в приборчик пихал, и на просвет смотрел, а под конец начал что-то на ней изучать сквозь лупу. Я уж было решил, что мужик мне фальшивые баксы запарил. Но в результате все обошлось. Обменщик, наконец, вручил мне эквивалент в родной российской валюте под названием рубли. С ними-то мы и отправились в магазин «Кодак».

Там я сперва отдал заветную пленку, которую обещали сделать через час, а потом обзавелся еще двумя чистыми. Как вы уже поняли, одна или две свежие пленки в работе фоторепортера не лишние. Кто знает, вдруг опять что-нибудь криминальное снимем? Я даже подумал: «Если такое случится, на сей раз потребую больше пятидесяти баксов. А пленочку, естественно, заныкаю».

Едва мы вышли из «Кодака», Адаскина снова потребовала:

— Ну, давай, Тимурчик, я готова. Может, прямо в скверике меня и заснимешь? Смотри, как тут сегодня красиво!

Деревья в сквере, тянувшиеся от метро до «изумрудного дома», сплошь покрылись инеем. И впрямь красиво.

— Ладно, — вздохнул я. Когда Адаскиной что-нибудь приспичит, все равно не отвертишься. — Иди, Зойка, сниматься.

Она сдернула с головы шапочку и принялась поправлять мелкие черные кудряшки.

— Надень шапку, простудишься, — посоветовал я.

— Много ты понимаешь, — показав мне язык, ответила дура Адаскина. — Без шапки на фоне снега красивее.

Я только рукой махнул. В общем-то, мне плевать. Дело хозяйское, а вернее, адаскинское. Если хочет, пусть простужается. Мне даже лучше. Не будет за нами повсюду таскаться.

— Куда мне лучше встать? — спросила Адаскина.

Я чуть не брякнул в ответ: «Какая разница», — но вовремя просек, что это с моей стороны было бы непрофессионально, и велел ей идти под одно из деревьев. Зойка прислонилась к стволу. Я уже навел камеру, но тут Адаскина закричала:

— Погоди! Погоди!

Я чертыхнулся и опустил камеру.

— Чего еще годить?

— Пусть Агата скажет, хорошо я так выгляжу или плохо?

— Да хорошо, хорошо, — попытался убедить Адаскину я.

Но она возразила:

— Я, между прочим, спрашиваю не тебя, а Агату.

Я совсем обозлился:

— Если не доверяешь, тогда пусть Агата тебя и снимает.

— Ну, какие же мы прямо творческие, ранимые! — с досадой воскликнула Зойка. — Ладно, Тимурчик, снимай, как тебе больше нравится.

Это она вроде как мне разрешила. Я очень хотел ей ответить, что никак не нравится и вообще она портит весь зимний пейзаж. У меня все эти соображения прямо вертелись на кончике языка и просились наружу. Но тут до меня дошло: я Зойке скажу, она обидится и мигом за-

ведет Агату. Та заведет Клима, а мы с ним и так едва помирились. В общем, я счел за лучшее промолчать. В конце концов не развалюсь, даже если Адаскина на всю жизнь останется с убеждением, что я сегодня просто тащился, когда снимал ее.

Правда, в будущем я собираюсь стать знаменитым фоторепортером. А про всех знаменитых людей после их смерти все знакомые пишут воспоминания. И Адаекина тогда, естественно, про сегодняшний день наврет. Но ничего страшного. В воспоминаниях все всегда что-нибудь врут в свою пользу.

Клим и Агата уже просто извелись. Мне было ясно: им до зарезу хочется поговорить про того мужика. А мне хотелось еще сильнее, чем им. Но Зойка не собиралась изменять своих планов. Главное, хоть купила бы пленку на двенадцать кадров. Так ведь не пожадничала. Приобрела самую большую на тридцать шесть. И, естественно, теперь я был вынужден полностью ее отснять. Отложить-то на завтра нельзя. Тогда у меня аппарат будет занят ее личной пленкой. А вдруг мне самому снимать понадобится.

Главное, Зойка заявила:

— Учти, Тимурчик, халтурить не позволю. Сделай все кадры разные.

Я про себя выругался не хуже того мужика. Но делать было нечего. Начал снимать разные кадры. Ох, и заставила меня Зойка побегать. Сперва она снималась одна на разных фонах. Затем — с Агатой. Потом с Агатой и Климом. Потом с одним Климом. А когда, наконец, остался самый последний кадр, Адаскина преподнесла мне главный сюрприз:

— Теперь, Тимурчик, я хочу сняться с тобой.

А я отвечаю:

— Ты, Адаскина, чего, совсем того? Как же я могу одновременно фотографировать и сниматься?

Но Зойку таким не проймешь.

— Это, — говорит, — не я совсем того, а ты. Элементарных вещей не соображаешь. Отдай аппарат Климу, а сам становись рядом со мной. Клим снимет нас, и порядок.

Пришлось так и поступить. В общем, снялся я с ней. Тут час и прошел. Мы ту пленку в «Кодаке» забрали, а Зойкину оставили, и, что характерно, она сразу оплатила печатанье фотографий.

— Ты откуда такая богатая? — удивился я.

— Не твое дело, — ушла она от объяснений.

Но я подумал, что все это очень странно. У Зойки обычно с финансами туго. А сейчас и пленку купила, и фотографии заказала. Можно подумать, это не мне, а ей обломилось пятьдесят баксов. Но лезть в ее личную жизнь я не стал. В конце концов, каждый человек находит деньги там, где удается. А есть, конечно, и такие, которые нигде никогда не находят. Им хуже всего, но это отдельный разговор.

Конечно же, мы стали сразу возле мастерской разглядывать проявленные снимки. Трое друзей сгрудились вокруг меня.

— Давай, давай, быстрее, — торопил меня Клим.

Я начал лихорадочно перебирать фотографии. Вначале шли сплошные деревья в инее. Надо же, сколько лабуды успел наснимать! Потом попалось несколько снимков машин в снегу. Опять не то.

— Да быстрее ты! — снова воскликнул Круглый.

— Действительно, Тимка! — поддержала его Агата.

А Зойка, не проронив ни единого слова, просто вырвала у меня фотографии и принялась смотреть их сама. Я чуть не убил ее. Но так получилось, что именно она нашла нужный снимок.

— Вот! Видали?

Мы с Круглым так резко склонились над фотографией, что стукнулись лбами и потому первое время ничего не видели. У нас искры из глаз посыпались! Когда же боль от удара прошла, я мигом просек, почему этот мужик так суетился.

У меня в объектив случайно попал кузов его грузовичка, и как раз в тот момент, когда хозяин закидывал в него какой-то огромный сверток.

— Ну и ну, — вырвалось у меня. Потом я честно признался: — А ведь я тогда даже не заметил. Меня совсем другая картина интересовала. Там, над подъездом, ворона очень смешно уселась.

Кстати, ворона на этом снимке тоже отлично вышла. Но ведь ежу понятно: за нее мне никто бы не заплатил пятьдесят баксов.

— Интересно все-таки, чего этот тип испугался? — задумчиво произнес Клим. — Ну, сняли его, когда он грузил свой сверток.

— Я тоже не понимаю, — поддержала Агата. — Ну-ка, Зойка, — и она посмотрела на подругу. — Давай смотреть дальше.

Тут, изловчившись, я наконец вырвал у Адаскиной фотографии и сказал:

— А дальше к делу не относится. Там уже совершенно другое.

Но они, конечно, мне не поверили. Пришлось показать им все остальные снимки. Как я и говорил, на них не было ничего общего ни с грузовичком, ни с мужиком.

— Понятно, — кивнула Зойка.

— Ну, и что же тебе понятно? — глянул на нее Клим.

— Все дело в характере груза, — уверенно произнесла Адаскина.

— То есть? — посмотрели мы на нее.

— Ну, этот мужик решил, что мы его специально выслеживаем, — продолжила Зойка.

— И что мы выследили? — пожал плечами я. — Тут, по-моему, даже на один бакс не тянет.

— И впрямь, — поддержала меня Агата. — Ради такого выразительного снимка мог бы не суетиться. А он пленку засветил.

— Все дело именно в свертке, который он грузил, — задумчиво произнес Клим.

Я вгляделся в фотографию. Сверток как сверток. Ничего особенно выдающегося.

— По-моему, ты, Круглый, преувеличиваешь. Если бы, например, там хоть было написано что-нибудь.

— А почем нам знать, может, для людей, которые в курсе дела, твой снимок красноречивее всякой надписи, — развивал свою версию Круглый. — Например, наш дорогой знакомый ограбил какую-нибудь квартиру в этом доме. Ты, Тимка, его заснял. А услышав про ограбление, припер бы фотку в милицию. За то, чтобы этого не случилось, пятидесяти баксов не жалко. Он наверняка на гораздо более крупную сумму поживился.

— Чушь, — засмеялся я. — Не подойди он к нам, я бы никогда в жизни не обратил внимания ни на грузовичок, ни на мужика. Мало ли что у меня случайно попадает в кадры.

— Это тебе «мало ли», — не сдавался Климентий, — Он-то об этом не знал. Вот представь себе, Тимка, ты грабишь чью-то квартиру...

— За кого ты меня принимаешь? — обиделся я.

— Да ни за кого, — перебил Клим, — Просто прошу представить. Вот ты уже всю работу проделал, собираешься тихо-мирно смыться и вдруг замечаешь, что прямо на тебя направлен фотоаппарат.

— А ведь верно, — черные глаза Агаты сделались в пол-лица. — Естественно, он испугался.

Однако мне все равно многое в Климовой версии казалось странным.

— Стал бы этот мужик засвечиваться и к нам подходить. Да он бы, наоборот, быстрее смотался. А уж теперь мы его точно запомнили. Даже если он верит, что пленка действительно засвечена, мы-то его запомнили. И можем при случае описать.

Ребята задумались.

— В общем-то, верно, — чуть помолчав, признал мою правоту Клим.

— А кроме того, этот мужик совсем не похож на грабителя, — добавил я. — Скорее, какой-нибудь охранник.

— У тебя, Тимка, значит, имеется много знакомых грабителей? — тут же спросила Зойка. — Есть с кем сравнить.

— А ты, Адаскина, не ехидничай, — шикнул я. — Грабителей каждый день показывают по телеку, и я лично на них насмотрелся. Они, естественно, разные, но какие-то совсем другие, чем этот мужик.

— Слушайте, — вмешалась Агата. — А вдруг он действительно грабитель и, увидев, что ты снимаешь его, просто запаниковал.

— Ну, — Зойкино лицо внезапно побледнело, и она глухо произнесла: — Тогда-то он запаниковал, а теперь очухался, и до него наверняка дошло, что он сделал глупость.

Глава II

В глухой обороне

Зойка умолкла и обвела всех нас полным ужаса взглядом:

— Вы понимаете, чем это нам грозит?

— А чем? — спросил я.

— Нас разыщут, — голос у Зойки дрогнул. — Разыщут и...

Она не договорила. Глаза ее наполнились слезами. Адаскина вечно так: наглая, наглая, а чуть что, сразу в слезы.

— Тебе, Адаскина, вообще нечего волноваться, — заверил я. — Мужик тебя не видел. Ты пришла, когда он уже смылся.

— Ну и что, — начала всхлипывать она. — Я же с вами хожу. А кто знает, может, за нами уже следят. Вот я и...

Она снова всхлипнула.

— Да откуда он мог следить! — возмутился я. — Мы все сами видели, как он уехал.

— Значит, потом вернется, — обреченно произнесла Зойка. — Начнет здесь рыскать, расспрашивать. А мы все в этом районе живем.

Тут у Агаты тоже сделалось испуганное лицо, и она тихо произнесла:

— Тимка, ну зачем ты ему про школу сказал?

— А чего я такого сказал? Подумаешь, в интересах дела упомянул, что пленка в моем аппарате школьная. Надо же было цену набить. Фиг бы он мне без этого отвалил пятьдесят баксов!

— Пятьдесят баксов, — покачала головой Зойка. — За нашу жизнь только пятьдесят баксов.

— С катушек слетели? — заорал я. — При чем тут наша жизнь? Как он теперь нас найдет?

— Очень просто, Тимурчик, — отозвалась Агата. — Если ему так важно убрать свидетелей, он отправится в нашу школу.

— И фигли его туда пустят, — немедленно возразил я.

В школе у нас при входе дежурит охрана и стоят турникеты, сквозь которые без личной карточки ученика или учителя не пройдешь. А тех, кто проходит по карточкам, засекает компьютер. Так что всяким бандитам, вроде того мужика, в нашей школе у Сретенских ворот делать нечего.

— Но ему внутрь и не надо, — вмешался Клим. — Он может просто поошиваться у ворот, и рано или поздно каждый из нас попадется ему на глаза. Да, собственно, ему вообще достаточно увидеть кого-нибудь одного. Дальше он хватает его, разбирается и выясняет имена всех остальных.

Мне вдруг тоже сделалось как-то не по себе. Однако я вновь попытался успокоить и самого себя, и ребят:

— Ну, ты, Круглый, даешь! Я разве ему сообщал номер нашей школы?

— Да вроде нет, — подтвердил Климентий.

— Не вроде, а совершенно точно, — уверенно произнес я, и от души у меня отлегло. — А школ у нас в микрорайоне, между прочим, никак не меньше пяти. Откуда ему знать, в какой именно мы учимся.

— Верно, — улыбнулся Климентий. — А вдруг мы вообще из разных учебных заведений. Или из другого района погулять сюда приехали.

— Из какого-нибудь Орехова-Кокосова, — кивнул я. — Что он, по всей Москве нас разыскивать будет?

Теперь даже Агата вроде бы успокоилась, а мне страхи Адаскиной показались полной глупостью. Но Зойка сказала:

— Зря за твою паршивую пленку пятьдесят долларов никто бы не дал. А раз заплатили, значит, ставка была, так сказать, больше, чем жизнь. В таком случае этот мужик не поленится и пять школ обойти, а может, даже и шесть.

Умеют же некоторые люди испортить всем настроение! Только что ведь почти совсем успокоились. Еще немного, и вообще даже думать забыли бы об этом дурацком мужике с его долларами. Но Зойка не унималась:

— Ох, Тимурчик, и угораздило же тебя тут снимать.

Выходит, я же еще во всем и виноват. А тут еще Клим подхватил:

— Да уж, не очень удачно вышло.

— Ну, конечно, — огрызнулся я. — Задним умом все крепки. Вот раньше бы меня и предупредили: «Не ходи туда снимать. Там опасно». А вообще, — я повернулся к Адаскиной, — виновата как раз ты.

— Я? — Зойка даже подпрыгнула.

— Конечно, ты. Умчалась за своей пленкой. И просила, чтобы мы именно в этом переулке тебя дожидались.

Зойка растерянно похлопала глазами. Обычно она за словом в карман не лезет. А тут просто не знала, что и ответить. Правда, немного подумав, она все-таки нашлась:

— Так я же, Тимурчик, просила меня дожидаться, а не снимать.

Я раскрыл рот для достойной отповеди: мол, если бы ты, Адаскина, не пристала ко мне со своими фотографиями, вероятней всего, мы вообще прошли бы мимо этого переулка. Однако Агата ничего не дала мне сказать:

— Хватит ссориться. Назад все равно ничего не вернешь. Поэтому давайте лучше соображать, как подстраховаться.

В общем-то, Дольникова была совершенно права. Ситуация для нас складывалась серьезная, и действительно следовало подумать, как избежать новой встречи с нашим сегодняшним знакомым. Теперь-то я тоже прекрасно понимал, что вторая встреча может оказаться последней.

— Нам, — первой нарушила молчание Зойка, — нужно как можно скорей разойтись по домам. Только вы, пожалуйста, меня проводите, — принялась хныкать она. — А то одной страшно. И вообще, может, посидим у меня?

Обычно Адаскина предлагает всякие глупости, однако эта ее мысль показалась мне вполне здравой. И я горячо поддержал:

— Правильно, Зойка, пошли к тебе. Там все как следует и обмозгуем.

Зойка до того обрадовалась, что даже всхлипывать перестала и ну тараторить:

— Сейчас придем, чайку попьем.

— А к чаю у тебя чего есть? — решил выяснить я.

— Да вообще-то... — растерялась Зойка, — по-моему, только варенье.

— Только одно варенье? — разочарованно переспросил Клим.

— Только, — подтвердила Зойка и вдруг воскликнула: — Ой! Мне ведь мама велела хлеба купить!

— Ладно, — сказал я. — Зайдем по дороге в магазин. Ты, Адаскина, купишь хлеб, а я все остальное. Угощаю.

— Ну да! — усмехнулась Агата. — Ты же у нас сегодня богатенький Буратино.

— Бандитские средства проматывает, — в тон ей изрек Климентий.

Естественно, я не собирался проматывать на банальную жратву все пятьдесят долларов, а верней, то, что у меня от них осталось после визита в магазин «Кодак». Однако и небольшой части, как сказал Клим, «бандитских средств» нам хватило на вполне приличный перекусон. Так что Адаскиной дома оставалось от себя только расставить чашки и заварить чай. Ну, и от варенья, естественно, мы тоже не отказались. Кстати, у Адаскиных самая необычная квартира из всех, которые я когда-нибудь видел. Представьте: старый, можно даже сказать, старинный московский дом в переулке возле Сретенского бульвара. Посреди дома — арка. Вернее, когда-то была арка, но много лет назад какой-то чудик застроил ее и там получилась квартира. С отдельным, между прочим, входом и сводчатым потолком. А потом в этой квартире стали жить Адаскины — Зойка и ее мама Лидия Михайловна. Вполне вероятно, что сначала с ними жил еще и Зойкин папа. Однако, когда все мы познакомились с Адаскиной в первом классе, отца уже не было, и Зойка о нем вообще никогда ничего не рассказывает, а мы, естественно, не спрашиваем.

Сейчас мы сидели в огромной, и единственной, адаскинской комнате. После чая нервы успокоились даже у Зойки. Тогда мы начали всерьез мозговать, как выкрутиться из создавшейся ситуации. Ибо в том, что положение складывалось неприятное, уже никто из нас не сомневался.

— Предлагаю, — начала Зойка, — просидеть оставшуюся часть каникул у меня дома. Во-первых, тут мы будем в безопасности, — начала она

загибать пальцы. — Во-вторых, этот мужик даже случайно не сможет нас встретить на улице, а в-третьих, покрутится по району, нигде нас не встретит, решит, что мы тут не местные, и, глядишь, вообще успокоится.

— Хитрая какая! — немедленно возмутилась Агата. — Это тебя он, может, не встретит, потому что, во-первых, ты дома будешь сидеть, а во-вторых, он вообще тебя не знает. А мы каждое утро приходи к тебе, а потом еще вечером возвращайся. Вот и получается: ты в безопасности, а мы — совсем наоборот.

Зойка надулась:

— Мое дело предложить. Не у Кругловых же мы соберемся. Там все болеют.

— Можно у меня, — предложил я. — Предков целыми днями нету. Собирайтесь и сидите на здоровье.

— И у меня, — подхватила Агата. — Мои родители тоже на работе, бабушка не будет против, а Бесик только обрадуется.

Бесик — это собака Дольниковых. Порода — ливретка, пол — мужской. Жутко, между прочим, прожорливый пес. Хотя жрать-то как раз ему много нельзя. Он от этого толстеет, будто на дрожжах. И Дольниковы постоянно сажают его на диету. Потому что иначе, как говорит Клим, Бесик из левретки превращается в ливерную колбасу на ножках.

— И, кстати, — добавил я, — наши дома находятся достаточно далеко от места, где мы столкнулись с этим мужиком. А если вы, к тому же, будете приходить ко мне или Агате не по Сретенке, а кружным путем, есть шанс никогда с этим типом не встретиться.

— Правильно, — кивнула Агата. — Можем

один день собираться у Тимки, другой у меня, потом снова у Тимки и так далее.

— Ага, — сильней прежнего обозлилась Зойка. — Значит, вы с Тимкой будете ходить по очереди, а я каждый день на улице появляться.

— И чего такого? — вмешался Круглый. — Мне тоже каждый день придется на улицу выходить. Я ведь не возражаю. К тому же, ты если даже столкнешься нос к носу с этим мужиком, ничего страшного. Сколько раз тебе повторять: он не видел тебя.

— А почем вы знаете, что у этого мужика где-нибудь не стоял сообщник? — гнула свое Адаскина.

Мы с Агатой и Климом переглянулись. Все может быть. Но тогда дело и вовсе плохо. Того мужика мы хоть знаем в лицо. А если у него был сообщник, то, даже столкнувшись с ним и поговорив, мы ничего не поймем. Потому что он нас знает, а мы его — нет. А знать опасность в лицо все-таки лучше.

— В таком случае, может, лучше каждому сидеть у себя дома до конца каникул? — с тревогой спросила Агата.

— Нет, это совсем уж скучно, — возразил Круглый. — Тем более, лично мне все равно придется ходить по магазинам за продуктами. Остальные-то все болеют. А если я хоть заикнусь им, в какую мы влипли историю, они совсем с ума сойдут.

— Не вздумай ничего рассказывать! — заорал я.

У меня от такой перспективы просто в глазах потемнело. Я сразу представил себе, как мать Круглого звонит моей, после чего мои предки экспроприируют у меня пятьдесят баксов, а точнее, оставшуюся от них сумму в рублевом экви-

валенте. Такое само по себе обидно, но это еще цветочки. Ибо дальше последуют куда более крутые ягодки. Фотоаппарата я, конечно, тоже лишусь. Чтобы впредь не влипал в подобные истории. И нас всех до конца учебного года запрут по квартирам. А в школу станут водить за ручку, как маленьких. Словом, мрак, ужас, отчаяние и вообще...

Естественно, все эти мысли я не стал держать при себе, а тут же поделился с друзьями. Клим меня выслушал и спокойно изрек:

— Зря, Тимка, старался. Меня убеждать не надо. Я не собираюсь ничего рассказывать предкам. И вообще, не хочу сидеть дома все оставшиеся каникулы. По-моему, это жутко скучно.

— По-моему, тоже, — поддержал его я. — Во всяком случае, сидеть одному.

— Не знаю, не знаю, — Зойка явно была не согласна со мною.

— Вот ты и сиди тут одна, — мне надоело что-то ей доказывать. — У нас от каникул всего ничего осталось.

Однако Адаскиной, судя по всему, одной сидеть тоже не очень улыбалось. Во всяком случае, мне она ответила:

— Дурак ты, Сидоров.

— Ребята, — Дольникова посмотрела на нас широко раскрытыми глазами. — Вот мы с вами все про каникулы да про каникулы. А в действительности самое сложное впереди.

— Что значит «впереди»? — до меня не сразу дошло.

— Когда в школу ходить станем, — пояснила Агата. — И этот мужик начнет нас выслеживать у школы.

В комнате повисло молчание. А потом я сказал:

— Придется соблюдать осторожность. Во-первых, постараемся по мере возможности вне школы держаться вместе.

— И что это даст? — с трагическим видом осведомилась Зойка.

— Очень многое, — спокойно продолжал я. — Поодиночке расправиться с нами ничего не стоит. А вот когда мы вместе, это задача для преступников посложней. Даже если не отобьемся, то шум поднимем. Глядишь, кто-нибудь и прибежит на помощь.

— А если не прибежит? — Зойка уже заранее видела себя в лапах преступников.

— Вот когда не прибежит, тогда и будем думать! — все-таки эта Адаскина жутко меня раздражала.

— Тогда будет поздно, — не унималась она.

— Знаешь, Зойка, — пришла мне на помощь Агата. — Всех опасностей не предугадаешь и не предусмотришь.

— Вот именно, — вмешался Круглый. — Мы сейчас просто должны выработать тактику наиболее разумного поведения. Ну, чтобы не угодить в ловушку просто по собственной глупости. Конечно, на все сто процентов ручаться трудно, но я считаю, что Тимка прав: этот мужик никогда не решится убрать нас всех вместе, да еще на улице, в самом центре города.

Слова Клима, кажется, несколько успокоили Зойку, и она сказала:

— Ну, да. На Сретенке-то народу полно.

— Наконец-то, — с облегчением выдохнул я. — В общем, так, ребята. Остаток каникул и первое время после них держимся за пределами квартир все время вместе. Второе: неплохо бы организовать вход и выход из школы не через основной вестибюль. Врубаетесь? Мужик будет

поджидать нас именно там, а мы выйдем через другую дверь.

— Интересно, через какую другую? — скептически осведомилась Зойка.

— Естественно, через боковой выход, — небрежно бросил я. — Он ведь всегда заперт.

— Верно, — подтвердил Клим.

— Но если он заперт, — продолжил я, — значит, существует ключ, которым он отпирается. И наша с вами задача — добыть его.

— Ну, ты загнул, — Зойка тряхнула мелкими черными кудряшками. — Надеюсь, помнишь, у кого ключ?

— У нашего завуча Николая Ивановича Камышина, естественно, которого в народе кличут Никой, — отвечал я. — Знаешь, Адаскина, у меня пока еще нет склероза.

— Но извилины у тебя, Сидоров, распрямились, — Зойку ничуть не смутило мое заявление. — Ключик у Ники тырить собрался. Разве забыл? Ты у него ведь и так на заметке. В два счета из школы вылетишь.

— Если тщательно разработаем план похищения, то ни фига не вылечу, — уверенно произнес я. — Тем более что этот Никин ключ нам понадобится совсем ненадолго. Только до мастерской добежать. Закажем там копию, а ключ украдкой подсунем обратно.

— Но учтите, — снова заговорила Адаскина. — В эти игры я с вами не играю.

— Пожалуйста, — не возражал я. — Кстати, ты нам и не нужна. Доверь тебе такое — и впрямь потом из школы вылетим.

— Что ты сказал? — вытаращила на меня глазки Адаскина. — Мне нельзя доверять?

— Естественно, — хмыкнул я. — Как поймают, мигом всех заложишь.

— Я-а? — широко разинула рот Зойка. — Интересно, когда это я кого хоть разок закладывала?

— Не закладывала, значит, заложишь, — продолжал издеваться я.

— Ну, все! — вскочила на ноги Зойка.

Наверное, она собиралась сказать, чтобы я убирался вон из ее дома. Агата, кажется, подумала то же самое. Потому что, не дав Адаскиной раскрыть рот, быстро сказала:

— Кончайте, ребята.

— Да я чего, — мирно произнес я. — Просто шучу.

— И шутки у тебя, Сидоров, между прочим, дурацкие, — сквозь зубы процедила Адаскина.

Мне ее заявление, конечно, не понравилось, и мы обязательно снова бы поругались, но тут Круглый сказал:

— А между прочим, Ника со своим ключом вообще нам не нужен.

— Это еще почему? — сделалось интересно мне.

— Потому что его ключ наверняка не единственный, — объяснил Круглый. — Наверняка, по крайней мере, еще один висит на щите в вахтерской. А стянуть его оттуда гораздо проще, чем у Николая Ивановича.

— Верно, — обрадовалась Агата. — Заговорим охраннику зубы и...

— Отлично, — одобрил я. — В первый же день занятий и попытаемся это осуществить.

— Тогда предлагаю в школу явиться не перед уроками, а к самому открытию, — сказала Агата.

— Она открывается в восемь, — внес ясность Клим. — Но, думаю, лучше собраться где-нибудь без десяти — без пятнадцати. Устроимся во

дворе у самого входа. Вряд ли этот мужик, даже если он нас выслеживает, попрется на территорию школы.

— Точно, не попрется, — на сей раз согласилась со мной Адаскина. — Зачем ему привлекать к себе внимание.

— А интересно, он завтра будет здесь нас разыскивать или нет? — я посмотрел на друзей.

— Может, уже сегодня разыскивает, — поежилась Агата.

— Сегодня вряд ли, — покачал головой Клим. — Если мы правы и он совершил какую-нибудь кражу века, то постарается держаться подальше от места преступления. Ведь его кто-нибудь может опознать.

— Так ведь и завтра может, — сказала Адаскина.

— Завтра — совершенно другое дело, — ответил Клим, — Он переоденется или вообще немного внешность изменит. И узнать его станет гораздо труднее.

— Кстати, насчет кражи века, — меня вдруг осенило. — Если этот мужик и впрямь совершил что-то крупное, то об этом обязательно сообщат или в газетах, или по радио, или по ящику.

— А может, и везде одновременно, — предположил Круглый.

— Не обязательно одновременно, — уточнила Агата. — По телеку может пройти информация уже сегодня, а в газетах, скорей всего, завтра утром.

— При условии, если сегодня все обнаружится, — подхватила Адаскина. — А если он ограбил квартиру, хозяева которой куда-нибудь на время уехали?

— Тогда до их приезда, — уловила Агата Зойкину мысль, — никто и не хватится.

— А соседи разве слепые кроты? — заспорил я. — Они наверняка заметят взломанную дверь и милицию вызовут.

— Это если дверь взломана, — внимательно посмотрел на меня Климентий. — А если преступник ключ подобрал и, уходя, аккуратно запер за собой дверь?

— Тогда другое дело, — вынужден был признать я.

— Не другое, — Адаскина словно нарочно спорила с каждым моим словом. — Видишь ли, Тимурчик, если у людей хранятся большие ценности, они ставят свою квартиру на охрану. Понимаешь, сигнализацию проводят.

— А вдруг преступник знал, как снять квартиру с охраны? — спросила Агата. — Ведь если это и впрямь серьезная кража, то к ней наверняка тщательно готовились.

Тут меня охватило запоздалое раскаяние.

— Дурака мы с вами сваляли, ребята. Надо было, как только мужик отъехал, тут же в подъезд забежать. Вдруг что-нибудь важное бы заметили.

— Куда забегать? — уставилась на меня Агата. — Мы ведь тогда вообще ничего не поняли.

— Вот именно, — поддержал ее Клим. — Мы стали о чем-то догадываться только после того, как нам проявили пленку.

— А до этого, между прочим, Тимурчик, ты только и твердил про свои пятьдесят баксов, — не преминула напомнить Адаскина.

Я, не произнося ни слова, поднялся на ноги.

— Куда ты? — удивилась Адаскина. — Неужели обиделся?

— Делать мне нечего, на тебя обижаться, — усмехнулся я. — Сейчас фотки из куртки достану и поглядим, возле какого подъезда стоял грузовик мужика.

— Зачем тебе? — не поняла Зойка.

— Во-первых, чтобы знать, — отозвался я. — А во-вторых, попытаюсь исправить ошибку.

— Спятил? — Адаскина глянула на меня как на чокнутого.

Отмахнувшись, я сходил за снимками. Мы изучили фотографию с грузовичком и мужиком.

— Ну, так. Ясно, — сказал я.

— Ты все-таки собрался туда идти? — глаза у Агаты сделались в пол-лица.

— Собрался, — подтвердил я.

— А если он уже снова там? — охнула Адаскина. — Или его сообщник?

— Сомневаюсь, — ответил я.

— Тимка, — тихо произнес Клим. — По-моему, идти туда слишком рискованно.

— Так я замаскируюсь, — у меня уже было готово решение.

— Интересно, подо что? — осведомилась Зойка. — Под дуб, бревно или урну?

— Несмешно, — сказал я. — А если серьезно, то просто переоденусь, никто меня и не узнает.

— Просто переодеться мало, — покачал головой Клим.

— Точно, — согласилась Агата.

— Мы грим ему сделаем, — предложила Зойка.

— Какой еще грим? — с подозрением покосился на нее я.

— Элементарно, Тимурчик, — уже загорелась Адаскина. — Сейчас проверим, что в этом плане в наличии есть у матери.

Подбежав к комодику, она выдвинула верхний ящик и принялась сосредоточенно в нем рыться.

— Вот, — она наконец извлекла оттуда большой ярко-оранжевый тюбик. — Искусственный загар. С лета у матери сохранился.

— На фига летом искусственный загар, когда можно естественно все получить? — изумился Клим.

— Во-первых, чтобы пораньше начать хорошо выглядеть, — ухмыльнулась Адаскина. — А во-вторых, чтобы не обгореть на пляже.

— С этим ясно, — вмешался я. — Но мне-то загар зачем?

— Чтобы цвет лица изменить, дурак, — покровительственно взглянула на меня Зойка. — Ну-ка, давай, Тимурчик, садись. Знаешь, как от этого лицо меняется, сейчас намажем тебя, и порядок, только глаза закрой, чтобы не попало.

Я зажмурился.

— Не морщись! — тут же одернула меня Зойка. — Просто спокойно опусти веки. Иначе загар ляжет неровно.

Возилась она довольно долго. Наконец последовала команда:

— Все, Тимурчик, открывай глаза.

Я открыл и приблизился к зеркалу. Лицо мое каким было, таким и осталось.

— Ну, и где твой хваленый загар? — спросил я.

— А он не сразу проявляется, — сказала Зойка. — Подожди чуть-чуть.

— И сколько будет длиться это «чуть-чуть»? — повернулся я к ней.

— Точно не помню, — призналась Адаскина. — Сейчас прочтем.

И она уткнулась в инструкцию на тюбике.

— Ну, — через некоторое время поторопил я.

— Да понимаешь, Тимурчик, — смущенно пролепетала она. — Тут написано, что эффект наступает только через пять часов.

— Издеваешься? — взвыл я. — Зачем мне сдался загар через пять часов, когда на улице

станет совершенно темно? И вообще будет уже поздно куда-нибудь идти.

— Чем скандалить, пошел бы да умылся, — Зойка ответила с таким видом, будто совсем не она, а я придумал этот кретинизм с искусственным загаром.

Мне осталось только последовать ее совету. Вернувшись в комнату, я увидел, что Зойка снова сияет.

— Тимурчик, твоя судьба в надежных руках. Я нашла у матери тональный крем. Садись. Сейчас мы с Агатой тебя обработаем.

Теперь две подруги действовали в четыре руки. Судя по ощущениям, на моей физиономии не осталось живого места.

— А ну, шуруй к зеркалу, — наконец распорядилась Агата.

На этот раз я и впрямь почти не узнал себя. Рожа моя смахивала на маску из темного гипса. И брови сделались какие-то странные. Они были явно светлы для столь темного лица. Агата тоже это заметила.

— По-моему, Тимка, тебе надо брови подтемнить.

— Это пожалуйста, — Зойка с готовностью протянула черный карандаш для бровей.

Дольникова, от усердия высунув кончик языка, старательно зачернила мне брови.

— Ух ты! — восхитился Клим. — Да я бы и сам тебя на улице не узнал.

Отпихнув Агату, я снова кинулся к зеркалу. Мой друг был прав: от меня натурального сохранилось очень мало. Это, скажу я вам, очень странное ощущение, когда вроде бы глядишь на себя, но не узнаешь. Как только актеры с этим постоянно живут?

Я минут пять крутился перед зеркалом, по-

том немного привык. Зойка с довольным видом потерла руки:

— Вижу, тебе, Тимурчик, самому нравится.

Я промолчал. «Нравится», по-моему, совсем не то слово, но, в общем, какая разница. В конце концов, мы все это проделали совсем не для моего удовольствия, а чтобы мужик меня не узнал, если мы с ним вдруг столкнемся.

— Вот теперь можно тебя и переодеть, — снова заговорила Зойка.

— Да, наверное, теперь и так сойдет, — возразил я. — Меня даже родная мама с такой рожей не признает.

— Мама, может, и не признает, — откликнулась Адаскина, — а этот тип запросто. Если у него хорошая память, он твой прикид ни с чем на свете не перепутает.

— Вот именно, — поддержал Клим. — А признав знакомую одежду, мигом под гримом вычислит твою рожу. Мы ведь тебе не пластическую операцию сделали. Просто чуть-чуть замазали.

— Если ты так считаешь, то он и без одежды вычислит, — заволновался я.

— Ошибаешься, Тимка, — сказала Агата. — Если мы нацепим на тебя что-нибудь совсем другое, никто тебя не вычислит.

— Откуда другое? — растерялся я. — Мне что теперь, с этой рожей домой переодеваться бежать?

— Даже не вздумай! — замахала руками Зойка. — Справимся местными средствами. Сейчас я тебе что-нибудь подберу.

Зойка скрылась в кладовке.

— Погоди! Я тоже хочу посмотреть! — кинулась следом за ней Агата.

Мы с Круглым остались одни в комнате. Круглый сказал:

— Слушай, Тимка, пожалуй, я тоже с тобой туда пойду.

— Нет, — мотнул головой я. — Вдвоем никак нельзя. Тогда этот тип нас наверняка узнает.

— Так я тоже сейчас загримируюсь, — ничуть не смутился мой друг.

— Бесполезно, — махнул рукой я. — Ты пойми: если он там окажется и увидит сразу двух нежелательных свидетелей...

— Ты прав, — вздохнул Клим, и я понял, что ему очень хочется пойти.

Тут в комнату вбежали Зойка с Агатой.

— Эх, Тимурчик, — мечтательно посмотрела на меня Адаскина. — Сейчас мы тебя так прикинем! Будешь ты у нас хоть куда. Хочешь в переулочек, хочешь на подиум.

Мне Зойкин тон не понравился. Кажется, они задумали против меня какую-то пакость.

— А ну, показывай, чего ты на меня хочешь нацепить? — потребовал я.

— Оп-ля! — и Адаскина жестом фокусника развернула передо мной огромную дутую куртку ярко-оранжевого цвета.

— Э-это? — я даже стал заикаться от ужаса. — Ну, уж нет.

— Дурак ты, Тимурчик, — обиделась Зойка. — В таком деле такая куртенка — именно то, что доктор прописал.

— Именно! — в свою очередь принялась с пылом убеждать меня Агата. — Это же прямо «Минздрав рекомендует».

— Не понимаешь своего счастья! — подхватила Зойка. — Да в этом тебя уж точно не узнают.

— В оранжевом? Внимание к себе привлекать? — я был совершенно с ней не согласен.

— Да как раз все внимание привлечет к себе куртка, — доказывала Адаскина. — А на тебя, Тимка, вообще никто не посмотрит. Даже этот мужик, если он там шляется. Потому что у него сразу в мозгу сработает: «Совсем не то. Парень, который мне нужен, был в черной куртке».

— Или в зеленой, — добавила Агата. Это она, конечно, подразумевала Круглого.

— Все равно не хочу, — уперся я.

— Чем спорить, лучше примерь, — насели на меня Агата и Зойка.

— Не пойду я в женской куртке, — яростно сопротивлялся я.

— Между прочим, она мужская. Видишь, на какую сторону застежка, — продемонстрировала мне Зойка.

А Агата, не давая мне опомниться, проговорила:

— И оранжевый цвет в этом сезоне очень моден.

— В общем, Тимка, выбор у тебя маленький, — объявила Зойка. — Либо эта куртка, либо очень старая цигейковая шуба. Но она действительно женская.

— Тогда уж лучше куртку, — с неохотою согласился я. — Только шапку я оставлю свою.

— Ничего подобного! — хором проорали девчонки. — Мы тебе подобрали замечательный головной убор!

И Агата с торжественным видом вручила мне вязаную шапочку. Почти такую же, как у меня. Черного цвета, но только с помпоном.

— Какая разница? — я недоуменно уставился на шапку Адаскиных.

— Очень большая, — на полном серьезе про-

изнесла Зойка. — Все дело как раз в помпоне. Он оптически в корне меняет форму головы.

— И какая же у меня теперь форма? — я напялил шапочку.

— Сложная, — прыснула Зойка.

Комментариев больше не требовалось. Ясно, что я выглядел как идиот. Однако в сложившейся ситуации это было даже хорошо. По крайней мере, уж точно не похож на себя.

— Эх, Тимурчик, — мечтательно поглядела на мои ноги в черных джинсах Адаскина. — Тебе бы еще вместо этого хорошенькую юбочку...

Видимо, мое лицо даже в замазанном виде так изменилось, что Зойка мигом испуганно пролепетала:

— Молчу, Тимурчик, молчу. Это просто шутка.

— Надевай куртку, — потребовала Агата.

Я послушался. Агата обошла меня со всех сторон.

— Зойка, у нас проблемы, — обратилась она к подруге. — Там белая шея видна.

Адаскина подскочила ко мне:

— И впрямь! Не беда. Сейчас шарфиком замотаем.

Слетав в кладовку, она вернулась с длинным черным шарфом, который три раза обмотала вокруг моей шеи. Затем натянула мне шапку пониже и подвела итог:

— Полный порядок. Шуруй, наш герой, и скорей возвращайся.

Перед тем, как покинуть квартиру Адаскиных, я еще раз взглянул на себя в зеркало. Там действительно отразился почти не я.

— Вроде нормально, — произнес я вслух.

— Шанс выжить есть, — откликнулся Клим.

Махнув им всем на прощание, я двинулся в путь.

Всю дорогу до нужного переулка на Сретенке я внимательно смотрел по сторонам. Вдруг мне этот мужик на глаза попадется? Однако никого, хоть отдаленно похожего на него, в поле зрения не возникало.

Благополучно дойдя до поворота в переулок, я остановился. Теперь требовалась предельная осторожность. Сперва я тщательно оглядел сам переулок, в нем не оказалось ни души. Только несколько машин было припарковано по обочинам. Правда, все легковые. Грузовиками даже не пахнет. Однако меня тут же кольнуло: «Если этот мужик и следит за нами, то скорее всего машину сменил и может сейчас находиться в любой из этих легковушек».

Я попытался издали рассмотреть, нет ли кого внутри. В одном «жигуле», кажется, кто-то сидел. Я медленно двинулся вперед, чтобы рассмотреть человека поближе. Сердце мое вдруг заколотилось. А если это он? Грим — гримом, куртка — курткой, но попасться-то я могу легко.

Честно сказать, мне сделалось элементарно страшно. Я снова остановился. Может, вообще ну его все это на фиг? Вернусь прямо сейчас к ребятам. Хотя нет. Нельзя. Во-первых, Зойка задразнит. Ей только дай повод. Конечно, я могу в принципе погулять где-нибудь в другом месте, а им потом объявить, что смотрел-смотрел, но ничего подозрительного не обнаружил. Однако и такой вариант меня не устраивал. Потому что после этого я сам перестану себя уважать.

Словом, обратной дороги не было, и я на ватных ногах поплелся к «жигулю». Самое инте-

ресное, что внутри оказался совсем не тот мужик, а вообще какая-то тетка. Устроившись за рулем, она увлеченно и бурно курила сигарету. Меня она смерила зверским взглядом и хрипло осведомилась:

— Чего тебе надо?

— Ничего, — я прикинулся дурачком. — Просто вот проходил мимо и подумал: может, вам чего надо?

— Проходил мимо, вот и проходи, — рявкнула тетка и стала ожесточенно докуривать сигарету.

Я медленно побрел дальше, на всякий пожарный заглядывая в салоны других машин. В двух из них оказались тонированные стекла, и мне, чтобы разглядеть внутренность салонов, пришлось подбираться вплотную.

Внезапно за моей спиной послышался хруст снега. Я обернулся. Ко мне приближалась тетка из «Жигулей». Здоровенная, со злобным лицом и сигаретой в ярко напомаженных губах.

— Эй ты! — не вынимая изо рта сигареты, сказала она. — Чего тут высматриваешь?

— Да ничего особенного, — я снова прикинулся дурачком. — Тачка понравилась.

— Вижу, что понравилась, — сигарета сама выпала у тетки изо рта, отчего она обозлилась на меня еще больше. — А ну, шуруй отсюда подальше!

Я смылся. Правда, недалеко. Ход мыслей у меня был такой: раз эта тетка сидит за рулем, значит, скорей всего, кого-то дожидается и скоро уедет. Так оно и случилось. Из своего укрытия я увидел, как в «Жигули» рядом с ней сел какой-то старикашка, и они отбыли восвояси.

Путь был свободен. К тому моменту, когда я медленно вернулся к нужному подъезду, уже

смеркалось. Кроме того, я начал сильно мерзнуть. Мороз стоял приличный, а Зойкина куртка грела как-то плохо.

Подъезд тоже меня не обрадовал. Дверь оказалась металлической да к тому же с домофоном. Я на всякий случай внимательно осмотрел кнопки и стену. На некоторых подъездах доброжелатели выцарапывают номер кода, которым можно открыть домофон. Однако здесь, кажется, жили осторожные люди, и номера никто не нацарапал. Вообще меня очень удивило, что фасад и дверь были абсолютно чистыми. Ну, прямо без единой надписи или наклеенного объявления.

«Выходит, зря я сюда тащился?» — пронеслось в голове. Стало очень обидно. Но в это время дверь, едва не сбив меня с ног, широко распахнулась. Из нее вышел дядька с черными усами. Он с подозрением на меня уставился, но я не растерялся и уверенно так ему говорю:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, — ошалело изрек черноусый дядька и даже придержал дверь, чтобы она не захлопнулась.

Так я и оказался в подъезде. Черноусый дядька ушел, а я, постояв для порядка и послушав, начал медленно подниматься наверх.

Дом был старинный, четырехэтажный и, разумеется, без лифта. На каждую площадку выходило по две двери. Подходя к каждой, я сначала прислушивался и, если внутри оказывалось тихо, толкал ее. Пока ни одной взломанной не обнаружилось.

Первый этаж, второй, третий. Поднявшись на четвертый этаж, я подошел к предпоследней квартире и на сей раз, даже не прислушиваясь, пихнул кулаком дверь. Она со скрипом отворилась.

Глава III

Дочь кавалериста

От неожиданности я прямо остолбенел. Вот уж на что совсем не рассчитывал! И вообще, еще бы одна, кроме этой, квартира, и я со спокойной совестью вернулся бы обратно к Адаскиной. А теперь что прикажете делать? Ведь я тут совершенно один. Безо всякой, можно сказать, поддержки. Меня охватили запоздалые сожаления. Нужно было все-таки захватить с собой Клима. Потому что одна голова хорошо, а две лучше.

Вопрос-то стоял ребром: заходить в квартиру или нет? С одной стороны, возможно, там кому-то требуется экстренная помощь. А с другой, если внутри кого грохнули — я захожу, меня застукивают, и поди после объясняй, как я там оказался. В общем, дилемма.

Пока я мучился возле приоткрытой двери, изнутри послышался шорох. «Выходит, кто-то живой тут все-таки есть, — пронеслось у меня в голове. — А раз так, то надо спасать». И я решительно толкнул дверь. «Р-р-р!» Что-то белое взвилось в воздух. Я инстинктивно прикрыл лицо рукой. В следующее мгновение это белое, не переставая грозно рычать, вцепилось в мой рукав и повисло. Я истошно заорал и попытался стряхнуть свирепого фокстерьера.

Но у него была мертвая хватка. Он продолжал висеть на мне и рычать.

— Гарри! Гарри! Фу! Перестань! — непонятно

откуда появилась в просторной прихожей пожилая женщина.

Едва глянув на нее, я обмер и даже отвлекся от фокстерьера, продолжавшего упорно висеть на рукаве адаскинской куртки. Передо мной стояла седая тетка в халате и с шашкой наголо. Понимаете, с самой настоящей шашкой, с той, которые я раньше только в фильмах видел. Там такими головы рубили. Например, всякие казаки и так далее.

И вот я стою, фокстерьер висит и рычит, а седая тетка, слегка помахивая в воздухе своей жуткой острой шашкой, спрашивает:

— Ты вообще кто?

— Это вы мне? — переспрашиваю.

— Нет. Ивану Сусанину, — ухмыляется тетка.

— Понятно. Я — это я.

— Замечательно! — мерзко хихикает она. — А что, позволь спросить, ты делаешь в моей квартире?

С этими словами она вдруг принимается вертеть шашку у себя над головой. Фокстерьер ее тоже не дремал. Выплюнув адаскинский рукав, он приземлился и атаковал мой ботинок.

— Фу, Гарри! Фу! — не переставая вращать своей шашкой, крикнула женщина.

И откуда у нее столько силы? Шашка-то явно тяжелая.

Но Гарри хозяйку не очень-то слушался. Он продолжал терзать мой ботинок. Я, дрыгая ногой, принялся потихоньку отступать в направлении лестничной площадки.

— Сто-оять! Смир-рно! — гаркнула тетка, и ее смертоносная шашка нацелилась прямиком в мою грудь.

Я, естественно, замер и говорю ей:

— Фу, Гарри! Фу! — не переставая вращать своей шашкой, крикнула женщина.

— Не надо.

Тетка, хмыкнув, обогнула меня и заперла входную дверь на два замка.

— Садись, — распорядилась она и указала шашкой на стул.

Я сел. Чего мне оставалось делать? Откуда я знал, вдруг она сумасшедшая?

— Рассказывай! — последовал новый приказ.

Фокстерьер поддержал слова хозяйки утробным рыком.

— А что вас конкретно интересует? — спросил я.

— Естественно, как и зачем ты попал в мою квартиру? — пояснила женщина с шашкой.

— Ах, она ваша, — с облегчением выдохнул я. — Значит, тут никого не убили. А вас случайно не ограбили?

— Какой заботливый, а! — хихикнула женщина. — С чего это тебе взбрело в голову, что здесь должны кого-то убить или ограбить?

— Ну, у вас дверь оказалась открыта, — ответил я.

— А-а, — с явным облегчением протянула тетка. — Видимо, я пришла и забыла запереть. А ключей в замке снаружи не было? — тут же с подозрением уставилась она на меня.

— Нет, — мотнул головой я.

Тетка, однако, мне не поверила. Продолжая грозить мне шашкой, она принялась другой рукой рыться в сумочке, стоявшей на подзеркальнике. К счастью для меня, она через некоторое время извлекла оттуда связку ключей.

— Фу-у, — выдохнула она. Однако в следующее мгновение вновь смерила меня настороженным взглядом: — А ты вообще-то к кому направлялся?

Это был сложный вопрос. Я принялся лихорадочно обдумывать ответ. Не расскажешь ведь ей всю правду. И в то же время она не должна почувствовать, что я вешаю ей лапшу на уши. Иначе ведь, чего доброго, зарубит.

— Я жду, — поторопила вооруженная тетка.

Фокстерьер тоже немедленно прорычал, что ждет. Вернее, я именно так его понял. А раздражать лишний раз эту парочку мне совсем не хотелось. Вот я и счел за лучшее хоть с чего-нибудь начать, а уж после, по ходу, додумать. И я начал:

— Да, понимаете, вообще-то мне ну совершенно не к вам...

Я умолк. Дальше ничего путного пока не придумывалось.

— Догадываюсь, — сухо произнесла кровожадная женщина с шашкой и вновь выжидающе уставилась на меня.

— Мне к вашим соседям, — я ляпнул первое, что пришло в голову.

— Это к каким же соседям? — не сводила с меня глаз старая террористка. — Из какой квартиры?

Я растерялся. Какие тут, интересно, номера? Ведь в этом доме имеется еще один подъезд. А какой он по счету? Первый или второй? В общем, я ответил уклончиво:

— Да я как раз шел в ту квартиру, которая напротив вас.

— И кто, интересно, там тебе был нужен? — по-моему, ее губы скривились в усмешке. Учитывая наличие обнаженной шашки, мне это совсем не понравилось.

— Знаете, — медленно проговорил я, — это очень долгая история.

— А нам с Гарри некуда торопиться, — откликнулась она. — Так что не стесняйся.

— У меня есть бабушка, — сказал я.

— В твоем возрасте это неудивительно, — спокойно отреагировала на мою информацию тетка. А Гарри коротко тявкнул. По-видимому, у него тоже была какая-то фокстерьерская бабушка. Короткий тайм-аут пришелся мне очень кстати: в моей башке наконец начало что-то складываться. Я немного уверенней продолжал:

— Так вот. У моей бабушки в юности была подруга. Очень близкая подруга. Потом они из-за чего-то там поругались. И много лет друг с другом не виделись. А теперь бабушка захотела ее найти. Говорит: «Ностальгия замучила по молодым годам».

— Почему же она сама не пришла? — поинтересовалась тетка с шашкой.

— Ей трудно, — ответил я. — Во-первых, она теперь плохо ходит, а у вас дом без лифта. Но самое главное, она уже много лет живет в Питере.

— И как же зовут твою бабушку? — осведомилась дотошная тетка.

У меня лично бабушек в Питере не было. Зато у Круглого бабка и впрямь питерская. Хотя теперь живет с ними в Москве. Ну, я и решил ее назвать:

— Елизавета Павловна.

— И фамилию, пожалуйста, тоже, — потребовала тетка с шашкой.

В общем, она учинила мне форменный допрос. Я, естественно, назвал все данные бабушки Круглого.

Тетка с шашкой, похоже, несколько успокоилась, но от меня не отстала.

— Теперь скажи, как зовут подругу?

Я, чтобы не забыть и не запутаться, назвал имя и отчество нашей литераторши:

— Изольда Багратионовна.

— Редкое имя, — отметила тетка с шашкой. — В нашем подъезде сейчас точно таких не живет. И вообще, какой номер квартиры назвала тебе бабушка?

— Никакого, — нашелся я. — Она просто мне описала внешний вид вашего дома и еще говорит: «Подъезд самый последний, если идти по направлению к Сретенке». А номеров она уже никаких не помнит.

— А когда же они последний раз с этой Изольдой виделись? — полюбопытствовала тетка с шашкой. По-моему, лапша уже крепко прилипла к ее ушам.

— Да вроде лет пятьдесят, — брякнул я.

— Теперь уж, естественно, не найдешь, — посочувствовала она и опустила шашку. А фокстерьер Гарри вдруг что-то жалобно проскулил. — Понимаешь, — продолжала его хозяйка, — я здесь живу уже тридцать лет, но никакой Изольды Багратионовны тут при мне не было. И уже на моих глазах сменилось трое хозяев. Так что, боюсь, придется огорчить твою бабушку. Вряд ли ее подругу можно найти.

— Да она вообще и не очень надеялась, — сказал я. — Просто просила сходить наудачу. Мол, все равно живешь рядом. Так я пойду? А то мне уже домой надо.

— Гарри, — хозяйка склонилась к фокстерьеру. — Отпустим его?

Фокстерьер, презрительно на меня покосившись, чихнул.

— Иди, — кивнула женщина. — И больше не советую тебе влезать без спроса в чужие квартиры. Даже если двери не заперты. Всякие люди встречаются.

— А вы все-таки запирайтесь, — не остался я в долгу. — А то всякие могут войти.

Женщина усмехнулась:

— Спасибо за совет. Но мы с Гарри как-нибудь справимся.

— И с шашкой? — вырвалось у меня.

— Естественно, — подтвердила хозяйка квартиры.

— Классно вы ее крутите, — я отдал ей должное.

— Как-никак экс-чемпион мира, — с гордостью ответила она.

— По шашкам? — прибалдел я.

Она заливисто засмеялась:

— По фехтованию. А шашка — это так. Семейная реликвия. От отца осталась. Он у меня служил в кавалерии. Как видишь, иногда еще может пригодиться.

— С ума сойти, — снова прибалдел я.

— Тебя как зовут? — спросила дочь кавалериста.

— Клим, — на всякий случай соврал я.

— Редкое в наши времена имя, — правильно отреагировала тетенька с шашкой.

— Ага, — радостно улыбнулся я. — Один на всю школу.

— Вот я и говорю, — кивнула она.

— А вас как зовут? — решил на всякий пожарный выяснить я. Вдруг она зачем-нибудь нам понадобится?

— Конкордия Николаевна, — охотно представилась хозяйка Гарри.

Я тут же подумал: «Настоящая дочь кавалериста. Даже имя ей предок дал какое-то лошадиное». Но вслух я сказать ей это не решился. Еще обидится.

— Ну, до свидания, — я двинулся к двери. — Как у вас тут открывается?

— Погоди. Я сама, — не дала мне дотронуться до замков Конкордия Николаевна. Видно, она все-таки до конца не теряла бдительности.

Оказавшись на лестничной площадке, я украдкой бросил взгляд на дверь соседней квартиры. Единственную, которая осталась мной не охвачена. Кажется, она была закрыта неплотно. Однако разглядеть толком мне не удалось. Конкордия Николаевна и ее Гарри, стоя в дверном проеме, зорко следили за моей передислокацией. Все-таки я решил хоть что-нибудь выяснить:

— А кто там теперь живет?

— Обычная семья, — передернула плечами дочь кавалериста. — Ничего особенного.

Прямо скажем, негусто. Мне жутко хотелось подойти к этой двери и проверить свои подозрения. Но, увы.

Я медленно двинулся вниз по лестнице, надеясь, что Конкордия со своим фокстерьером уйдут в квартиру. Тогда можно тихонечко вернуться на площадку. Однако она явно решила дождаться, пока хлопнет дверь подъезда. Уже находясь на втором этаже, я поднял голову и увидел: дочь кавалериста пристально смотрит в пролет.

Пришлось мне выйти на улицу. Лишь на морозе я вдруг ощутил, что весь мокрый как мышь. Ведь все это время я просидел у Конкордии в куртке, шапке и плотно намотанном на шею шарфе. Причем я даже не расстегивался. Ветер в момент пробрал меня до костей. Зубы застучали. Щеки тут же начали дубеть. Я с силой потер их ладонями и лишь после этого спохватился: «Черт! Что я делаю? У меня же грим на лице!»

Под ближайшим фонарем я разглядел свои руки. Они, естественно, были в тональном креме.

Я живо вообразил, какой у меня сейчас видок. Хорошо еще, что на улице совсем стемнело. Натянув шарф на лицо и запихнув руки поглубже в карманы, я торопливо зашагал в сторону Сретенского бульвара.

От ходьбы я немного согрелся, но вскоре меня снова забил колотун. Только уже не от холода. Мне вдруг живо представилось, что могло бы произойти, если бы экс-чемпионка по фехтованию долбанула меня своей шашкой. Или, к примеру, сдала в милицию. Кстати, неизвестно, что оказалось бы хуже. Теперь-то я понимал, что лишь чудом крупно не обломался.

Тут я сообразил другое: выйдя из подъезда, я не догадался проверить, есть в переулке слежка или нет. Остановившись, я проделал классический детективный трюк. Наклонился вроде бы завязать шнурок, а сам в это время глянул, что делается вокруг. Прохожих на Сретенке было полно, как всегда в конце рабочего дня. Однако, кажется, все они шли по своим делам, и мною никто не интересовался. Я уже хотел выпрямиться, когда заметил: какой-то тип, остановившийся всего в нескольких шагах от меня, уставился в окно дома, из которого давно уже выселили жильцов.

Это настораживало. Что, спрашивается, ему там рассматривать, да еще в темноте? Сами понимаете, окно дома на капитальном ремонте — это не витрина магазина. Я распрямился и свернул в «Грибы, ягоды, овощи». Подваливаю к прилавку с фруктами и прикидываюсь, будто решаю, чего купить. А сам, конечно, в окно гляжу на улицу. Тот самый тип, как ни в чем не бывало, прошествовал мимо. Он даже не поглядел в мою сторону.

Я облегченно вздохнул. Видать, показалось.

В общем, я без дальнейших приключений добрался до Адаскиных. Все тут же набросились на меня.

— Где тебя носило? Что-нибудь узнал?

— Нет. Полный тухляк, — вынужден был признаться я.

— Совсем ничего? — лица моих друзей разочарованно вытянулись.

Похоже, их куда больше бы обрадовало, ответь я, что этот мужик за нами следит. Я начал рассказывать им о своих приключениях. Когда дело дошло до дочери кавалериста с ее шашкой и фокстерьером, эти трое самым гнусным образом заржали. Мне стало обидно.

— Вот вы бы сами там оказались, посмотрел бы я на вас.

Но они почему-то только сильнее развеселились. И, естественно, громче всех хохотала Адаскина.

— Сколько же, Тимурчик, этой чемпионке мира лет? — наконец осведомилась она.

— Знаешь ли, я у нее паспорт как-то не спрашивал, — еще сильней обозлился я.

— Действительно, Зойка, какой там паспорт, — сквозь смех изрек Клим. — Тимка боялся, что ему голову оттяпают.

— Ты, между прочим, недалек от истины. — При одном воспоминании о том, как Конкордия Николаевна вертела над головой острой, словно бритва, шашкой, меня даже сейчас передернуло. — В общем, — продолжал я, — если бы мне не удалось ее вовремя успокоить, скорее всего мы с вами больше никогда бы уже не увиделись.

Но почему-то чем больше я пытался вдолбить им, что ничего смешного нет, тем сильней они ржали. В общем, пришлось мне ждать, пока они успокоятся естественным путем.

А успокоились они, надо заметить, совсем не скоро. Потому что Адаскина, внимательно посмотрев на меня, вдруг заявила:

— Если ты, Тимка, предстал чемпионке по фехтованию в таком виде, как сейчас, то я лично вполне понимаю, почему она за шашку схватилась. Вот полюбуйся сам.

Зойка подвела меня к зеркалу. Глянув, я ахнул. Физиономия у меня была вся в пятнах и темно-коричневых потеках. Брови тоже размазались по лбу. Видок, замечу, устрашающий. Я напрягся, пытаясь вспомнить, тер ли лицо перед визитом к дочери кавалериста. Потому что, если не тер, значит, главная трагедия с моей внешностью произошла уже по дороге обратно и Адаскина не права. Наверное, так оно и вышло на самом деле. То-то продавщица из овощного глянула на меня, как на психа. А если бы я в таком виде еще появился перед Конкордией Николаевной, она точно со страху треснула бы меня своей шашкой.

Пока я таким образом размышлял перед зеркалом, трое чутких моих друзей снова впали в истерику. Теперь по поводу моей морды. Я посмотрел на них и сказал:

— На дураков не обижаются.

Агата тоже на меня посмотрела и вдруг перестала смеяться.

— Хватит, ребята, — сказала остальным она.

Тут я почувствовал, что жутко хочу есть, и спрашиваю:

— Зойка, у тебя что-нибудь от нашего чая осталось?

— Нет, — смущенно развела она руками.

А Круглый тоже смущенно добавил:

— Понимаешь... Тебя очень долго не было. Мы начали волноваться, ну и на нервной почве...

Я молча кивнул. Люди, конечно, бывают разные. Одни, когда за тебя волнуются, спешат на помощь, а другие на нервной почве сжирают последние продукты.

— Тимурчик, — потянула меня за рукав куртки Зойка. — Может, все же разденешься? Ой! — завопила она. — Ты же рукав порвал!

Я кинул взгляд на оранжевый рукав. Оказалось, бандит Гарри не зря на нем повисел. Ткань в нескольких местах словно прорезали. Из нее выглядывал белый синтепон.

— Что ты сделал! — продолжала вопить Зойка. — Мать теперь мне устроит!

— Да ведь куртка-то мужская! — защищался я. — И вообще, я совсем не хотел ее надевать. Ты сама заставила.

— Я заставила тебя одеться, а не рвать! — кипела от возмущения Адаскина.

— А ты маленькая, да? — рассвирепел я. — Не знала, куда я иду! Да я вообще мог оттуда живым не вернуться!

— Но ведь вернулся! — с типично женской логикой заявила Адаскина.

— Слушай, Зойка, — Клим решил разрядить обстановку. — Сама подумай: ну разве мать будет тебе что-то устраивать из-за старой мужской куртки?

— Много ты понимаешь! — теперь Зойка перенесла весь свой гнев на Круглого. — Мама из этой куртки хотела себе что-то сшить. — Ее горящий яростью взгляд вновь вонзился в меня. — Главное, куртку порвал, и все без толку!

— Какой же может быть толк, если там ничего не оказалось? — я совершенно ошалел от подобной несправедливости. — А большая часть куртки, между прочим, осталась цела. Вот пускай тетя Лида и шьет из этого.

— Спасибо, Тимурчик, за разрешение, — криво усмехнулась Адаскина.

— Да перестаньте вы ругаться, — снова вмешался Клим. — Все равно назад уже рукав не вернешь.

Я, наконец, скинул проклятую куртку. Мне уже снова стало в ней жарко. И в шарфе, естественно, тоже. Поэтому я от него тоже с удовольствием избавился и пошел в ванную умываться.

Зойкина жидкая пудра отошла хорошо, и я достаточно быстро возвратился в комнату.

— Ну, и что будем делать дальше? — спросил я у друзей.

— По-моему, делать нечего, — пожал плечами Клим. — Во всяком случае, сегодня. Мужика ты нигде не засек. В подъезде вроде все тихо. Значит, опасность нам пока не грозит.

— Эх, жаль мне все-таки не удалось проверить последнюю дверь, — охватили меня сожаления. — Почти уверен, что она была приоткрыта.

— Почти или уверен? — этот вопрос, конечно же, принадлежал Зойке.

— Был бы уверен, так бы прямо и сказал, — откликнулся я. — Неужели не понимаете? Не смог проверить.

— Да успокойся ты, понимаем, — заверил Клим. — Может, мне туда смотаться? Дочь кавалериста меня не знает и...

— Погоди, — перебила Агата.

— Не волнуйся. Я сегодня туда не собираюсь, — сказал Круглый. — Вот завтра — другое дело.

— При чем тут ты? — отмахнулась Дольникова. — Я пока что за Тимку волнуюсь. Ему ведь теперь еще одна опасность грозит.

— Не понял, — насторожился я.

— Ну, — продолжала Агата, — если, к примеру, ты прав и квартиру напротив старой кавалеристки действительно ограбили или там что-нибудь еще случилось, то, как только это раскроется, кавалеристка тут же тебя заложит милиции.

Я так и сел. Агата права. Надеяться, что Конкордия Николаевна забудет о моем сегодняшнем визите, не приходилось. А значит, едва начнут разбираться, что к чему, и спрашивать у нее, ближайшей соседки ограбленных, не замечала ли она за последнее время каких-нибудь странностей... Думаю, дальше можно не продолжать. Потому что уверен: к дочери кавалериста не вламываются каждый день незнакомые парни в оранжевых куртках.

— Дура ты, Адаскина! — взвился на ноги я. — Послушался тебя на свою голову. — И, передразнивая Зойку, я заверещал: — «Чем ярче, тем лучше!»

— Это ты, Сидоров, дурак, — ничуть не смутилась Зойка. — Благодаря мне у тебя теперь какие основные приметы? Ярко-оранжевая куртка и чумазая рожа. Рожу ты отмыл, а такой куртки у тебя сроду не было.

— А нет куртки, нет, так сказать, и проблемы, — поддержала подругу Агата.

— Вот именно! — совсем обнаглела Адаскина. — Ты, Тимурчик, не упрекать, а благодарить меня должен.

Я переминался с ноги на ногу, не зная, что ответить. И как только этот женский пол умудряется даже свои ошибки выдать за достоинства? Вот и сейчас: Адаскина была виновата, но в то же время совершенно права. Они с Агатой даже меня успокоили.

— Только, естественно, появляться тебе в

3 Зак. 3475

этом переулке теперь ни в каком виде нельзя, — предупредила Агата. — Вдруг кавалерийская бабушка куда более наблюдательна, чем мы думаем. И сумеет вычислить тебя даже без грима и без куртки. И тебе, — Агата перевела взгляд на Клима, — лучше в этот подъезд не соваться.

— Вообще никому из нас, — добавила Зойка.

Не скажу, чтобы мне сильно хотелось снова идти в этот подъезд. Глаза бы мои его больше не видели. Однако Адаскина почему-то часто вызывала во мне непреодолимое чувство противоречия. И, едва услыхав ее категорическое заявление, я в запальчивости воскликнул:

— Ну, конечно же, мы не пойдем и все бросим на полпути. На фига тогда я старался? Собой, можно сказать, рисковал.

— Вот и хватит нам риска, — стояла на своем Адаскина. — А если в той квартире действительно что-то произошло, наверняка завтра сообщат в газетах или даже по телеку. Просто надо следить за новостями.

— А если не передадут? — спросил я.

— Тогда я схожу, — сказал Клим. — Но девчонки правы: сперва имеет смысл несколько дней подождать.

— Ага, — с укором произнес я. — Мы с вами будем ждать, пока кто-нибудь другой обнаружит следы преступления. А вдруг там, на месте преступления, лежит тяжелораненый?

— Если бы лежал, — ответила Агата, — твой знакомый зверь фокстерьер наверняка бы сто раз на это отреагировал. Он ведь охотничья собака. А у них, знаешь, какой нюх. Как он себя вел на лестничной площадке?

— Нормально себя вел, — внес ясность я. — Вполне спокойно.

— А к той квартире подходил? — задала новый вопрос Агата.

— Даже не смотрел, — с полной уверенностью произнес я.

— Вот видишь, — улыбнулась Агата. — Значит, там никаких раненых нету.

— Тогда будем ждать, — сдался я.

— И сегодня вечером постараемся посмотреть все новости, — добавил Клим.

— А завтра-то, завтра что будем делать? — осведомилась Адаскина.

— Можно собраться у меня, — предложила Дольникова. — Согласны? Тем более, ведь завтра Рождество. Скажу родителям, что пригласила вас к нам его отметить.

— А они разрешат? — осведомился Климентий.

— Разрешат, — кивнула Агата. — Тем более, сами предки в гости уходят.

Против Агаты я ничего не имел. Даже наоборот. Потому что ее бабка наверняка приготовит что-нибудь вкусненькое.

— Тогда жду вас прямо с утра, — сказала Агата.

Мы еще чуть-чуть посидели. Затем кружными путями разошлись по домам. Когда я вернулся, предков еще не было, и я устроился в их комнате смотреть телевизор. Через некоторое время я вспомнил, что родители сегодня задержатся. Они собирались сразу после работы ехать в какой-то мебельный магазин. Нам давно нужны книжные полки. Потому что старый стеллаж совершенно развалился.

Вернулись они домой уже около девяти часов. Мать, не успев войти, принялась в подробностях мне рассказывать, где какие полки они видели. В общем-то, мне это было не слишком

интересно. Но я все-таки вышел в прихожую. Мать глянула на меня и как завизжит.

— Лена, тебе плохо? — подхватил ее под руки отец.

— Ты только погляди на его лицо, — тыкала в мою сторону пальцем мать.

Я прибалдел. Помнил ведь, что еще у Адаскиных как следует умылся. И с рожей все было нормально.

— Тимур, что с тобой? — глаза у отца округлились, а лицо вытянулось.

Я подскочил к зеркалу и едва не вскрикнул. Всю мою физию покрывали неровные желто-коричневые пятна и потеки. Тут до меня доперло: «Искусственный загар! Видно, его-то мне до конца и не удалось смыть, а он, подлец, как раз сейчас решил проявиться».

— Тимур, — подскочила ко мне побледневшая мать. — Говори честно: что ты чувствуешь?

— Только не думай ничего скрывать, — вторил ей, в свою очередь, сильно напуганный предок.

— Ничего не чувствую! — принялся вопить я. — Я здоров! Совершенно здоров!

— Печень, — скорбно изрекла мать. — Этого я давно и боялась. Ах, почему я тебе, Тимурчик, сразу не запретила есть в школьной столовой! Общепит при твоем состоянии здоровья смерти подобен.

И, опустившись на стул возле вешалки, она зарыдала.

— Лена, Лена, — плюхнулся на другой стул рядом с ней отец. — Да успокойся. Может, еще обойдется. А с сентября... — начал он и почему-то осекся.

— Ну, развели панику, — обозлился я. — Можно подумать, я помираю. — «Теперь придется сказать им правду. А то по врачам затаскают».

Между прочим, в начале этого учебного года меня уже потаскали. Результат для меня оказался самым плачевным. Мне категорически запретили заниматься моим любимым боксом. Представляете? Не заниматься боксом, без которого я вообще жизни не представлял, а виновата была во всем Адаскина. Придумала, что мне надо закосить под больного. Случилась в школе одна неприятная история, из которой пришлось выпутываться. Из нее-то я выпутался, но заплатил за это занятиями боксом. Так что я теперь походов по врачам боюсь как огня. Вдруг еще что-нибудь обнаружат и запретят заниматься фотографией?

Ну, я понял: выхода нет. Придется предкам сказать хоть часть правды.

— Мам, — начал я. — Брось реветь. Это совсем не печень. Просто загар плохо лег.

— Какой загар? — взвыла она. — Ты разве забыл, что в твоем состоянии категорически противопоказано долгое время находиться на ярком солнце?

— Мать, очнись! — проорал я. — Какое яркое солнце? На улице зима! Мороз! А это, — я потыкал в свою пятнистую щеку, — искусственный загар! Понимаешь, крем такой. Зойка Адаскина мне дала.

— Зачем? — всплеснула руками та.

— Ну, мы думали, прикольно будет, — пришлось мне прикинуться полным дураком. — Зима. Кругом снег. А я один загорелый. Но, наверное, крем у Адаскиной был очень старый. Сперва вообще не подействовал. А теперь вот проявился, но неровно.

Мать посмотрела на меня и улыбнулась. В глазах у нее стояли слезы.

— Господи, какой же ты у меня все еще дурачок!

«Поверила, — с большим облегчением отметил про себя я. — Значит, по врачам не потащит».

— А отмыть этот ужас как-нибудь можно? — поинтересовалась мать.

— Не знаю, — на сей раз вполне честно ответил я. — Сейчас позвоню Зойке и спрошу.

— Да уж. Ты позвони, — строго произнес отец. — И вообще советую тебе, Тимур, в другой раз сперва думать, а потом делать. Нечего мать понапрасну нервировать. Она и так неважно себя чувствует.

— На фига тогда было в магазин переться? — удивился я.

Отец собирался ответить, но мать перебила:

— Ладно тебе, Сережа. Обошлось, и слава богу.

Предок что-то пробормотал и принялся расшнуровывать ботинки. А я отправился в свою комнату звонить Зойке. И впрямь, не ходить же теперь пятнистым.

Адаскина, конечно, сперва вдоволь поиздевалась надо мной. Потом хмыкнула и заявила:

— А как смывать, я не знаю. Пойду с матерью посоветуюсь.

Вскоре выяснилось, что сделать со мной толком ничего нельзя. Такой уж это загар: сразу не смывается. Должно время пройти. Зойкина мать сказала:

— Для ускорения процесса можешь воспользоваться скрабом.

— Каким еще скрабом? — я не врубаюсь во всякую эту косметику.

Зойка с кретинским ржанием начала мне, как тупому, втолковывать:

— Скраб — это, Тимурчик, такой специальный крем для отшелушивания кожи. В нем есть кусочки косточек или микроскопические шарики. Спроси у своей мамы. У нее наверняка есть. А если нету, намыль руки, в мыльную пену насыпь соды и потри всем этим свое несравненное лицо. Только глаза обязательно объезжай.

— Попробую, — буркнул я. — А за «несравненное лицо» ты у меня завтра получишь.

— Спасибочки тебе большое на добром слове, — ничуть не испугалась Зойка. — Учти, я тебе больше ни за что помогать не буду.

— Очень хорошо, — сказал я. — Теперь у меня появилась надежда остаться в живых.

— Вот она, человеческая благодарность, — заявила Зойка и бросила трубку.

Скраба у матери не оказалось. Пришлось ограничиться содой. Но с равным успехом я мог бы к ней и не прибегать. Лицо по-прежнему оставалось пятнистым. Наконец мать намазала меня своим ночным кремом.

— Брось, сынок, — сказала она. — До конца каникул, наверное, сойдет. Во всяком случае, будем надеяться.

— Да при чем тут конец каникул! — взвыл я. — А до этого мне что, пятнистым ходить?

— Сам виноват, — вмешался отец. — Не надо было мазаться. Говорю же тебе: приучись раз и навсегда сперва думать, а потом делать.

Я только пожал плечами. Терпеть не могу бесполезных советов. Но, в общем-то, мне завтра только до Агаты добежать. В конце концов, замотаюсь, как сегодня, шарфом. Кто меня там, на улице, будет особо разглядывать. А свои ребята потерпят. Но Адаскиной я этого никогда не прощу. Чтобы еще хоть раз в жизни ее послу-

шался! Просто не человек, а настоящее бедствие.

Мать позвала нас ужинать. За едой все разговоры опять шли про мебель. Верней, я молчал, а предки спорили. Отцу хотелось купить одни стеллажи, а матери — какие-то совсем другие. В результате она начала на него злиться. Обычно предок отстаивает свою точку зрения до конца. Но на сей раз он почему-то махнул рукой и сказал:

— Ладно, Лена. Давай еще подумаем. Или в другой магазин съездим.

«Что это с ним?» — удивился я.

А мать посмотрела на него и улыбнулась.

— Эх, — допив последнюю чашку чая, отец поднялся на ноги. — Пойду-ка взгляну, что сегодня по ящику передают.

Тут только я и вспомнил: новости! Мы же договорились с ребятами, что каждый из нас постарается сегодня посмотреть их как можно больше. И я поспешил следом за отцом в их с матерью комнату. Предок быстро перебирал кнопки на пульте.

— Давай на московский канал, — порекомендовал я.

— Зачем? — удивился отец. — Я вообще-то хочу «НТВ» смотреть.

— Нет, лучше Москву, — мне не хотелось сдаваться. Там через минуту как раз начиналась криминальная передача «Петровка, 38».

— И чего тебе сдалась эта третья кнопка? — с явным недоумением посмотрел на меня предок.

— Да, говорят, там сегодня должны передать очень интересные новости, — уклончиво отозвался я.

Предок уставился на меня с таким видом, будто увидел живого мамонта.

— Тимка, ты ведь никогда новости не смотришь!

Это было совершеннейшей правдой. Однако я сказал:

— Обычно не смотрю, а сегодня хочется.

— Ладно, — вздохнул предок. — Может, и впрямь что-нибудь интересное увидим.

И он переключился на московский канал. Криминальные новости как раз начались. Я просто пожирал глазами ведущую. А предок с явным недоумением косился на меня. Криминальная сводка дня оказалась на редкость банальной и неинтересной. Какие-то алкаши, лохотронщики и так далее. Отец то и дело порывался переключиться на свое «НТВ», но я не давал ему это сделать.

«Петровку, 38» мне удалось отстоять до конца, но потом предок тоном, не допускающим возражений, изрек:

— Все. Теперь, пожалуйста, мне не мешай. Или будем вместе смотреть фильм, или иди и займись своими делами. — Тут он глянул на часы и добавил: — И вообще тебе скоро спать ложиться.

— Па! Да каникулы ведь! — напомнил я.

В комнату как раз вошла мама.

— Какая разница, что каникулы, — сказала она. — При твоем, Тимур, состоянии здоровья режим необходимо соблюдать все время.

— Нормальное у меня здоровье! — взорвался я. — Хватит меня с этим доставать!

Очень зря я так выступил. Потому что отец с ходу завелся:

— Зачем хамишь матери? Не смей ее расстраивать.

И откуда такая заботливость? Просто Гринпис какой-то. Мне стало жутко обидно.

— Это не я вас, а вы меня расстраиваете!

Тут предки совсем активизировались, и мне пришлось улечься спать даже раньше обычного. Иначе бы разразился грандиозный скандал. Так что в плане криминальных новостей оставалось рассчитывать лишь на Клима, Агату и Зойку. Может, хоть им повезет больше.

Однако наутро, добравшись до квартиры Дольниковых, я выяснил, что ничего не пропустил. Крупных криминальных событий в Москве вчера не произошло. Так, одна мелочь.

Клим телевидением не ограничился. По пути к Агате он накупил кучу разных газет. Рассевшись в ее комнате, мы быстренько их изучили. Итог этого изучения подвел сам Круглый:

— Зря только деньги потратил.

Зойка с улыбкой произнесла:

— Не расстраивайся, Климушка, деньги — дело наживное.

— Ага, — резко помрачнел Круглый. — Вот мы вчера их и нажили. Вместе с приключениями на свою голову.

— Ну, может, все еще обойдется, — с надеждой проговорила Агата, — и он не станет нас искать.

— Жди-надейся, подруга, — тряхнула мелкими кудряшками Зойка. Обожает она нагнетать.

А Клим сказал:

— Я лично тоже не исключаю, что тот мужик давно уже съехал куда-нибудь подальше от Москвы. Но мы не можем позволить себе рисковать.

Оставшиеся три дня зимних каникул мы провели в повышенной бдительности. И, как сказал бы наш учитель по ОБЖ Петр Тарасович Горбанюк, «предпринимали всевозможные меры

предосторожности». Каждое утро мы с Круглым бегали по магазинам, спасая его больную семью от голодной смерти. При этом постоянно озирались, проверяя, не следят ли за нами. В общем, не закупка продуктов, а сплошной подвиг разведчика.

Снабдив Кругловых продуктами, мы все с теми же мерами предосторожности перли к кому-нибудь на квартиру и там сидели вместе с Агатой и Зойкой. К исходу каникул мы настолько друг другу осточертели, что ругались по любому поводу. Это был просто какой-то ужас. Я первый раз в жизни понял: сидеть с кем-нибудь изо дня в день взаперти — жутко трудно. Уверяю: любой человек начнет вас раздражать. Даже такой, с которым в обычных условиях нормально общаешься.

Конечно, каждый мог сидеть просто у себя дома. Но нам казалось, что вместе спокойнее. Не то чтобы поодиночке нам делалось страшно, но постоянно было не по себе.

Короче, хоть нас друг от друга тошнило (во всяком случае, от Зойки меня уж точно тошнило!), мы все равно упорно держались вместе. За это время мы переиграли во все настольные игры, которые только имелись, и смотрели по ящику все передачи подряд — как для развлечения, так и с целью выяснить, что же случилось в подъезде. Однако и телевидение, и газеты, и радио упорно молчали по этому поводу. То ли мы все же ошиблись, то ли информацию решили пока не оглашать, как говорится, «в интересах следствия».

Так и минули эти три дня. Мы ровным счетом ничего не выяснили. И теперь нам предстояло каждый день ходить в школу.

Глава IV

Как спереть ключ

В школу мы явились за час до начала уроков. Слава богу, ворота были уже открыты. Правда, холод стоял зверский. Но нам повезло. В сосульки мы не превратились. Без пятнадцати восемь школа, как говорится, распахнула свои гостеприимные объятия навстречу второму полугодию. Мы тут же влетели внутрь. Первыми. Больше, кроме охранников, никого не было. Сунув в турникеты личные карточки учеников, мы прошли в вестибюль. Я покосился на вахтерскую. Дверь приоткрыта. Значит, есть шанс свистнуть ключи от запасного выхода из школы.

Правда, сейчас на это нечего и надеяться. Четверо ребят одни в школе — все равно что танк в пустыне. Заметно издали. И, естественно, если ключа не окажется на щите, охранник в момент просечет, кто его взял.

Мы собирались действовать по-другому. На третьей, большой перемене народу здесь ошивается тьма. Причем не только учеников, но и преподавателей. Поди разбери потом, кто и для чего взял ключ. Значит, и флаг нам в руки.

От нас требуется лишь одно: грамотно и по делу отвлечь охранника. Задача, конечно, сложная. Охранник ведь тоже не фикус и ушами хлопать не будет. Но мы все продумали. Потому что одна голова охранника — фигня по сравнению с нашими четырьмя.

— Ребята! Привет! — раздался радостный вопль у меня за спиной.

Я обернулся и увидел ухмыляющуюся физиономию Митьки Будченко.

— Будка! Приехал! — обрадовался Клим.

— Ну! — еще шире растянулся рот у Митьки.

— Как отдохнул? — осведомился я.

— Классно, — сообщил Будка. — Только в результате чуть навечно в этой деревне под Саратовом не остался.

— Как так? — поинтересовалась любопытная Адаскина.

— Обыкновенно, — продолжал Митька. — Неделю подряд шел снег. Дома занесло до крыш. Электричество вырубилось. Хорошо еще, у моей прабабки запасы имеются на все случаи жизни. Свечи там, керосиновая лампа и даже примус. В общем, жили мы при свечах. Телек, естественно, не работал. Только радио на батарейках, но и они быстро сели. Одно слово, ребята, каменный век.

— Так понравилось, Митенька, что хотел на всю жизнь остаться? — задала новый вопрос Адаскина.

— Кто тебе сказал, что я хотел? — удивился Будка. — Просто само собой чуть не получилось. От этой деревни до ближайшей железнодорожной станции двадцать километров на машине пилить. А дороги все замело.

— Пешком бы пошел, — посоветовала Зойка.

— Я тебе, Зойка, не Дед Мороз со Снегурочкой, чтобы в сугроб превращаться, — ответил Будка. — В общем, ребята, каникулы кончаются, мне пора от прабабки смываться, а единственный путь к цивилизации — на вертолете или на тракторе. Но какой туда вертолет полетит? Мы

ведь с прабабкой не пропавшая экспедиция на северном полюсе.

Я усмехнулся. На научную экспедицию наш Будка уж точно был непохож.

— И осталась у меня, братцы, одна надежда на трактор, — продолжал он. — А единственный трактор в деревне как раз сломался. Три дня не могли завести. Вот я и думал, что до весны у прабабки проторчу. Пока, в общем, снег естественным образом не растает. Но трактор все-таки завели. И я сегодня ночью приехал.

— На тракторе прямо в Москву? — уставилась на него Зойка.

— Нет, он бы до Москвы не доехал, — покачал коротко стриженной головой Митька. — Хорошо еще, до станции добрались. Потому что там он заглох, по-моему, уже навсегда. А я прибыл на поезде. А вы-то как тут без меня?

— Сложно, — ответил Клим.

— Чего так? — удивился Будка. — Проблемы какие?

Мы с ребятами переглянулись: рассказывать или нет? Будка парень, конечно, свой, но, с другой стороны, трепло. Правда, существовала еще и третья сторона: нам было жутко охота с кем-нибудь поделиться. И еще я подумал: четыре головы хорошо, а пять — лучше. Хотя, если подходить строго, Будкина голова равняется только половине головы обычного человека. Но ведь лишние полголовы тоже не жук начхал. Короче, мы рассказали. Будка прямо в осадок выпал:

— Ну, вы, ребята, даете! Эх, жаль я в снегах сидел под Саратовом. Был бы с вами...

— Интересно, что бы от этого изменилось? — в упор поглядела на него Адаскина.

— Ну-у... — Митька замялся. — Может, я бы чего-нибудь там такое сообразил.

— Без тебя соображали, — Зойка скривила пухлые губы.

— А сейчас чего собираетесь делать? — поинтересовался Митька.

— Заботиться о собственной безопасности, — начал объяснять ему Клим. — А для этого нам жизненно необходимо спереть из вахтерской ключ от запасного выхода из школы.

— Зачем? — не врубился Будка.

— Чтобы незаметно входить, а потом уходить домой, — снова заговорил Клим. — Вдруг этот мужик начнет караулить нас возле школы. Или уже караулит.

— Запросто, — с такой радостной улыбкой изрек Будченко, будто речь шла о чем-то очень приятном. — Ребята, давайте выйдем и посмотрим. Должен же я знать врага в лицо.

— Нет уж, — немедленно возразили мы. — Хватит с нас одной встречи.

— Вообще-то я бы один пошел, — расстроился Будченко. — Но я ведь его не знаю.

Круглый вдруг оживился:

— А почему бы Будке и впрямь не сбегать? Тимка, ты взял с собой фотографии мужика?

— Да они как лежали в кармане куртки, так и лежат, — откликнулся я.

К этому времени мы уже успели раздеться. Пришлось идти в гардероб. Снимки оказались на месте. Вообще-то я вчера дома хотел их убрать, но потом из головы вылетело.

В некоторых случаях бывает полезно чего-нибудь не сделать.

Я вернулся к ребятам.

— Вот, Будка, гляди. Тут он со спины. А на следующей фотке в объектив случайно попал

даже кусок его физиономии. Это когда он к нам несся, чтобы засветить пленку.

Митька принялся изучать фотоматериалы.

— Со спины у тебя вышло гораздо четче, — кинул он на меня осуждающий взгляд. — Эх, Тимка, лучше бы ты сделал все наоборот.

— Ну, извини, — разозлился я. — Уж как вышло.

— Ладно, — похлопал меня по плечу Митька. — Сойдет. Ну, я пошел.

Быстро натянув куртку, он сунул карточку в турникет и под недоуменным взглядом охранника вылетел за дверь.

— Интересно, он узнает его? — немедленно принялась изнывать от любопытства Адаскина.

— Между прочим, — я решил поиздеваться над ней, — могла бы и ты с Будкой пойти.

— Это еще зачем? — враз поскучнела Зойка.

— Ну, ведь ты, единственная из нас, его не видела, — я продолжал в прежнем тоне. — Каждый нормальный человек на твоем месте поинтересовался бы.

— Пф-ф! — высокомерно сощурилась Зойка. — Может, там вообще не он, а сообщник. А его никто из нас не видел.

— Неважно, — медленно произнес Клим. — Если возле ворот школы ошивается хоть кто-нибудь подозрительный, Будка обязательно заметит.

— Ты в этом так уверен? — с сомнением покачала головой Адаскина.

— Не сомневаюсь, — подтвердил Клим.

Тут появился Будка. В спешке он даже забыл вставить карточку в турникет, и его слегка прихлопнуло.

— Ну, парень, видно отвык за каникулы, — хохотнул охранник.

Будка, исправив ошибку, подлетел к нам:

— Ребята! Я видел его! Там, у школы. Торчит на углу и смотрит. На меня, между прочим, тоже взглянул. Рожа у него зверская.

— Уверен, что это именно он? — спросил Клим.

— Как две капли воды, — Будка два раза кивнул головой. — Точь-в-точь мужик с фотографии. А потом, сами врубитесь, зачем другому-то тут торчать?

— Врубились. Незачем, — согласился я.

Адаскина мигом позеленела и плачущим голосом произнесла:

— Хорошо еще, в школу до его появления проскочить сумели.

— Почем ты знаешь, может, он раньше нас сюда приперся. Просто где-нибудь прятался, — назло ей сказал я.

Зойка вообще с перепугу чуть в обморок не упала. Спас ее Будка.

— Да нет, ребята, — заулыбался он. — Я же прямо следом за вами в школу пришел. И там никого вообще не было.

— Во всех случаях ключ теперь обязательно придется переть, — подвел итог Клим. — Будка, поможешь?

— А то, — с большой готовностью отозвался Митька. — Чего делать надо?

— Пока стоять на атасе, — ответил я.

— На ата-асе, — разочарованно протянул Будка. — Да это и девчонки могут.

— У девчонок свое задание есть, — объяснил Клим. — Они охранника отвлекать будут.

— Может, лучше я? — предложил Митька.

— Нет, — решительно возразил я. — На девчонок он лучше отреагирует.

— Понятно, — заржал Митька.

— Не вижу ничего смешного, — нахмурилась Адаскина.

— Правильно, — снова заговорил Клим. — Задача у вас не смешная, а, наоборот, очень серьезная. Вы с Агатой должны его так отвлечь, чтобы он на это время вообще обо всем забыл.

— И главное, — добавил я, — ему ни в коем случае нельзя оборачиваться на вахтерскую.

— Нет проблем, Тимурчик, — заверила Зойка.

— Ну, а мне-то где на атасе стоять? — поинтересовался Будка.

— Прямо посреди вестибюля и встанешь, — скомандовал я. — И гляди в оба, чтобы никто из учителей на горизонте не нарисовался.

Будка озадаченно почесал затылок. На его раскрасневшейся от волнения будке отразилась напряженная работа мысли, и он поинтересовался:

— А если нарисуются?

— Сам, что ли, маленький? Не понимаешь? — откликнулся я. — В таком случае свистнешь или заорешь. В общем, сделаешь что-то такое, чтобы мы услышали. Ну, а потом отвлекай внимание на себя.

— Как, интересно, я отвлеку? — выкатил шары Будка.

— Это нам без разницы. — Его тупость уже начала раздражать меня. — Хоть в обморок падай, хоть боевой танец апачей исполняй.

— В обморок я не умею, а боевой танец апачей можно, — на полном серьезе воспринял мое предложение Будка. — Прямо сейчас начинаем?

— Нет, на большой перемене, — уточнил я. — Чтобы мне успеть в мастерскую и вернуться.

— Ох, сколько ждать, — вздохнул Будка.

— Знаешь, нам еще хуже, — сказала Агата.

— Тимка, — покосился на меня Будченко, — как же ты побежишь делать ключ? Мужик-то, наверное, все еще будет вас караулить.

Я задумался. Митька прав. Изредка у него башка варит. Если мужик по-прежнему ошивается у ворот, мне лучше там не показываться.

— Может, лучше я сбегаю? — предложил Будка.

— Логично, — мне оставалось лишь согласиться. — Но это по ходу решим. Главное — ключ увести.

Три урока, отделявших нас от проведения операции, мы отсидели с большим трудом. Хорошо еще, в первый день после каникул никого не спрашивали и нашего внимания не требовалось. Да и вообще, уроки получились какие-то сумбурные.

Едва раздался звонок на большую перемену, основная часть нашего восьмого «Б» рванула в столовую. А мы спустились в вестибюль. Дверь в вахтерскую по-прежнему была приоткрыта. Значит, можно приступать к операции.

— Агата, — сказал Клим, — иди одевайся, а мне давай твою личную карточку ученика.

И он вынул из-за отворота джинсовой куртки иголку.

— Это еще зачем? — уставился на него Будка.

— Карточку буду портить, — ответил Круглый.

— Зачем? — не отставал Митька.

— Чтобы ее в турникете заклинило, — терпеливо продолжал объяснения Клим.

— А-а-а, — протянул Будка. — А зачем?

— Охранника отвлекать! — рявкнул Клим.

— А-а-а, — наконец доперло до Митьки. — Прикольный ход.

— Рад, что ты одобряешь, — усмехнулся Круглый. — А то нам без твоего совета было бы трудно.

Тут подошла Агата. Уже в куртке и шапке. Поглядев на нее, я понял: она страшно волнуется. Глаза в пол-лица, губы белые. Клим протянул ей карточку:

— Должно сработать. Вперед.

— Пошли, — посмотрела она на Зойку.

Роль Адаскиной заключалась в том, что сначала она должна вроде бы провожать Агату до турникета. А когда он сожрет Агатину карточку, Зойка начнет создавать шумовые эффекты. Точнее, громко и бурно возмущаться. Что, впрочем, она и так всегда делает в подобных случаях.

— Будка, — продолжал командовать Клим. — Чего стоишь? Занимай свой пост.

— А-а, ну да, — радостно улыбнулся тот и направился в центр вестибюля.

Мы с Климом стали неспешно перемещаться в сторону вахтерской. Я краешком глаза следил за девчонками. Агата поднесла карточку к прорези в турникете. «Ну, ну!» — мысленно подгонял я события. Турникет громко лязгнул. Агата взвизгнула. Зойка поступила так же, но гораздо громче. Затем они хором заверещали.

Охранник с испуганной рожей подскочил к девчонкам и склонился над турникетом.

— Тимка, — ткнул меня в бок Круглый. — Вперед и с песней.

Ужом проскользнув в вахтерскую, я трясущимися руками открыл стеклянную дверцу шкафа. «Скорее! Скорее! Скорее!» — только и колотилось в мозгу. Ключей в шкафу оказалась уйма. «Черт! Где же нужный?» Видимо, от вол-

нения, перед глазами у меня все плясало, и я никак не мог прочесть надписи над ключами. Я на мгновение зажмурил глаза, затем снова открыл. Это помогло: взгляд сразу упал на нужный ключ.

Схватив его, я затворил дверцы шкафа и покинул вахтерскую.

В вестибюле за время моего отсутствия ничего не изменилось. Только девчонки уже не верещали, а ахали и охали. Охранник по-прежнему возился с турникетом. А мне-то казалось, что я проторчал в вахтерской целую вечность.

— Ну? — уставился на меня Круглый.

— Порядок, — кивнул я.

Мы поспешили к Будке. А то еще возникнут на горизонте родные педагоги, и он примется совершенно без пользы услаждать их взоры своим танцем апачей.

— Митька, пост снят, — скороговоркой произнес я. — Вот ключ и деньги. Несись в мастерскую. А мы пошли выручать девчонок.

Будка, схватив ключ и деньги, исчез в раздевалке и почти тут же нарисовался опять, держа в зубах шарф и нахлобучивая на ходу шапку.

— Мы-мы-мы, — промычал он и пронесся мимо нас.

Проводив его взглядами, мы с Климом пошли к девчонкам. Зойка с Агатой так заигрались, что на охранника жалко было смотреть. Он что-то мямлил и пытался вскрыть турникет перочинным ножом.

— Что у вас тут случилось? — классно изобразил удивление Клим.

— Да вот, — трагически заломила руки Адаскина. — Этот дурацкий турникет съел Агатину карточку. Теперь непонятно, что делать.

— Как я теперь буду в школу ходить? — подвывала Агата.

— Не вылазит, — растерянно пробормотал охранник. — Придется тебе, — он посмотрел на Дольникову, — к Николаю Ивановичу обратиться. Он вообще-то в них понимает. А если сам не разберется, то мастера вызовет.

— Правильно, — поддержал Клим. — На такие вещи должна быть гарантия.

— Вообще-то странно, — сказал охранник. — Уже целое полугодие проработали, а такое первый раз.

Я набрался наглости и брякнул:

— Поломки всегда когда-нибудь первый раз бывают.

Охранник глянул на меня так, словно я только что возвратился из кругосветного путешествия, во время которого открыл новый материк или, по крайней мере, неизвестные человечеству джунгли.

— Вообще-то, парень, ты прав. У каждой конструкции свой век. Даже шестисотые «мерсы» иногда ломаются. Так что, ребята, единственный путь у вас — к Николаю Ивановичу.

Дольникова поморщилась. Я сразу понял: перспектива лишний раз повидаться с Никой совсем ее не прельщает. Едва мы отошли подальше от турникетов, она накинулась на Круглого:

— Ну, спасибо тебе, Клим, дорогой. Удружил. По-моему, мы так не договаривались.

Круглый аж растерялся:

— Не договаривались? Но ты ведь, Агата, прекрасно знала, что я твою карточку испорчу. Все равно бы менять пришлось.

— Как это менять? — глаза у Агаты сделались в пол-лица. — Я думала, ты ее не совсем испортишь, а только на время.

— На время ничего испортить нельзя, — защищался Клим. — Или уж целая карточка, или испорченная.

— Третьего не дано, — поддержал я.

— Ты не предупредил меня! — по-прежнему возмущалась Дольникова.

— Ну, ты даешь! — разозлился Клим. — Вчера же весь вечер только о том и твердили, что твою или Зойкину карточку придется испортить. И ты сама предложила свою.

— Но ты же меня не предупредил, что после этого надо к Нике идти менять карточку! — воскликнула Дольникова. — А если он обнаружит, что мы специально ее испортили? Мало нам от Ники уже доставалось?

— Не обнаружит, — принялся убеждать ее Клим. — Я очень аккуратно портил. И вообще, чего ты волнуешься. Ну, поменяют тебе карточку. А к Нике, если хочешь, вместе пойдем. На сей раз ты ни в чем не виновата. Наоборот, пострадавшая сторона и...

— Вот именно, пострадавшая сторона, — перебила его Агата. — А виноват во всем ты!

— Можно подумать, я делал это для собственного удовольствия! — не выдержал, наконец, Круглый. — Между прочим, мы могли бы пострадать гораздо сильней.

Пришлось мне их одернуть:

— Сворачивайте семейную сцену.

Оба миґом покраснели. А я продолжал:

— Главное, операция удалась. По сравнению с этим карточку поменять — плевое дело.

— Сплюнь три раза, — тут же запричитала Зойка.

— По поводу карточки? — уставился я на нее.

— Нет, по поводу операции, — уточнила Адаскина.

— Вот дура, — я покрутил пальцем у виска. — Операция-то уже позади.

— Это ты, Сидоров, дурак, — с жалостью поглядела на меня Зойка. — Пока Будка не возвратится, ничего еще не позади.

— Ты еще накаркай! — я был готов ее пристукнуть.

— Могу не каркать, — пожала плечами Зойка. — Только вот Будка вечно в истории попадает.

— Молчи! — зажала ей рот ладонью Агата. — И впрямь ведь накаркаешь.

Но Адаскина, отпихнув лучшую подругу, сочла своим священным долгом продолжить:

— Во всяком случае, я предупредила. А там уж, как получится.

— И чего мы спорим? — вмешался Клим. — Все равно Будка уже ушел.

— А вы думаете, ему хватит времени до начала урока? — спросила Агата.

— С Будкой никогда ничего заранее сказать нельзя, — угораздило меня брякнуть.

Адаскина, разумеется, не упустила своего шанса:

— Вот видишь, Тимурчик, сам ведь признал!

— Слушай, Адаскина, — скрипнул зубами я. — Если ты немедленно не заткнешься...

— Молчу, молчу, Тимурчик. — Зойка на всякий случай немного попятилась.

Но все равно она своего добилась. Настроение у нас стало хуже некуда. И в голову против воли лезли тревожные мысли. Тем более, Митька все не возвращался. Конечно, времени еще прошло мало, но мы уже беспокоились. Первым не выдержал Клим:

— Чем так стоять, пошли лучше займемся карточкой.

Мы пустились на поиски Ники. Вообще у нашего завуча личный отдельный кабинет. Но сейчас его там не оказалось.

— Жрет, наверное, — предположил я.

— Такие, как Ника, не жрут, а кушают, — с издевкой проговорила Агата.

Ника в нашей компании любовью не пользовался, и у нас были на это веские причины.

— Жрет или кушает, — вмешался Клим, — но искать Нику надо в столовой.

Но и в столовой его не оказалось. Обнаружили его в учительской, где он беседовал на повышенных тонах с Изольдой Багратионовной. Литераторша и руководительница театральной студии на целую голову возвышалась над пухленьким, низеньким и лысеньким Николаем Ивановичем. Изольда стояла лицом к двери, и мы увидели, что глаза ее мечут молнии. У Ники мы пока видели только лысину, и она была жутко красной.

— Вы, Николай Иванович... — воскликнула Изольда Багратионовна, однако, заметив нас, осеклась.

Ника по инерции выкрикнул:

— Я, между прочим, здесь руководитель учебного процесса!

— Здесь посетители, — выразительно кашлянула Изольда.

Только после этого «руководитель учебного процесса» соизволил обернуться.

— Опять вы? — сурово произнес он.

— Здравствуйте, Николай Иванович! — поприветствовали его мы.

Ника сухо кивнул и осведомился:

— С чем пожаловали?

Изольда тем временем направилась к выходу.

— До свидания, Николай Иванович, — сказала она, и в этих простых словах прозвучали весьма-таки сильные чувства.

— С чем пожаловали? — проводив ее тяжелым взглядом, Николай Иванович перевел свои водянисто-серые глаза на нас.

— Да мы... видите ли... — робко начала Агата.

— Вижу, — оборвал ее завуч. — Короче. А то скоро урок начнется.

— У меня личная карточка в турникете застряла, — жалобным голосом принялась объяснять Дольникова.

— А ты что, только пришла? — у Ники хищно ощерился рот.

— Нет, нет, — Агата торопливо опровергла его предположения. — Я с утра в школе. Просто хотела на большой перемене сбегать домой за чистой тетрадкой. А турникет съел мою карточку. Теперь прямо не знаю, что делать.

— Не может такого быть, — с важностью заявил Ника.

— Да вот. Ребята свидетели, — продолжала Агата. — А если им не верите, то охранник все видел.

— Значит, Дольникова, — вздернул лысую голову Ника, — ты неправильно обращаешься с личной карточкой.

— Но я с ней уже полгода так обращаюсь, — возразила Агата. — И до сих пор все было нормально.

Ника пробормотал что-то неразборчивое, затем обратился к нам:

— Ладно. Пошли посмотрим.

Мы спустились вниз. Тут я, честно сказать, немного струхнул. Вдруг Ника что-нибудь просечет? Тогда Агате действительно плохо придется. Не говоря уж о Круглом.

Увидав завуча, охранник мигом поднялся из своего кресла и отрапортовал:

— Николай Иванович, у нас тут эта... нештатная. Она, — указал он на Дольникову, — так засунула, что теперь не вылазит.

— Глупости, — отрезал Ника. — У нас, как ни засунь, турникеты фирменные. Десять лет, между прочим, гарантия.

— Вам видней, — не стал спорить с начальством охранник.

— Отвертку давай, — распорядился завуч.

— Откуда? — развел руками охранник. — Я ведь секьюрити, а не бюро ремонта. У меня есть только складной ножик. Но он плохо крутит.

— Ножом нельзя, — согласился завуч. — Тонкая техника требует особого обращения. Нука, ребята, — повернулся он к нам. — Кто-нибудь один быстро в кабинет труда за отверткой.

— Тогда пишите записку, — сказал я. — Петр Тарасович так не даст.

Завуч махнул рукой.

— Ладно уж. Проще самому сходить. — И он поплелся к Горбанюку.

Едва Ника отошел, сволочная Адаскина принялась с трагическим видом шептать:

— Знаешь, Агата, по-моему, ты крупно влипла.

— Думаешь? — испугалась она.

— А ты видела, в каком Ника сегодня настроении? Ему сейчас просто жизненно необходимо кого-нибудь казнить. А тут такой прекрасный повод.

Нет, наверное, я все-таки эту Адаскину когда-нибудь пристукну! И это называется близкая подруга! Агата и так вся на нервах. А Зойке еще непременно нужно подлить масла в огонь.

— Заткнись! — шикнул на нее я. — Еще раз каркнешь, пеняй на себя.

— Агата, — тем временем обратился Клим к Дольниковой, — я уверен, что все обойдется.

А Зойка мне сказала:

— Дурак ты, Сидоров, и к тому же хам! И, вообще, где наш Будка?

Умеет действовать на психику! Действительно, где Будку носит? По идее, пора бы уже и вернуться. А что, если на выходе он на того мужика нарвался? Хотя нет. Ерунда. Не может этот тип за всей нашей школой следить.

Мои размышления прервал звонок. Но мы оставались на месте. Нельзя же бросать Агату в беде. Тем более что мы сами туда ее и толкнули. Будки все не было. Ники — тоже. Я вдруг подумал: «А вдруг, пока мы Нику искали по этажам, Будка уже проскочил? Теперь сидит в классе и удивляется нашему отсутствию». Хотя нет. По времени он не мог успеть.

Тут появился Ника с набором отверток и физией еще более недовольной, чем прежде. Видимо, Горбанюк, наш трудовик и обэжэшник по совместительству, даже ему не хотел давать инструменты.

— Чего стоите? — накинулся на нас Ника. — Вам разве на урок особое приглашение требуется? А ну, марш в класс!

— Да мы думали, — начал Клим, — может, вам тут помочь надо?

Ника взглянул на него, как колонизатор на аборигена:

— Мне помогать не надо. Кому сказано, марш на урок.

— А как же моя карточка? — жалобно проговорила Агата.

Ника ответил:

— Дольниковой остаться. Остальные — в класс!

Судя по Агатиному виду, она уже была не рада, что задала вопрос завучу. По-моему, ей больше хотелось на урок, чем остаться с ним.

Мы уныло побрели наверх. Зойка, конечно же, не молчала, а вновь принялась за свои причитания:

— Зачем мы только все это придумали. Теперь Агата уже точно влипла. Главное, с нашей стороны никакой поддержки, а она совершенно врать не умеет.

— Во-первых, когда надо, умеет, — явно обиделся за Агату Круглый. — А, во-вторых, в данном случае ей даже вранье не потребуется. Она ведь сама ничего плохого не делала.

Но попробуйте заткнуть Адаскину, когда она начинает нагнетать. Она продолжала в том же духе до того самого момента, как мы вошли в класс. Только тут она замолчала, да и то не совсем. Потому что нам пришлось объяснять, почему мы опоздали. А так как математичка Мария Владимировна Предводителева, или, как мы ее называем, Предводительница, — наша классная, то объяснять пришлось подробно.

Выслушав жалобную историю про Агатину личную карточку, Предводительница наконец разрешила нам сесть. Не успели мы это сделать, в класс ворвался Будка собственной персоной. Он тяжело дышал, а рожа его сияла.

— Та-ак, — протянула Предводительница. — Ты, Будченко, тоже Дольниковой помогал?

— Не, — озарил нашу классную широкой улыбкой Митька. — Я домой бегал. Мне надо было. А Дольникова там надолго. Ника уже второй турникет курочит.

— Кто-кто? — подняла брови Мария Владимировна.

— Ой, — хлопнул себя по лбу Будка. — Извините, я имел в виду Николая Ивановича. Там турникет чегой-то такое сделал с Агатиной карточкой. Они разбирают, а ее нет.

— Как это нет? — удивилась Предводительница.

— Вот и они там думают, как это, — кивнул Митька. — А дальше чего, не знаю. Меня прогнали. Я, конечно, мог бы помочь. А Ника... то есть Николай Иванович, говорит: «Иди учиться».

— Ну, раз пришел, Будченко, то садись, — разрешила классная.

Митька плюхнулся на место. Я тут же кинул ему записку. В ней для конспирации содержался только один вопрос: «Удачно?» Митька, прочтя, вместо ответа поднял вверх большой палец. Я понял: дубликат ключа у нас в кармане. Вернее, пока в кармане у Будченко. Теперь осталось лишь вернуть на место оригинал.

Пока Предводительница вела урок, мы с Круглым осторожненько совещались. Операцию по возвращению ключа следовало осуществить на ближайшей же перемене. Во-первых, потому что она тоже большая. А во-вторых, чтобы охранник не успел обнаружить пропажу. Ведь если он обнаружит, то незаметно подбросить ключ будет гораздо сложнее.

— Надо снова отвлечь охранника, — шепнул я Климу на ухо.

— Девчонки второй раз не согласятся, — произнес в ответ Клим.

— Это ежу понятно, — кивнул я.

— Обойдемся своими силами, — продолжал он.

— Снова карточку портить? — спросил я.

— Да ты что, — уставился на меня Круглый. — Еще неизвестно, чем все с Агатиной карточкой кончится. Еще один такой случай, и Ника учинит расследование.

— Только не это, — прошептал я.

— Вот и давай придумывать что-то другое, — сказал Клим.

Я умолк и начал думать. Мозги, однако, ворочались хуже некуда. Ничего путного на ум не лезло. Прямо хоть тресни.

Под конец урока в класс явилась Дольникова. Вид у нее был сильно надутый. По-моему, ей там досталось. Мы с Климом немедленно отослали записку. Но Агата ответить не удосужилась. Клим помрачнел. Кажется, на перемене нас ожидало серьезное выяснение отношений. Мне-то, в общем, плевать, а Круглому неприятно.

Я снова начал обдумывать план отвлечения охранника. Наконец меня тюкнуло, и я сказал Климу:

— А давай драку устроим.

— Поумнее ничего придумать не мог? — поморщился он.

— Не мог, — честно ответил я. — Да, по-моему, и не надо. Как ты сам не понимаешь: в таких делах чем проще, тем лучше.

— Сомневаюсь, но, может, ты и прав, — покачал головой Климентий.

Сдается мне, все его мысли в это время были об Агате, и своего плана он не придумал. Я принялся объяснять:

— Значит, ты подерешься с Будкой. Мне это

вроде не понравится, но я вас не разниму. То есть я как бы буду стараться, но у меня ничего не выйдет. Таким образом, охраннику придется наводить порядок. Тогда вы возьмете его в клинч, а я быстренько подкину ключик в вахтерскую.

— А вообще-то, Тимка, неплохо. — У Клима явно поднялось настроение. — Давай Будке записку передадим. Пусть морально готовится.

Мы немедленно передали Митьке нежное послание: «На перемене будем бить тебе морду. Готовься. Клим. Тим». Будка прочел, обернулся и укоряюще посмотрел на нас. В глазах его застыл немой вопрос: за что?

Мы объяснили и обещали, что больно не будет, однако он должен изо всех сил изображать, будто ему как раз очень больно и обидно.

— Это я запросто, — радостно улыбнулся Митька.

Мы с Климом знали: он это умеет. Как-никак — один из ведущих актеров нашей театральной студии. Изольда на Будченко просто не нарадуется.

Митька отвернулся от нас и сделал вид, будто слушает математичку. А сам, наверное, морально готовился к скорой битве.

Наконец раздался звонок. Первым делом мы подошли к Агате:

— Ну, заменили карточку?

— Заменили, — сквозь зубы процедила она и отвернулась.

— Неужели Ника все просек? — спросил Клим.

— Уж не знаю, что он просек, — продолжала обиженно цедить слова Дольникова, — но мне наговорил вагон и маленькую тележку гадостей. Потому что сперва мы перепутали турникет.

Ника его разобрал, а там пусто. Он, естественно, обозлился еще больше и наорал сперва на меня, а потом на охранника.

— Вот гад, — посочувствовал Будка. — А потом-то нашли?

— Да, — кивнула Агата. — Когда Ника второй турникет раскурочил. Уж он мою карточку и вертел, и крутил. Потом снова принялся мне вталдычивать, что я сама виновата. Мол, неправильно засовываю карточку в турникет. А потом показал, как надо «грамотно засовывать».

— И что? — поинтересовался Клим.

— Сам не догадываешься? — Агата вдруг фыркнула. — Застряла опять моя карточка. Пришлось Нике разбирать третий турникет. Он злится, ругается, один винт вообще заклинило, потом отвертка сломалась, а другие из этого набора не подошли. Ника снова к Горбанюку в кабинет пошустрил. Вернулись они вместе. Горбанюк, увидев сломанную отвертку, начал орать на Нику: «Не умеете пользоваться инструментами, так не берите! Теперь мне за порчу школьного имущества из своего кармана расплачиваться придется!» И начал сам турникет разбирать. А Нике, видимо, уже надоело, и он сказал: «Ладно. Пошли, новую карточку выдам. Эта и впрямь у тебя бракованная».

— Тогда я, Агата, не понимаю, чего ты расстраиваешься? — удивился Будка.

— Во-первых, я, знаешь ли, не люблю, когда мне читают нотации, — откликнулась Дольникова. — А во-вторых, Ника сказал, что собирается мою карточку отправить на фирму, чтобы они установили причину отказа.

— Вот это уже и впрямь плохо, — встревожился Клим.

4 Зак. 3475

Дольникова вздохнула.

— Ребята, давайте о карточке потом, — взмолился я. — Перемена кончается. А если мы с ключом не успеем, то у нас неприятностей еще больше будет.

— Правильно, — согласилась Агата.

Мы поспешили вниз. Адаскина, конечно, пристала, чтобы ее ввели в курс дела. Объяснять пришлось по пути.

— Что ж, попробуйте. Может, получится, — свысока бросила она.

— Спасибо за разрешение, — огрызнулся я.

— А вам, девчонки, лучше там сейчас не показываться, — добавил Клим. — Вы и так уже всем глаза намозолили. Во всяком случае, Агата.

— Тогда мы с лестницы поглядим, — легко согласилась Адаскина.

— Вот и правильно, — одобрил я.

— Ну, начинаем? — Будка нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Давай ключ, — протянул я руку.

Будка опустил мне на ладонь оба ключа. Сунув в карман дубликат, я зажал в кулаке старый, с кольцом и биркой.

— Так, — посмотрел я на Клима и Будку. — Вы все запомнили? Значит, ты, Митька, бежишь первым. За тобой гонится Клим. За Климом бегу я. Неподалеку от охранника Клим тебя догоняет и дает по роже. Вы начинаете драться, при этом не забывая двигаться в сторону охранника. А я прыгаю вокруг, якобы пытаясь вас разнять. Когда в дело вступает охранник, вы словно бы невзначай берете его в клинч и удерживаете в таком положении как можно дольше.

— Ясно, — кивнули оба моих друга.

Еще мгновение спустя Клим и Будка принялись молотить его с двух сторон.

— Ну, вперед!

Будка немедленно с дикими воплями рванул вниз по лестнице. Круглый молча устремился за ним. Орал Митька от души. Словно Клим уже вовсю бил ему морду. Я побежал следом. Притормозил Митька именно там, где надо. Клим настиг его и со всего размаха врезал ему по физиономии. Вышло у Круглого очень натурально. Если бы я не знал, нипочем бы не догадался, что это все понарошку.

Правда, через секунду я понял, что у Круглого случайно все-таки вышло по-настоящему. Иначе бы у Будки кровь из носа не потекла. Видно, у Клима опыта маловато, и он промазал. Вернее, наоборот, попал, хотя этого совершенно не требовалось.

Будка на мгновение растерялся и с ошалелым видом провел ладонью под носом. Увидав кровь, он взревел, набросился на Климентия, и они, молотя друг друга, на кой-то черт двинулись не к охраннику, а обратно к лестнице.

Вклинившись между ними, я прошипел:

— Ребята, назад. Не в ту сторону двигаетесь.

— А пошел ты, — злобно рявкнул окровавленный Будка и попытался заехать мне по скуле.

Но я, в отличие от Круглого, все-таки занимался боксом, поэтому с легкостью ушел от удара. Зато ребята теперь дрались, перемещаясь в нужном направлении, и я заметил, что охранник уже на них смотрит.

Вот он уже встал и, приговаривая: «А ну, пацаны, вы чего?» — двинулся к ним. Еще мгновение спустя Клим и Будка принялись молотить его с двух сторон. Я же одним прыжком достиг вахтерской.

Глава V

Драка с последствиями

Я подбежал к щиту и, открыв дверцу, быстро повесил ключ на первый попавшийся пустой крючок. Пусть сами потом разбираются, а мне искать некогда. Осторожно выглянув из вахтерской, я обмер. Потасовка продолжалась. А главное, возле кучи-малы возникло еще одно действующее лицо — наш директор школы Виктор Владимирович Макарихин, или, как его называют за глаза все ученики и учителя, — Макарка В. В.

Меня охватил панический ужас. Во влипли. Хуже, чем Агата. Но одновременно я пожалел, что у меня нету с собой фотокамеры. Эт-то был бы кадр! Ни Будка с Климом, ни даже охранник напрочь не замечали директора. Их полностью поглощала борьба.

Виктор Владимирович схватил Будку за шиворот. Тот с диким воплем: «Чего лезешь, сволочь!» — врезал директору локтем под дых. Макарка В. В., отлетев в сторону, согнулся пополам и принялся судорожно ловить ртом воздух.

Для меня лично ситуация складывалась благоприятная. Никем не замеченный, я осторожненько выбрался по стеночке из вахтерской и снова кинулся якобы разнимать ребят. Нужно же им сообщить, что поставленная задача выполнена и они могут больше не надрываться.

Недоучел я лишь одного. Ситуация уже полностью вышла из-под моего контроля. Теперь

Будка, Клим и охранник сражались на полном серьезе и на меня ровным счетом не реагировали.

— Немедленно прекратить безобразие! — раздался оглушительный возглас пришедшего в себя Макарки В. В.

Как ни странно, окрик подействовал на дерущихся магически. Они отпустили друг друга и, тяжело дыша, уставились на директора.

— Что тут происходит? — строго осведомился тот.

— Да вот пацаны подрались, — утирая багровое лицо, отрапортовал охранник.

— А вы при чем? — хмуро уставился на него директор.

— Я разнимал, — откликнулся наш страж порядка. — Но разве таких сатанят остановишь.

— Гм-м, — промычал Макарка В. В. — Знакомые все лица. Если мне не изменяет память, опять Будченко, Круглов и Сидоров.

— Я не дрался, — автоматически вырвалось у меня.

— Он не дрался, — подтвердил охранник.

Будка, нос у которого успел изрядно распухнуть, кинул на меня уничтожающий взгляд. И впрямь погано как-то получилось. С одной стороны, чистая правда, с другой — я вроде бы их предал.

— Неважно, — снова заговорил директор. — Всех троих прошу ко мне в кабинет.

И он с болезненной гримасой потер себя по животу. Видимо, Будка сильно ему заехал. Делать нечего, мы поплелись в кабинет.

— Ну? — опустился директор в кресло за своим широченным столом. — Я вас внимательно слушаю, молодые люди.

Мы молчали. Только Будка шмыгал носом. У него все еще шла кровь.

— Будченко, быстро в медпункт, — наконец разглядев его травму, скомандовал директор. — Пусть тебя там обработают, а потом возвращайся ко мне.

Митька, глянув с живым укором на меня и Клима, вышел из кабинета. Макарка В. В. поинтересовался:

— Ну, как, сами расскажете или вам наводящие вопросы задать?

— Да тут и рассказывать нечего, — начал Круглый. — Сначала мы просто бегали. А потом... — он замялся.

— А потом Будченко случайно наткнулся на Клима своим носом, — немного помог ему я.

— Вот как, — директор не сводил с меня глаз.

— Именно, — поняв, что нахожусь на верном пути, я постарался как можно более убедительно это подтвердить. — Ну, естественно, Будченко стало больно. Он обиделся и двинул Клима. А охраннику показалось, будто они дерутся...

Я осекся, не зная, что дальше сказать про охранника.

— Интересное дело, — с задумчивым видом изрек директор. — Дрались они, — указал он на Клима. — А рассказываешь почему-то ты, который вроде бы и не дрался.

— Так ведь со стороны лучше видно, — мигом сработало у меня в мозгу.

— Он все правильно говорит, — пришел мне на помощь Клим.

— То есть, значит, так все и было? — решил уточнить директор.

— Именно, — энергично кивнул Круглый. — Понимаете, просто неблагоприятное стечение обстоятельств.

— Вы уже не дети, — снова потер себя в об-

ласти живота Макарка В. В. — Пора научиться управлять своими эмоциями и мгновенными порывами.

В общем, запарил он нам нотацию длиной с экватор. Про нашу образцово-престижную школу, самоотверженный труд наших педагогов и доверие, которое нам оказано. Правда, что конкретно нам доверили, я так и не понял, да и не особенно вслушивался. К тому же в этом месте директорской речи вернулся Будка, умытый и с двумя огромными ватными тампонами в ноздрях.

— Подлечили, — прогундосил он.

Макарка В. В. обрадовался и начал свою нотацию по новой. Получив напоследок от нас обещание, что мы все поняли, осознали и больше так никогда не будем, он разрешил нам идти.

Едва мы выбрались из кабинета, Будка заявил:

— Скотина ты, Сидоров, и предатель!

— Никого я не предавал, — защищался я. — Наоборот, пока ты отдыхал в медпункте, я за тебя всю историю Макарке В. В. придумал.

— Нужна мне твоя история, — зверем уставился на меня Митька. И, кривляясь, прогундосил тоненьким голоском: — Я не дрался.

— Знаешь что, Будка, кончай, — вмешался Клим. — Тимка все сделал правильно. Врубись: одно дело, когда двое дерутся, а другое — когда трое. Да мы бы до сих пор у Макарки В. В. сидели.

— А ты вообще, гад, молчи! — еще сильней возмутился Будка. — На фига в нос мне заехал? Мы же условились понарошку.

— Извини, — смущенно произнес Круглый. — Случайно вышло.

— Случайно, — проворчал Будка. — Хорошо еще, нос цел остался.

Однако злости у Митьки уже не было.

— Кстати, — я быстро перевел разговор. — С ключом полный порядок. Висит себе, как миленький, в вахтерской.

— Ну, хоть не зря старались, — прогундосил Будка.

На биологию мы не пошли. Тем более что она давно уже началась. И вообще это сегодня был последний урок. Забрав с подоконника в коридоре брошенные рюкзаки, мы решили пойти в столовую.

До сих пор нам до нее добраться не удалось. Да и девчонок следовало подождать. Набрав кучу жратвы, мы уселись за столик. Оказалось, мы жутко голодные. А потому какое-то время у нас прошло в безмолвном жевании.

— Борису небось тоже влетело, — молотя пирожок, сказал Будка.

— Какому Борису? — не понял Клим.

— Естественно, охраннику, — пояснил Будка. — Сам, что ли, не знаешь, как его зовут?

— Теперь знаю, — кивнул Круглый. — А раньше не знал. Но Борису точно влетит. Как ни поверни, он не сумел пресечь нашу драку. А ведь охранники для того и существуют, чтобы порядок поддерживать.

— С таким, как Будка, поддержишь, — усмехнулся я. — Вон, он даже Макарке В. В. под дых заехал.

— Я-а? — вылупился на меня Митька. — Иди, Сидор, врать.

— И не думаю, — продолжал я. — Сам видел, собственными глазами. Ты еще сказал ему, что он сволочь.

— Кошма-ар, — горестно вытянулась рожа у Будки.

— Ладно, проехали. Считай, главные непри-

ятности позади. Даже в дневники нам ничего не записали.

Будка три раза сплюнул через левое плечо.

— Не сглазь, Тимка. Но человека мы все-таки подставили.

— Полагаю, Борису ничего особенного не будет, — вмешался Клим.

— Надеюсь, — прогундосил Будка. — Он-то вообще ни при чем.

— Во-первых, никто не знал, что именно в эту минуту возникнет Макарка, — начал оправдываться я. — И Бориса-то нужно было отвлечь только на несколько секунд.

— Вот так всегда, — пробубнил Будка. — По закону подлости.

— Слушай, кончай, — мне надоели его угрызения совести. — Дело уже сделано, назад не воротишь. Главное, ключик теперь у нас есть.

— Есть, — согласился Будка.

— И вообще, — подхватил Клим. — Борису мы, к сожалению, ничем помочь не сможем. Меня больше волнует Агата. Если Ника пошлет ее карточку на экспертизу, у нее могут быть большие неприятности.

— Могут, — согласился я.

— А чего тут сделаешь? — посмотрел Будка на Клима.

— Способ только один, — откликнулся Круглый. — Нет карточки, нет неприятностей.

Будка даже чаем поперхнулся.

— Предлагаешь на Нику напасть и ограбить?

— Ну ты, Будка, террорист, — сказал я. — Мало тебе директора, так еще завуча стукнуть хочешь?

— Как раз не хочу, — уточнил он собственную позицию. — Это Клим предлагает.

— Мы же не можем бросить Агату в беде, — логично заметил Клим.

— Если на завуча нападем, беда еще больше будет, — возразил Будка.

— Я не предлагаю на него нападать, — сказал Клим. — Просто свистнем у него карточку.

— Как? Как ты у него свистнешь? — заорал Будка.

— Тихо ты, — шикнул на него Клим.

Будка заткнулся. Хорошо еще, кроме нас, в столовой никого не было.

— Пока сам не знаю, — признался Круглый и, понизив голос, добавил: — Но похищение надо обязательно провернуть сегодня. Кстати, Тимка, ты случайно не заметил, на щите в вахтерской нет запасного ключа от Никиного кабинета?

— Спроси что-нибудь полегче, — ответил я. — Не было у меня, понимаешь, времени рассматривать. Я нужный-то ключ еле нашел.

— Жаль, — разочарованно изрек Клим.

— Я больше ключи переть не согласен, — немедленно уперся Будка. — Еще одна такая история, и Бориса точно уволят. А если мы попадемся, то вообще...

И не договорив, он махнул рукой.

— Ага! — свирепо зыркнул на него Круглый. — Всех тебе, значит, жалко, а Агату нет.

— Ее тоже жалко, — внес ясность Митька. — Но ключ все равно переть не пойду. И вообще, этой карточки, может, в кабинете и нету. А если она там, то, скорей всего, заперта в сейфе. Сейф тоже прикажешь взламывать?

— В таком случае, что ты сам предлагаешь? — поинтересовался Клим.

— Я-то? — Митьку охватило явное замешательство. — Да я как раз ничего не предлагаю.

— Вот видишь, — осуждающе посмотрел на него Клим. — А делать что-то надо.

— По-моему, — начал я, — в первую очередь мы должны выяснить, где точно находится Агатина карточка. Потому что, не выяснив, не свистнешь.

— Мысль интересная, — отозвался Будка. — Только вот не пойму, у кого ты, Тимка, собираешься наводить справки? Подойдешь к Нике и спросишь?

Я глубоко задумался. Действительно, у кого? Так и не выработав никакого плана, мы досидели в столовой до звонка, а потом пошли навстречу девчонкам.

Агата и Зойка набросились на нас с расспросами. Оказывается, они весь урок гадали, что с нами могло произойти. Пришлось им рассказать. Впрочем, часть драки они наблюдали воочию, стоя на лестнице. Однако, как выяснилось, видно им было далеко не все. Поэтому они так до конца и не врубились, в чем дело.

Пока мы вводили их в курс дела, я краем глаза следил за Никой. Они с Изольдой Багратионовной стояли в противоположном конце коридора. Оба бурно жестикулировали. Видимо, нелицеприятная беседа, начавшаяся перед нашим визитом в учительскую, теперь продолжилась.

Наконец Изольда, махнув рукой, скрылась на лестнице. Ника тяжело перевел дух и, вытащив из кармана мужской носовой платок, вытер лоб и лысину. Я заметил: когда Ника достал из кармана платок, оттуда еще что-то вылетело и приземлилось под банкеткой. Завуч этого не заметил. Он посмотрел вслед Изольде. Затем, еще раз вздохнув, тоже скрылся на лестнице.

План у меня сложился мгновенно. Если под банкеткой окажется что-нибудь важное, я отправлюсь в кабинет к Нике и верну. Глядишь, где-нибудь Агатина карточка на глаза попадет-

ся. А при удачном стечении обстоятельств, может, я вообще ее сопру.

— Стойте здесь. Сейчас вернусь, — бросил я ребятам и побежал к банкетке.

Нагнувшись, я не поверил своим глазам. Там лежала личная карточка ученицы восьмого «Б» класса Дольниковой Агаты. Такое везение случается лишь раз в жизни. Схватив находку, я запихнул ее поглубже в карман и вернулся к ребятам.

— Линяем отсюда в темпе.

— А что случилось? — уставились они на меня.

— Говорю же, быстро! Нас тут вообще не должно даже отсвечивать.

Видимо, я произнес это нужным тоном. Потому что все бросились вниз по лестнице.

— Одеваемся и на улицу, — на ходу скомандовал я.

— Да что такое, Тимурчик? — конечно, не удержалась от расспросов Адаскина.

— Любопытной Зойке на базаре нос оторвали, — пробормотал я.

— Не в рифму, Сидоров, — надула и без того пухлые губы Адаскина.

— Зато по сути верно! — И я первым вбежал в раздевалку.

Остальные последовали за мной. Я поманил их в самый дальний угол.

— Хотите сюрприз?

— Смотря какой, — с тревогою глянула на меня Агата. — Плохих, по-моему, на сегодня хватит.

— Да нет, — я решил немного потомить ее. — Думаю, тебе понравится.

— Ну же, ну же, — прогундосил раненый Будка. — Колись.

Я нарочито замедленным движением опустил руку в карман.

Все взоры были направлены на меня. Я вынул карточку. Ребята ахнули.

— Неужели моя? — не верила собственным глазам Дольникова. — Новая или старая?

— Старая, старая, — усмехнулся я. — Как правильно говорит мой большой друг Круглый: «Нет карточки, нет проблемы». В общем, Агата, дарю.

Я протянул ей карточку.

— Тимур, как тебе удалось? — с восхищением выдохнула она.

— Ловкость рук и никакого мошенничества, — и я поклонился.

— Когда ты успел? — ошалело гундосил Будка. — Мы ведь даже рядом с Никой не стояли.

— Глаза нужно иметь, — ответил я.

— Ничего не понимаю, — развела руками Дольникова.

Клим стоял с мрачной рожей. Он почему-то совершенно не радовался.

— Слушай, Тимур, а Ника не хватится? — внезапно заволновалась Агата.

— Запросто может, — я не стал скрывать от друзей опасность. — Поэтому я и велел скорее оттуда смываться. Даже уверен, что он обязательно хватится. Весь вопрос, когда. Но это уже не важно. Карточка-то у нас.

— А-а. Ты увидел, как Ника выронил карточку, — догадался Клим.

— Я просто увидел, как у него что-то выпало из кармана, — я не стал преувеличивать своих заслуг. — Ну, а потом посмотрел: она самая.

— Как удачно, — просияла Агата. — Теперь нам не страшна никакая экспертиза.

— Главное, нам теперь поскорей уничтожить карточку, — сказал Будка.

— Сожжем ее, — принял решение Клим.

— Сначала нам следует незаметно выбраться из школы, — подлила ложку дегтя Адаскина. — Про мужика-то мы совсем забыли?

— Да, может, его и нету, — беззаботно произнес Будка. — А потом, какие проблемы? Ключик-то у нас. Вы шуруйте через запасной выход, а я пойду через главный. Заодно и проверю, торчит ли он там еще.

— Нет, погоди, — остановил его Клим. — Сперва постой на атасе, пока мы будем отпирать дверь, а уж потом можешь идти.

— Ладно, — легко согласился Будка.

Соблюдая всевозможные меры предосторожности, мы пустились по узкому коридору, в конце которого находился запасной выход. У двери Круглый присвистнул:

— Смотрите. Тут еще засов приделали.

Мы растерянно переглянулись.

— Подумаешь, — первой нарушила молчание Зойка. — Сейчас засов отодвинем и выйдем.

— Совсем у тебя, Адаскина, башню снесло, — я скорчил ей рожу. — Мы выйдем, а засов останется открытым. И в школе немедленно просекут, что кто-то воспользовался этой дверью.

— Нельзя, — поддержал меня Клим. — Надо звать сюда Будку. Зойка, сбегай за ним. А мы пока дверь отопрем.

Против обыкновения, не споря и не качая права, Зойка сняла Будку с атаса. Мы как раз успели открыть дверь. Будка мигом врубился в ситуацию. Заперев за собой замок, мы услыхали изнутри лязг засова. Митька уничтожил следы преступления.

— И что теперь? — осведомилась Адаскина.

— Ждем Будку, — ответил Клим.

Митьки довольно долго не было. Наконец, появившись, он сообщил:

— А мужик, между прочим, стоит. Возле самых ворот.

— Ну, вот, — всплеснула руками Адаскина. — Ах, зачем ты, Тимка, с ним связался?

— Я связался? — охватило меня возмущение. — Да если бы не ты...

— Ребята, — перебила Дольникова. — Пошли скорее отсюда, пока нас кто-нибудь не засек. А доругаетесь в другом месте.

И мы проходными дворами двинулись к дому Адаскиных. В Зойкином дворе мы первым делом уничтожили испорченную Климом личную карточку Агаты. Я истратил почти весь газ в своей зажигалке. Эта чертова карточка никак не желала сгорать до конца, только чадила черным дымом. Однако, как говорится, терпение и труд все перетрут. Короче, мы с этой задачей справились и пошли к Зойке.

Там мы начали обсуждать план завтрашнего проникновения в школу. Судя по тому, что мужик целый день проторчал возле ворот, обложили нас крепко. Правда, так и не увидав нас сегодня, этот тип, возможно, подумает, что мы из другой школы, и завтра не явится, однако на всякий пожарный мы решили наутро воспользоваться запасным выходом и договорились с Будченко, что он ровно в восемь отомкнет нам засов.

— Только, чур, никому не опаздывать, — предупредил Клим. — Ровно в восемь мы должны войти в здание школы. Будка, не подведешь?

— Когда это я кого подводил? — ответил вопросом на вопрос он.

— Не обижайся. Просто предупреждаю, — Климентий хлопнул его по плечу.

— А интересно, — ехидно ухмыльнулась Адаскина, — Ника уже обнаружил, что карточка тю-тю?

Посмотрев на нее, можно было подумать, будто она все и сделала.

— Ой! — схватилась за голову Агата. — Мне даже страшно это представить.

— Ника, наверное, всю школу перевернул. — Адаскина даже губами причмокнула от удовольствия. Какая же она все-таки вредная. Хотя, в общем-то, Ника не лучше.

— Ребята, — вдруг испуганно проговорила Дольникова. — А как вы думаете, не может так получиться, что Ника подумает, будто я сама увела у него свою карточку?

— Брось ты! — ободряюще улыбнулся Клим. — Ты ведь сама ему карточку отдала.

— Нет, — покачала головой Агата. — Когда Ника оформлял мне новую, старая еще оставалась в турникете. Это, наверное, Горбанюк потом ему принес.

— Тем более ты вне подозрения, — продолжал уверять ее Клим.

А я как раз подумал, что у нашего Ники вполне могло закрасться подобное подозрение. Только чего страдать. Дольникова карточку у Ники не брала. А самой карточки уже нет на свете. В общем, Ника ничего не докажет. А подозревать он может кого угодно хоть до конца жизни.

Без пяти восемь мы с Круглым уже стояли в переулке перед запертой дверью запасного выхода. Сперва мы просто трепались и поджидали девчонок. Но Зойка с Агатой, видимо, решили явиться впритык. Готов поклясться, идея при-

надлежала Адаскиной. Она боялась лишнее время светиться на улице.

Вот ведь человек. Сто раз уже ей втолковывали, что этот тип ее не знает. Но такой, как Зойка, хоть кол на голове теши.

— Слушай, — сказал мне Клим. — Чего зря время проводить. Отопрем пока дверь.

Я послушался. Отомкнув замок, я подергал за ручку. Засов был заперт. Значит, Будка еще не подошел. Зато, пока я возился с ключом, подоспели девчонки. Глаза у Адаскиной бегали. Она то и дело озиралась по сторонам.

— Ну? — едва поравнявшись с нами, начала она. — Будка пришел?

— Рано, — посмотрел на часы Клим, — еще минута осталась.

Мне показалось, что эта минута длится целый час.

— Ровно восемь, — не сводил глаз с циферблата Клим.

Из-за двери не доносилось ни звука.

— Ну, Будка, — скрипнул зубами Клим. — Просили же не опаздывать.

Я подергал дверь. Закрыто.

— Ой-ой-ой, — запричитала Зойка. — Что же нам теперь делать?

— Ждать. — Клим не отрывал взгляда от часов на руке.

Время шло. Мы напряженно прислушивались. Ничего. Наконец еще через пять минут изнутри послышался металлический скрежет засова. Дверь приоткрылась. В нее просунулась красная и всклокоченная физиономия Будки.

— Вы еще тут? Фу-у, как я волновался.

— Чего так поздно? — не удержался от упреков Клим.

— Да мешали, мешали, — быстро проговорил Митька. — Все время рядом кто-нибудь ошивался. Давайте скорей.

Мы вбежали внутрь. Я даже не успел запереть дверь. Прямо навстречу нам по коридору шествовали... Ника и Петр Тарасович Горбанюк. Мы попали в ловушку.

Дальше начался полный ужас. Скандал был на всю школу. Нас, можно сказать, арестовали и под конвоем препроводили к директору. Там началась детальная разборка.

Откуда у нас ключи? Почему мы вошли в школу через запасной выход? Кто нам открывал засов, который, как выяснилось, «в целях повышения безопасности» установил лично Горбанюк?

Попутно возник вопрос и об Агатиной карточке. Теперь Ника не сомневался, что карточку у него зачем-то свистнули мы. Сперва мы молчали, как настоящие партизаны. Это продолжалось довольно долго. Отчаявшись получить ответы на свои вопросы, Макарка В. В. вызвал с работы наших родителей. Перепуганные предки примчались с быстротой молнии. Они ничего не понимали и умоляли нас объяснить, что случилось.

Однако и после этого мы продолжали молчать. Хотя каждый из нас уже понимал, что это разговор обреченных. Силы были неравные, и рано или поздно все равно бы пришлось говорить.

Наконец, Клим предпринял дипломатический ход:

— Виктор Владимирович, можно нам с ребятами посоветоваться?

— Ни в коем случае! — отрезал Ника. — Ду-

маете, мы дураки, чтобы позволить вам сговориться.

У Круглого сделалась металлическая физиономия, и он очень тихо, но твердо изрек:

— Во-первых, Николай Иванович, я не у вас спрашивал. А во-вторых, не хотите, не надо. Тогда будем молчать.

— Черт с вами, — устало махнул рукой Макарка В. В. По-моему, мы со вчерашнего дня уже у него в печенках сидели. — Даю вам десять минут. Можете выйти в канцелярию. Там все равно никого нет.

«Молодец Клим, — пронеслось у меня в голове. — Добился своего».

Мы вышли.

— Ну, давайте решать, что будем говорить, — скороговоркой начал Клим.

— Ничего, — отрезал я.

— Совсем ничего нельзя, — придерживался иного мнения Будка. — Что-то все-таки надо.

— А по-моему, лучше уж все, — заявила Зойка.

— Я тоже так считаю, — поддержала ее Агата. — Если начнем врать или недоговаривать, то совсем запутаемся, и нам вообще никто не поверит.

— Все рассказывать? — возмутился я.

— Вообще-то можно было бы и не все, — отозвался Клим. — Но у нас времени нет договариваться. Не успеем.

— Мальчики, — захныкала Зойка. — Мне страшно. Я уже больше так не могу. Мне этот кошмарный мужик везде чудится. Даже на улицу лишний раз боюсь выходить. А сейчас расскажем, и все проблемы разом решатся.

— Значит, абсолютно все рассказывать? —

Прямо навстречу нам по коридору шествовали... Ника и Петр Тарасович Горбанюк. Мы попали в ловушку.

никак не укладывалось такое в моей голове. — И про пятьдесят баксов?

— И про них, — кивнул Клим. — Врубись, в этой истории одно вытекает из другого. Ничего не выкинешь.

Я на секунду задумался. Собственно, мне-то что? Доллары я уже без остатка потратил. Значит, не отберут. А мужик этот мне самому сильно действовал на нервы. Сколько можно так жить? И я согласился:

— Ладно. Пошли.

Наша история произвела совершенно неизгладимое впечатление как на родителей, так и на завуча с директором. А Горбанюк вообще все время тихо бормотал себе под нос: «Вот ешкин кот». Значит, тоже впечатлился.

Правда, Ника вроде как сначала нам не поверил. Однако я выложил на директорский стол неопровержимые доказательства в виде фотографий мужика. Это завуча убедило. Потом наши предки долго вопили наперебой: мол, почему мы сразу им все откровенно не рассказали? Почему мы так им не доверяем и все от них скрываем? И, наконец, как мы не понимаем, что если бы сегодня, по счастливому стечению обстоятельств, все не вскрылось, эта история могла бы иметь для нас самые печальные последствия.

Тут в дело вступила Адаскина. Она закатила настоящую истерику, и все переключились на нее. Ника с родителями прыгали вокруг, а Макарка В. В. поил Зойку личным валокордином. Хоть раз в жизни от Адаскиной была какая-то польза.

Когда Зойка наконец перестала фонтанировать, родители насели на Макарку В. В. и потребовали, чтобы он вызвал милицию. Директор с

изможденным видом начал звонить начальнику нашего отделения.

Объясняться Макарке пришлось очень долго. В результате через некоторое время после того, как он положил трубку, на пороге кабинета возник какой-то невыразительный хмырь в штатском. Назвавшись старшим лейтенантом Кнедликовым и предъявив в доказательство удостоверение, он потребовал, чтобы мы рассказали все по новой. «Сначала и до конца, по возможности, не упуская деталей».

Он внимательно выслушал нас, изучил фотографии и обратился к Будке:

— Значит, пацан, говоришь, тебя этот мужик не знает?

— Не-а, — подтвердил Будка. — Я вообще, когда все у них вышло, еще под Саратовом находился. В снегах.

— Неважно, — перебил старший лейтенант Кнедликов. — Главное, что ты не интересуешь подозреваемого. Пошли. Выйдем к воротам. Если он еще там, опознаешь.

Они удалились. А нам велели сидеть в кабинете директора и дожидаться результатов. У лейтенанта могли возникнуть новые вопросы.

Минут двадцать спустя в кабинет ворвался Будка.

— Поймали! — грянул с порога он. — Уже в наручниках. Ща допрашивать будут.

— Где? — опрокидывая стулья, повскакивали с мест мы.

— У Ники в кабинете, — пояснил Будка. — Только пока не ходите. Все равно не пустят. Лейтенант сказал: «Вызову после».

У Зойки затряслись губы.

— Это что же? Нам опознавать его придется? Я боюсь.

— Ну, Адаскина, надоела ты мне до черта! — не выдержал я. — Вбей в свою идиотскую башку: тебе никого опознавать не придется. Ты ведь этого мужика ни разу не видела.

И что вы думаете? Все родители тут же бросились защищать от меня Адаскину. А мой предок вообще заявил:

— Прекрати расстраивать мать!

Хотя я так и не просек, при чем тут моя мама? Можно подумать, Адаскина — ее дочь!

Потом в директорский кабинет вернулся старший лейтенант Кнедликов.

— Интересная ситуация получается, — озадаченно произнес он. — Согласно показаниям этого Пескова, он — муж вашей учительницы. И гражданка Пескова факт замужества подтверждает. Они говорят, что просто поругались.

— О чем вы? — устало выдохнул Макарка В. В.

— Я по части подозреваемого, — продолжал Кнедликов. — Может, ребята, которые его видели, сходят на опознание?

— Тогда лучше всего это сделать мне, — я мигом поднялся со стула.

Но мать, преградив мне путь к Кнедликову собственным телом, крикнула:

— Не пущу!

— Да ведь мы с ним больше всех общались, — я попробовал воззвать к ее сознанию.

Тут в дело снова вмешался отец:

— Садись и не смей расстраивать маму!

И что его с этим расстройством второй день заело?

— Да вы не волнуйтесь, граждане родители, — обратился к моим предкам Кнедликов. — Мы проведем опознание осторожно. Подозреваемый даже не увидит вашего сына.

— Вот видишь, мама, — заорал я.

— Мы вместе пойдем, — сказал Клим.

Тут встал на уши Климов предок. Теребя бородку, он строго осведомился у Кнедликова:

— Зачем вы подвергаете опасности детей?

— Так ведь задержание произведено согласно их заявлению, — указал на нас лейтенант. — Другими свидетелями мы не располагаем.

Услыхав это, Адаскина завыла:

— Станисла-ав Климентьевич, Елена Матвеевна, ну, пожалуйста, разрешите им. Иначе бандита отпустят.

— Вы гарантируете, что преступник их не увидит? — поинтересовался предок Клима.

— На все сто, — заверил лейтенант.

— Тогда я не возражаю, — сдался Кругловстарший.

Моя мать всхлипнула, но возражать ей было уже неудобно. Иначе бы вышло, что Клим пускай пропадает, а мне нельзя.

В кабинете Ники было окошко в коридор. Через него-то мы и опознавали. Горбанюк припер нам стремянку, и мы с нее посмотрели. Мужик оказался не тот. О чем мы немедленно сообщили Кнедликову. Лейтенант вроде даже обрадовался:

— Тогда можно прямо сейчас отпустить. А то Песков уже собирается жаловаться.

Мы вернулись в кабинет директора. Родителям наше сообщение не понравилось. А особенно оно не понравилось Зойке. Потому что, если задержали не того мужика, значит, преступник по-прежнему на свободе.

Адаскина опять принялась всхлипывать и, конечно, еще сильней завела наших предков. Даже Станислав Климентьевич заволновался. Хотя обычно он мужик спокойный.

Вскоре к нам присоединился Кнедликов:

— Отпустил. Помирились. Теперь у них там семейное счастье. А до этого неделю не разговаривали. Так что все в результате вышло на пользу укрепления семьи.

— Вас не это должно волновать, — с негодованием посмотрела на него Агатина мама, — а судьба детей.

— Так ведь с детьми вашими все в порядке, — не понял сути ее претензий лейтенант. — Факт преследования возле школы не подтвердился. А значит, пускай спокойно себе живут и гуляют.

— Но настоящий преступник-то не задержан, — напомнил Станислав Климентьевич.

— Разберемся. Будем искать, — с крайне ответственным видом заявил лейтенант. — Вы держите нас в курсе, если чего. А насчет преступника вы это зря. У нас презумпция невиновности. Да и детям вашим он пока ничего плохого не сделал. Даже наоборот. Пятьдесят долларов, можно сказать, подарил. По нашим временам деньги хорошие. Между прочим, неплохо бы их к делу приобщить.

— Нету, — я развел руками. — Уже истратили.

Кнедликов поскучнел.

— Ну нет, так нет. Единственное вещественное доказательство уплыло. А там, между прочим, могли оказаться его отпечатки пальцев.

— Да у вас же его фотография есть, — сказал отец Клима. — Вот ее и приобщайте.

— Верно, — лейтенант немного приободрился, но не до конца. — Ну, я пошел. До свидания. Не сомневайтесь, примем все меры.

Он удалился. После предки начали вновь возмущаться. Нами, милицией и, как ни странно, школой. Потом они вместе с Макаркой В. В. и

Никой принялись обдумывать, что с нами делать. Вопрос разделился на две части. Часть первая — наказание. Часть вторая — обеспечение безопасности.

В итоге длительных споров и рассуждений они решили, что, во-первых, утром в школу нас теперь будут, как маленьких, провожать предки. Представляете, стыд какой! Но это еще не все. После занятий нас будет отводить домой Петр Тарасович Горбанюк. К нашему удивлению, обэжэшник воспринял это поручение с большой радостью. Сперва его прикрепили только ко мне, Климу и Агате. Ведь ни Будка, ни Зойка к этому мужику никакого отношения не имели. Однако Адаскина заявила, что ее тоже надо на всякий случай провожать.

Я мстительно ждал: уж от этого Горбанюк откажется. Но он покорно изрек:

— Раз надо, значит, надо.

Из дома нам без сопровождения взрослых выходить категорически запрещалось. В общем, арестовали не мужика, а нас.

В смысле наказания общей линии выработать не удалось. Макарка В. В. предлагал одно, Ника — другое, родители — тоже каждый свое, а Горбанюк говорил: «Я бы, лично, выдрал». Короче, остановились на том, что в каждой семье накажут по-своему. Со стороны же руководства школы нам обещали в этой четверти снизить оценки по поведению.

Тюремный режим решено было сохранять до момента поимки преступника. Это привело нас в настоящий ужас. А если его не поймают? Мы что же, до самого конца школы будем ходить под конвоем предков и Горбанюка? Однако поделать с этим мы ничего не могли, и будущее представлялось нам унылым и мрачным.

Глава VI

Покой нам только снится

Но волновались мы напрасно. Под конвоем Горбанюка нам пришлось провести только два дня. Потом в школу забежал лейтенант Кнедликов. Наша компания была срочно вызвана к Макарке В. В. Там Кнедликов нам и сообщил, что преступник задержан, причем уже несколько дней назад «во время операции по ликвидации организованной банды торговцев оружием». Мы прямо рты разинули, а лейтенант продолжил:

— В общем, живите спокойно и не волнуйтесь.

— А фотографии? — мне хотелось получить их обратно.

— Они переданы по инстанции и приобщены к делу, — объяснил Кнедликов. — А тебе за них, Сидоров, из управления просили передать устную личную благодарность. Ты его зафиксировал в момент погрузки товара. У них в одной из квартир того дома располагался перевалочный пункт.

Вот так всегда. Я, между прочим, эти фотки за деньги проявлял и печатал, а мне, видите ли, устная благодарность. С другой стороны, деньги-то были не мои, а бандитские. Так что, может, все справедливо. Хотя с какой стороны поглядеть. Тот мужик, на грузовичке, наверняка так не думает.

В общем, с момента, когда лейтенант покинул директорский кабинет, нам предоставили почти

полную свободу перемещения. Я говорю «почти», потому что предки еще не скоро успокоились и постоянно контролировали каждый наш шаг. От нас требовалось звонить чуть ли не каждый час, проведенный вне школы. А когда мы сидели дома, предки сами постоянно названивали нам с работы. Короче, полный контроль и учет и полная психушка.

Не знаю, как наказали Клима, Агату, Зойку и Будку. Сами они на эту тему не распространялись, а я не расспрашивал. Мои же предки изобрели такую кару. Во-первых, мне целых две недели было запрещено куда-нибудь ходить, кроме школы. А чтобы я дышал воздухом и одновременно не получал удовольствия, отец после ужина самолично отправлялся со мной на прогулку. Вообще-то я с ним люблю ходить в разные места. Но это были не прогулки, а настоящие муки. Отец всю дорогу читал мне нуднейшие нотации, как надо себя вести, чего не следует делать, а что следует. Будто я сам не знаю.

Прикидываясь, будто слушаю, я в равные промежутки времени согласно кивал головой. Однако мысли мои тут же убегали очень далеко. Помоему, я за всю предыдущую жизнь столько всего не передумал, как во время этих прогулок. Я размышлял о самых разных вещах, а особенно — о нас с ребятами и о том, что с нами случилось. И еще о том, что люди часто делают одно, а получается совсем другое, чего как раз совершенно не хочешь. Ведь началось у нас все с полнейшей ерунды. Я захотел снять деревья. Но тут вмешалась Зойка Адаскина. Ей приспичило, чтобы я сделал ее фотки. Пока она бегала за пленкой, я случайно вместе с зимней природой заснял преступника. А из-за этого мы постепенно сами

едва не стали преступниками. Ключи перли, врали, и, если бы вовремя не попались, кто знает, что нам еще пришлось бы делать. В общем, это как лавина с гор. Начинается обычно с одного маленького камушка, а кончается бурным потоком, который сметает все на своем пути. Вот так и нас едва не смело. Но все хорошо, что хорошо кончается.

И еще я понял: это только в книгах люди что-то подозрительное обнаруживают, а затем легко и весело находят преступников. Мало того, едва ли не сами их задерживают. Между прочим, я сам о таком мечтал. Но в жизни все оказалось гораздо сложнее. Хотя с нами-то, в общем, ничего особенного не произошло. Кроме того, что пришлось потрястись остаток каникул и первые дни занятий. Потом жизнь вроде бы начала постепенно налаживаться.

Меня освободили из-под домашнего ареста. Теперь я мог снова ходить после школы с ребятами, снимать и тому подобное. Вовсю возобновились репетиции в нашей школьной театральной студии. Между прочим, Агата, Клим и Будка там ведущие актеры. Адаскина тоже играет. И еще придумывает костюмы к спектаклям. В общем, как всегда, в каждой бочке затычка. Ну, а я там веду фотолетопись. Снимаю репетиции и спектакли.

В прошлом полугодии мне это жутко понравилось. Было так интересно! А сейчас стало как-то скучно. Физиономии те же, и фотки какие-то одинаковые получаются. Я даже, когда смотрю, сам порой не сразу врубаюсь: в этой четверти снимал или в прошлой? Возможно, когда они начнут репетировать в костюмах и гриме, мне станет интереснее. А пока так. Ерунда. Правда, ре-

бятам нравится. И многие заказывают для себя экземпляры. Это как раз удачно. Потому что от бандитских пятидесяти баксов даже воспоминаний уже не осталось, а Климом я клятвенно обещал не торговать. Фанатки сделали свои выводы и теперь обходятся своими силами. В общем, я ради дружбы упустил солидный кусок бизнеса. Ну почему, скажите на милость, в этой жизни постоянно приходится чем-то во имя чего-то жертвовать? Боксом ради здоровья. Бизнесом ради дружбы, и так далее и тому подобное. А ведь как хорошо было бы все совместить. Но такого почти никогда не выходит. А если каким-то чудом вдруг и получится, то очень скоро обязательно что-нибудь этому помешает. Если не верите, обратитесь к личному опыту. Сразу поймете, насколько я прав.

Однажды, спускаясь после уроков на первый этаж, мы с Круглым увидели в вестибюле кучу народа, толпившегося возле доски объявлений.

— Видел? — повернулся я к Круглому.

— Что за событие такое? — изумился он, и мы поспешили узнать, в чем дело.

Последний раз подобное столпотворение у нас в школе наблюдалось возле актового зала, когда шла запись в театральную студию.

Протолкавшись сквозь плотную толпу вперед, мы с Климом наконец выяснили причину. Не прошло и полугода, как давно обещанный нам телекружок объявил набор желающих.

— Ого, — растерянно произнес Клим. — Что же мне теперь делать?

— А какие проблемы? — не понял я.

— Так ведь я уже теперь в театральной студии, — отозвался Круглый.

— Ну и что? — я пожал плечами.

— Так я ведь с самого начала хотел именно в телекружок, — продолжал Клим.

— Ну, и иди записываться, — посоветовал я.

— А театральная студия? — спросил Круглый. — Как же мне ее вдруг теперь бросить? У меня уже роль в новом спектакле. Причем главная. Если бы хоть пару недель назад предупредили. А теперь как-то обидно, да и неудобно.

— Тогда совмести, — сказал я.

— Вообще-то мысль, — кивнул Клим. — Правда, тяжеловато будет. А главное, чтобы дни и часы занятий не совпадали. И еще...

Он осекся. Но я ведь не пальма в тундре и не фикус в огороде, поэтому мигом просек, в чем дело. Они же второй спектакль с Агатой в паре играют. У него главная роль и у нее — тоже. Вообще-то у них классно вместе получается. Как говорит наша Изольда, «гармоничный ансамбль». Естественно, Клим уйти просто так из студии не может. Да и не уйдет.

Мне проще. Во-первых, для летописи совершенно необязательно сидеть у них на каждой репетиции. И даже, когда сидишь, можно минут пятнадцать пощелкать, и порядок. А потом шуруй себе спокойно в телекружок, даже если занятия там в одинаковые дни и часы с театральной студией.

А запишусь я туда обязательно. Едва увидел, сразу понял, как жутко мне хочется стать оператором. Правда, видеокамеры у меня собственной пока нет. Но в нашей школе они имеются. Причем профессиональные. Один из спонсоров подарил. Специально для телекружка. Ну, а потом, глядишь, когда-нибудь и свою удастся приобрести. Буду копить.

Клим продолжал уныло топтаться у доски объявлений.

— Ну, чего? Будем записываться? — спросил я.

— Прямо не знаю, — по-прежнему колебался Круглый.

Говорю же: никогда в этой жизни не получается полного счастья. Вот и Климу придется чем-нибудь да пожертвовать.

— Дело твое, — сказал я. — Но мне в телекружок хочется. Вообще мой тебе совет: пошли после уроков и запишемся. А если потом раздумаешь, никто ведь тебя насильно ходить не заставит.

— И камера у моего предка есть, — не отвечая впрямую на мое предложение, задумчиво и мечтательно произнес Клим. — Отец редко ею снимает. В основном она лежит и пылится.

— А он даст тебе ею пользоваться? — заинтересовался я.

— Наверное, даст, — кивнул Круглый. — Тем более если в телекружок запишусь. Мой предок говорит, ему нравится, когда я занимаюсь каким-нибудь полезным делом.

Я мигом сообразил: если Климу дадут видеокамеру, тогда ведь мы сможем с ним вместе снимать по очереди. А уж на собственные кассеты как-нибудь наскребу. И я насел на него всерьез:

— Слушай, Клим, давай вместе запишемся. В крайнем случае, потом откажешься. Хотя я лично почти уверен, что ты вполне сможешь совмещать и телевидение, и театр.

— А если не смогу? — Он все еще никак не мог решиться.

— А если, наоборот, сможешь, а к этому времени в телекружке уже мест свободных не будет? — давил ему на психику я. — Ты сунешься, а тебе вежливо улыбнутся и скажут: «Приходи на следующий год».

5 Зак. 3475

— Да-а, — протянул Круглый. — Тогда лучше уж записаться.

— Ну, наконец-то. Вот гляди, — я ткнул пальцем в конец объявления, — запись производится сегодня после пятнадцати ноль-ноль в двадцать четвертой комнате. У нас сегодня шесть уроков. Сразу после занятий и пойдем. Окажемся в числе первых.

— В числе первых, — как эхо повторил Клим и умолк.

По-моему, его вновь одолели сомнения.

— Именно, — не отставал я. — Как говорится, кто первый, тот и прав.

— А девчонки? — посмотрел на меня Круглый.

«Ах вот оно в чем дело, — скумекал я. — Девчонки. Сказал бы уж прямо: «Агата». Наверное, они после уроков куда-нибудь с ней собрались». Но я, конечно, не стал влезать в его личную жизнь, а, прикинувшись полным шлангом, осведомился:

— Чем нам мешают девчонки?

— Ну-у, — замялся и покраснел Круглый. Кажется, я попал в самую точку.

— Че ну? — передразнил я.

— Ну, может, им тоже в телекружок захочется, — выдавил из себя Клим.

— Насчет Агаты не знаю, — отозвался я. — А Адаскина пойдет записываться просто только из вредности. Она и так занята выше крыши. И роли играет, и костюмы для спектаклей придумывает.

— Но спросить-то все равно надо, — гнул свое Круглый. — Вдруг захочет?

— Тогда давай и Будке скажем, — усмехнулся я.

— Ему-то зачем? — выкатил шары Клим.

— Ну, вдруг он тоже захочет. А вместе веселей.

— Сомневаюсь, — покачал головой Круглый.

— Насчет девчонок ты тоже сомневаешься, — я продолжал его подкалывать. — Но им, по-твоему, сказать надо, а Будке — нет. А чем он хуже их?

— Да вообще-то ничем, — кивнул Клим. — Давай скажем. А может, он уже и сам знает.

На том мы и порешили. В результате записываться пошли все. Даже эта противная Адаскина. Захотела в телекружок Агата, ну и Зойке, конечно, мигом тоже приспичило. Разве такая может допустить, чтобы что-нибудь происходило без нее. Я-то надеялся хоть в телекружке от нее отдохнуть. А то ведь выходит: куда ни сунешься, везде Адаскина. Скоро она, по-моему, станет мне сниться по ночам. И тогда вообще полный финиш. Наверное, у меня «судьба такая». А от судьбы, говорят, не уйдешь.

Будка сказал, что тоже запишется. За компанию. Ну, мы все и отправились в двадцать четвертый кабинет. Вроде бы прибежали туда сразу после шестого урока, но у двери успела выстроиться добрая половина старшеклассников. Народу было даже больше, чем в сентябре на записи в театральную студию.

— И чего это всех понесло? — пожал плечами Будка. — Совсем люди сбрендили на телевидении.

— Ну, ты ведь тоже сбрендил, — с улыбкой глянула на него Агата.

— Я-то нет, — радостно сообщил Митька. — Я просто так, за компанию. Погляжу, что к чему, а дальше, может, и ходить не буду.

Мы встали в хвост очереди. Будка посмотрел на часы:

— И сколько мы, интересно, тут проторчим?

— Вот уж чего не знаю, — откликнулась Агата.

А я сказал:

— Раз уж явились, нужно стоять до конца.

— Правильно, — поддержал меня Клим.

Зойка, не умолкая, болтала. Мол, ей хочется быть или ведущей какой-нибудь интересной передачи, или, на худой конец, диктором. Во, разбежалась. Ее еще не записали, а она уже передачу вести собралась.

Очередь двигалась крайне медленно, а Адаскина все тараторила и тараторила. Всласть настроив планов о работе на телевидении, она перешла на рассказы о частной жизни известных телеведущих. Вернее, об одной стороне этой жизни, как они ходят покупать шмотки в бутик, где работает портнихой Зойкина мать, тетя Лида.

По словам Адаскиной как-то так получалось, что все эти телезвезды ходят в бутик не покупать одежду, а исключительно общаться с тетей Лидой и, конечно же, с Зойкой. Разумеется, после такого ей прямой путь на телевидение.

Рассказывала Адаскина все это как бы нам троим. Однако получалось у нее так громко, что слушала вся очередь, причем с большим интересом. А я думал: «Ну до чего же люди обожают всякие сплетни!» Причем сплетни у Зойки были самые махровые. По-моему, она все выдумала прямо на ходу. За исключением того, что тетя Лида и действительно в каком-то бутике портнихой работает. Это я сам точно знаю.

Наконец подошла наша очередь. Запись вела совершенно незнакомая маленькая худенькая

женщина с темными волосами, стриженная под мальчика. Подняв на меня глаза, она с ужасом осведомилась:

— Там еще много?

И потыкала ручкой в сторону двери.

— Ага. Очень много, — я не стал скрывать правды.

— Карау-ул, — она схватилась за голову. — Неужели вся школа пришла?

— Почти, — кивнул я.

— Вы что, так все любите телевидение? — задала новый вопрос она.

— Другие, не знаю, а я люблю, — сказал я.

— Где же мы заниматься-то будем? — совсем растерялась женщина.

— В актовом зале, — посоветовал я. — Он большой. Уж точно все влезут.

— Вообще-то правильно, — немного повеселела она.

— Да вы раньше времени не волнуйтесь, — продолжал я. — Может, еще не все ходить будут. Часть через пару занятий отсеется.

— Надеюсь, — выдохнула женщина.

Записав мои данные, она сообщила, что зовут ее Карина Валентиновна. Оказывается, она и будет вести наш кружок. Короче, всю нашу компанию записали. Несколько дней спустя состоялось первое занятие. Провели его, как я и думал, в актовом зале. Ни одно из других помещений нашей школы всех записавшихся просто бы не вместило. Поэтому, по словам Карины Валентиновны, и последующие занятия будут проводиться здесь. Для нас лучше не придумаешь. Ведь теперь ясно, что телекружок никак не может совпасть по времени с театральной студией, которая занимается в этом же помещении.

Особенно радовались мои друзья. Мол, они

теперь все успеют. Карина Валентиновна рассказала нам о себе и своем кружке. Оказывается, она раньше сама работала на Российском телевидении. Насколько я понял, корреспондентом. Однако потом как-то так получилось, что ее сократили. Вот она и пришла к нам.

Далее она сообщила, что все это полугодие будут проходить лишь теоретические занятия, потому что нас оказалось чересчур много, и всем участникам следует во время теоретических занятий понять себя, свои склонности и определиться.

— Наверняка, — с надеждой продолжала Карина Валентиновна, — некоторые из вас в результате поймут, что телевидение — совсем не их стихия. Те же, кто останется, смогут в следующем учебном году попробовать себя в деле.

Тут по актовому залу пронеслось унылое «у-у-у». Похоже, каждый видел себя готовой телезвездой.

— Гудением делу не поможешь! — бодро воскликнула Карина. — Конечно, я понимаю, вам хочется поскорее взяться за дело. Но, во-первых, не умеешь, не берись, а во-вторых, наша материально-техническая база только формируется. И раньше, чем в сентябре, практические занятия начаться просто не могут.

Мы с ребятами переглянулись. Вот, значит, где собака зарыта! Так бы прямо и говорила. Мол, снимать пока не на чем, показывать — тоже.

Тем временем Карина Валентиновна принялась объяснять нам, как мы сначала будем заниматься теоретически, а потом практически. Насколько я понял, теоретические занятия — это в основном журналистика. Иными словами, мы вместо того, чтобы снимать, будем писать сцена-

рии на разные сюжеты. И она дала нам первое задание.

К следующему занятию каждый из нас должен написать сочинение на тему: «Почему я записался в телекружок, и чем он меня привлекает».

Будка немедленно замахал руками:

— У меня Изольда уже в печенках сидит со своими сочинениями по литературе. Что я, чокнутый, еще добровольно раз в неделю писать!

— Не хочешь — не надо, — сказала ему Агата. — Никто тебя не заставляет. Это ведь действительно добровольно. И, между прочим, по-моему, интересно. Я, например, с удовольствием напишу.

А я повернулся к Адаскиной и зашептал:

— Смотри, не забудь перечислить всех телезвезд, с которыми познакомилась в бутике.

— Дурак ты, Сидоров, — демонстративно отвернулась от меня Зойка.

— Не, ребята, — продолжал Будка. — Я теперь окончательно понял: театр мне все-таки ближе. Там за тебя уже все другими написано. А сыграть я могу что хотите.

До меня вдруг дошло: «Ну и хитрая же тетка эта Карина! Готов поспорить: она специально нам задала сочинение, чтобы такие, как Будка, отсеялись».

Зато тем, кто выдержит, в сентябре светит учеба на настоящей телестудии, с которой, как сообщила Карина Валентиновна, «сейчас ведутся активные переговоры».

«Раз так, — решил я, — игра стоит свеч. Уж выдавлю из себя какое-нибудь сочинение». И Клим с Агатой пришли к такому же выводу. И, естественно, Зойка.

Остаток недели прошел в жуткой суете. Учи-

теля наши как сговорились. Завалили нас домашними заданиями. Предводительница устроила целых две контрольные, одну по алгебре, а другую по геометрии. Подлый Ника вкатил мне очередную двойку по физике, и, чтобы исправить ее, мне пришлось ходить к нему на дополнительные занятия. Кроме того, Изольда жутко обозлилась, что множество ребят из ее студии записались в телевизионный кружок, и даже объявила, что «считает это предательством». Боюсь, Климу, Агате и Зойке сочетать оба кружка все-таки не удастся. Оскорбленная Изольда найдет способ, чтобы сделать это невозможным. Как только мы перестанем заниматься с Кариной Валентиновной в актовом зале (а это наверняка скоро произойдет, ибо, как я слышал, многие, подобно Будке, передумают ходить в телекружок из-за сочинений), Изольда начнет назначать репетиции на те же дни и часы, что и занятия телекружка. Я в этом просто уверен.

Я никак не мог найти время, чтобы усесться за сочинение. И начал писать его в последний вечер перед следующим занятием телекружка. Сесть-то я сел и даже тетрадь раскрыл. Но у меня почему-то ничего не получалось. Тупо уставившись на чистый лист, я пытался сообразить, почему записался в телекружок и чем он меня привлекает? Вроде до этого мне было совершенно ясно: захотелось и записался. Но так ведь не напишешь. Карине требуется объяснение. Устно еще куда ни шло. А ей нужно письменно. То есть красиво. А это у меня напрочь не шло. Ну, ни единого слова не выдавливалось.

Тут я вдруг подумал: «А может, сочинение не получается оттого, что на самом деле мне в телекружок совершенно не хочется? Показалось,

что хочется, а в действительности нет. Хотя вообще-то хочется. Но вот почему?»

На меня снова напал полный ступор. Ну, не знаю, почему! Хоть режьте меня! Наконец, в моей башке родилась светлая мысль: «Хочу, потому что интересно». Опять мало. Всего одна фраза. К тому же ничего не объясняющая. Я принялся размышлять дальше: «Что на телевидении интересного? Ну, например, тебя показывают, и ты становишься всем известным. Стоп! — оборвал я себя. — Я же хочу стать не ведущим, а оператором. В лучшем случае где-то будет написана моя фамилия, а меня никто не увидит. Но мне все равно интересно и хочется».

Мозги начали плавиться, и я решил позвонить Круглому. Узнаю, что он пишет, глядишь, у меня по этому поводу появятся свои мысли. Но Клим, едва услыхав мой голос, рявкнул:

— Отстань. Не мешай.

И бросил трубку. По-моему, у него тоже ни фига не шло. Но ему все же лучше. Если он не напишет сочинение, у него останется театральная студия. А мне чего делать? Продолжать щелкать их репетиции. Да надоело до черта! Что же все-таки написать?

Тут я почувствовал: пора подкрепиться. Без этого голова не заработает. В общем, отправился на кухню. Там как раз мать со своей подругой сидела. И вот слышу я из коридора, как подруга громко и возмущенно говорит:

— Не понимаю я тебя, Лена. Неужели ты до сих пор ничего не сказала Тимке? По-моему, это с твоей стороны элементарная глупость.

— Тише ты, тише, — шикнула мать. — Еще услышит.

Ну, сами понимаете, я после этого замер и стал слушать.

Глава VII

Крушение

Мать и ее подруга тетя Катя перешли на шепот. Но я все равно слышал каждое их слово.

— Чего, Лена, ждешь? Зачем скрываешь? — отчитывала мою мать тетя Катя. — Ведь чем дольше тянешь, тем сильнее у него потом шок будет.

«У меня шок? Интересно, от чего?» — недоумевал я.

Мать тем временем отвечала:

— Ничего. Тимка уже большой. Все поймет правильно.

У меня внутри екнуло. Неужели мать с отцом собрались разводиться? Да нет. Быть такого не может. Предок, наоборот, последнее время о ней даже больше, чем обычно, заботится. И мне постоянно пеняет, чтобы я ее не расстраивал. «А может, именно потому и пеняет? — вдруг одолели меня сомнения. — Собрался от нас уходить, и, естественно, совесть мучает. Вот и хочет, чтобы я мать окружил повышенной заботой. Ну, как бы и от себя, и от него».

— Нет, Лена, я все-таки тебя не понимаю, — вновь зашептала тетя Катя. — Нужно постепенно его подготовить. А времени у тебя в обрез.

«Та-ак, — с ужасом подумал я. — Значит, уже заявление о разводе подали. Ну, люди. Я живу себе спокойно и ничего не знаю. А они передо мной корчат из себя любящих родителей».

— Катя, не нагнетай, — ответила мать. —

У меня есть еще время. И вообще, чего ты волнуешься?

— Потому что знаю, какая может быть реакция, — жарким шепотом произнесла тетя Катя. — Витковских, надеюсь, помнишь?

— Еще бы, — подтвердила мать.

— Так вот, — продолжила тетя Катя. — У них в аналогичной ситуации сын Гарик из дома ушел.

— Как ушел? — испуганно спросила мать. — Этот ангелочек?

— Ангелочек, — фыркнула тетя Катя. — Он теперь дядя почти двухметрового роста. На два года твоего Тимки старше. А когда у Витковских это случилось, ему столько же было, сколько сейчас Тимуру.

— Ну, и? — в шепоте матери прозвучала тревога.

— В конце концов нашли, — скорбно изрекла тетя Катя. — Теперь по психологам таскают и одновременно лечат от наркомании. Психолог им объяснил: стрессовая ситуация и переходный возраст. Так что, Лена, подумай хорошенько.

— Ты мне такого про Витковских не рассказывала, — откликнулась мать.

— Да я сама недавно узнала, — внесла ясность тетя Катя. — С Кисой Витковской в ГУМе столкнулась. Она мне и рассказала. Видела бы ты, Лена, как она изменилась. Прямо вся черная.

— А такая была красавица, — охнула моя мать.

— Вот и я о том же, — вздохнула тетя Катя. — И семья была замечательная, дружная. Обожали друг друга. А теперь одни руины.

На кухне повисло молчание. Я стоял ни жив ни мертв. А точнее, просто убитый. Мне уже прямо сейчас хотелось хлопнуть дверью и уйти в

наркоманы. Вот про кого бы никогда не подумал, так это про собственных отца с матерью. Ну ругались они, конечно, иногда. Это у всех бывает. Но ведь предки мои всю дорогу вместе. Кроме работы, естественно. А так, и в магазин, и на отдых вдвоем. И отец у меня непьющий. Так чего, интересно, им расходиться?

Мать и тетя Катя вновь начали обсуждать Витковских. В основном они вспоминали события десятилетней давности, но я больше ничего интересного из их разговора не вынес. Потому что вскоре в замке входной двери заскрежетал ключ. Это вернулся домой отец. Мне пришлось скрыться у себя в комнате.

На столе по-прежнему лежала чистая тетрадь. Я глядел на нее и думал: «Из-за какой же ерунды я еще совсем недавно расстраивался! Подумаешь, не мог придумать, зачем мне нужен телекружок. Да пошел он вообще куда подальше. Какое это имеет значение, когда у нас вся жизнь разваливается».

Не знаю уж, сколько времени я полным истуканом просидел за столом. Все, подслушанное в коридоре, по-прежнему не укладывалось в голове. Конечно, на моей памяти у ребят из класса разводились родители. А вот отца Адаскиной никто из нас вообще никогда не видел и не слышал. Но все это случалось с другими. Вон Сереге Винокурову даже нравится, что его предки теперь в разводе. Он говорит, пока родители вместе жили, постоянно между собой ругались и его ругали. А теперь у него есть мачеха, отчим, сводный брат по отцу и сводная сестра по матери. Все они дружат семьями, а в Сереге души не чают. Он то у отца живет, то у матери, и каждый из них еще старается, чтобы Винокур у них подольше остался. А на Новый год и на день рож-

дения Серега получает подарков в два раза больше, чем все мы.

Но я так жить совсем не хочу. Разве дело в подарках? По-моему, лучше, когда отец с матерью вместе. Тут меня как ударило: вот почему предки последнее время по мебельным магазинам шастают. Раз они разводятся, значит, и эту квартиру разменяют. А на две нашей мебели не хватит. Но раз они этим уже занялись вплотную, выходит, и квартиры новые присмотрели. То есть мы скоро куда-то будем переезжать. Вопрос, куда?

Я мигом прикинул. Наша двухкомнатная квартира, конечно, в центре, однако на две однокомнатные она потянет разве что в каких-нибудь окраинных районах. То есть прощай моя школа у Сретенских ворот, Круглый, Будка, наш класс, Предводительница, в общем, вся жизнь, которая прошла здесь, на Сретенке.

В носу у меня защипало, и я с диким стыдом осознал, что вот-вот разревусь. А надо сказать, я последний раз плакал в младшей группе детского сада, когда мы с одним парнем залезли на крышу беседки и я, свалившись, сломал руку.

«Как же я буду без всего этого? — я продолжал тупо смотреть на белый лист. — Ну, почему они от меня все скрывают? Неужели им непонятно, мне ведь хотя бы подготовиться надо. А они явно собираются мне сказать в самый последний момент. И не противно им притворяться?»

Меня вдруг охватила такая злоба! Хотелось крушить все вокруг. Чтобы не было больше ни этой комнаты, ни всех вещей, к которым я привык чуть ли не с самого рождения. Все равно скоро всего этого не будет. Ни комнаты, ни семьи, ни друзей. Понимаете, ничего. Полная, абсолютная пустота!

Дверь приоткрылась. В щель просунулась голова предка:

— Чего такой тихий? Я уж подумал, тебя дома нет.

— А мне что, плясать? — я злобно глянул на его улыбающуюся физиономию. Интересно, чему это он так радуется? Большому личному счастью?

У предка мигом стерло улыбку.

— Ты почему мне хамишь?

— По кочану! — рявкнул я.

— Опять в какую-нибудь историю влез? — не отставал отец.

— Я лично ни во что не влезал. В отличие от некоторых.

Он аж рот раскрыл.

— А кто влезал? Что ты имеешь в виду?

— Никого и ничего я не имею в виду! — проорал я. — И вообще, оставьте меня в покое!

— Тимка! Сережа! — появилась на пороге мать. — Чего раскричались?

— Мы раскричались? — возмутился отец. — Нет, это он как с цепи сорвался. Немедленно признавайся, Тимур, во что влип?

Меня уже всего трясло. Воспитатель нашелся! Да какое он теперь имеет право мне указывать?

— Видишь, Лена, молчит, — отец повернулся к матери. — А мы потом из-за него с ума сходим.

— Это я из-за вас сойду! — продолжал орать я.

— Тимур! — всплеснула руками мать. — Какая муха тебя укусила?

«И эта хороша! — пронеслось у меня в голове. — Спектакль разыгрывают. Изображают нежную заботу о сыне». И, не помня себя, я выкрикнул:

— Уйдите! Уйдите оба отсюда!

Скандал разразился жуткий. Однако предки

так и не удосужились мне ни в чем признаться. Ну и я, естественно, тоже им ничего не сказал. Мы окончательно поругались, и я лег спать.

Как ни странно, я вырубился, едва прикоснувшись к подушке, и проснулся только от звука будильника. Мне мигом все вспомнилось, и я с тяжелыми мыслями стал собираться в школу. На глаза попалась раскрытая чистая тетрадь. Ну и ладно. На фига мне этот телекружок, если мы все равно скоро отсюда переедем. Может, даже очень скоро. И я вдруг подумал, что ходить в родную школу вообще осталось считанные дни.

Странное дело. Всю жизнь мне казалось: ну школа и школа, хожу и хожу. Половину времени даже идти туда не хотелось. И с ребятами у меня по-разному отношения складывались. Даже с лучшим другом Климом. Порой я даже начинал его ненавидеть. А вот теперь посмотрел на это совсем по-другому. Ну почему нельзя повернуть назад? Так, чтобы все оставалось по-прежнему: и школа, и Клим, и даже Адаскина с Никой.

С таким настроением я и приперся в школу. Клим, как увидел меня, тут же спросил:

— Тимка, что случилось?

— Да так, — отмахнулся я. — Ничего особенного.

— Сочинение, что ли, не написал? — продолжал расспрашивать Круглый.

— Ага, — честно признался я.

Клим внимательно посмотрел на меня:

— Стоит из-за такого расстраиваться. Сдавать-то Карине только после уроков. Времени у тебя полно. Сдуешь что-нибудь из моего сочинения, а после что-нибудь из Агатиного и Зойкиного.

В другое время я бы жутко обрадовался. А сей-

час мне от предложения Клима сделалось только еще тоскливей. Потому что скоро я все это потеряю. И я из последних сил выдавил:

— Не надо. Не хочу я ничего писать.

— Почему? — вытаращился на меня Круглый. — Ты ведь так хотел телевидением заниматься.

— Не хочу больше говорить на эту тему, — постарался как можно жестче произнести я.

Клим удивился еще сильней:

— Слушай, Тимка, говори прямо: что у тебя стряслось? Я ведь вижу.

Я уже был почти готов поделиться с ним, но все испортила, как обычно, Адаскина. Подбежав к нам вместе с Агатой, она затараторила:

— Мальчишки, сочинения написали?

— Написали, — покосившись на меня, смущенно ответил Клим.

— А чего? — не отставала Зойка.

Клим, по-прежнему не выпуская меня из поля зрения, медленно начал:

— Да я там сперва просто чуть-чуть порассуждал о телевидении. Мол, искусство подачи факта и так далее.

— Че-его? — протянула Адаскина.

— Можешь, Зойка, зря не стараться, — сорвал я на ней злобу. — Тебе все равно не понять.

— Это кому не понять? — сузила голубые глазки Адаскина.

— Ну, естественно, не мне, а тебе, — уже прорвало меня.

— Ах, какие мы умненькие, — поцокала языком Адаскина. — Ну тогда ты, Тимурчик, мне объясни, что такое искусство подачи факта и так далее? И вообще, ты-то сам что написал?

— Чего надо, то и написал, — не собирался я ничего объяснять Зойке.

Клим удивленно уставился на меня, но промолчал. Зато Адаскина не отставала:

— Уж не томи, Тимурчик, поделись. Очень хочется узнать, почему тебе захотелось в телекружок.

— Придет время, узнаешь, — пытался отбиться я. Как же мне хотелось ей врезать!

— Почему это придет время? — надула губки Адаскина. — Я хочу сейчас.

— Не доросла еще, — едва сдерживаясь, буркнул я. И, повернувшись к Климу, добавил: — Пошли, Круглый, разговор есть.

— Ну, пошли, — пожал плечами тот.

А Зойка, конечно же, отвратительно кривляясь, пропищала нам вслед:

— У мальчишек свои секреты!

Мы с Круглым двинулись вверх по лестнице.

— Почему ты от Зойки скрыл, что не хочешь ходить в телекружок? — спросил он.

— Чтобы не лезла, — откликнулся я.

Клим помолчал и продолжил:

— У тебя что-то произошло?

— Не без этого... — и я умолк.

Очень странное состояние. С одной стороны, я чувствовал: если с кем-то не поделюсь, то просто не выдержу, а с кем же еще делиться, если не с Круглым. Однако такие вещи трудно рассказывать. Вот я и стоял, как полный идиот, переминаясь с ноги на ногу. Клим, не произнося больше ни слова, терпеливо ждал.

— У меня предки разводятся! — наконец выпалил я.

— Че-его? — полностью прибалдел Круглый. — Как? Почему? Зачем?

Я только развел руками:

— Не знаю. Они вообще ничего мне не говорят.

— Откуда же ты узнал? — поинтересовался Клим.

— Мать с подругой на кухне вчера трепались, а я подслушал.

— Дела-а, — протянул Клим. По-моему, новость ошеломила его не меньше, чем меня.

— Вот именно, — кивнул я.

— А чего ты сам-то не поговоришь с ними? — осведомился мой лучший друг.

— Не могу, — честно признался я.

Клим, чуть помолчав, ответил:

— Понимаю. Я бы, наверное, тоже не смог.

— Тебе и не надо. — Внезапно я начал испытывать к нему жуткую зависть.

Бывают же у людей нормальные дружные семьи. Правда, Кругловых, может, чересчур много, зато уж они точно не разойдутся.

— А с кем из предков ты останешься? — задал новый вопрос Клим.

— Спроси что-нибудь полегче, — откликнулся я. — Они пока в моем присутствии корчат образцовую семью. Лена, сю-сю-сю! Сережа, сю-сю-сю! Ах, Тимурчик, не расстраивай мать! Не кричи на папу! Смотреть тошно!

И от ярости я плюнул на мраморную лестницу.

— Какое хамство! — немедленно раздалось у меня за спиной.

Я обернулся. Вверх по лестнице поднималась наша биологичка Варвара Аветовна по прозвищу Приветовна. Я уже давно убедился: стоит кому-нибудь прилепить жвачку к перилам, или плюнуть, или мусор какой-нибудь бросить, как немедленно возникает Приветовна. Ну, прямо не биологичка, а настоящий «санитар леса». Хотя наша школа у Сретенских ворот напоминает скорее не лес, а зоопарк.

— Извините, мы случайно, — бросил биологичке в ответ Клим.

Однако я извиняться не собирался. Какой смысл, если меня тут скоро вообще не будет. К тому же я постоянно сталкиваюсь с Приветовной на этой почве. Не то чтобы я все время плюю. Конфликты у нас из-за разного получаются. То бумажку на пол кину, то без сменки в слякоть войду, и на лестнице останутся мои грязные следы. А один раз у меня случайно выпал из рук в пролет огрызок яблока и, как нарочно, угодил поднимавшейся снизу Приветовне прямо по кумполу. Ох, и крику же тогда было! И родителей моих вызвали к нашему, еще прежнему, завучу. Приветовна утверждала, что это я специально ей так отомстил за единицу по ботанике. Совсем, видно, за дурака меня держала. Да задумай я отомстить ей, изобрел бы что-нибудь поинтересней.

Ну, в общем, Клим извинился, а Приветовна отвечает:

— А Сидоров у нас сегодня что, онемел? По-моему, это он, а не ты плевал.

Я совсем обозлился и брякнул:

— Разве на вас попало?

У Приветовны даже челюсть отвисла. И вместо обычных двух подбородков сделалось три.

— Что... ты... сказал? — с расстановкой произнесла она.

— Что слышали, — огрызнулся я. — На вас никто не плевал. Поэтому извиняться перед вами не собираюсь. А если уж захочу извиниться, то скажу: «Простите, пожалуйста!» — лестнице.

Приветовна часто-часто захлопала глазами:

— Сидоров, ты в своем уме?

Круглый начал пинать меня в бок и шептать: «Кончай, кретин». Но я уже ощутил на практике, какая великая вещь свобода слова. Говоришь все, что думаешь, а люди даже не знают, что ответить.

— Сидоров, я к тебе обращаюсь, — продолжала биологичка.

— Не собираюсь больше ля-ля разводить! — рубанул я ребром ладони воздух. — Пошли, Клим, отсюда.

И я потянул Круглого в сторону, Приветовна замерла на месте. Ну прямо статуя с открытым ртом.

— Микросхемы в башке полетели? — уставился на меня лучший друг.

— А чего терять, — отвечал я. — Все равно меня тут скоро не будет. Хоть память надолго оставлю.

— Хорошая память, — покачал головой Круглый. — Тимка, я все понимаю, но Приветовна чем виновата?

— А! — уже несло меня. — Надоело. И под руку пусть не лезет.

— Вот она сейчас пойдет к Нике и нажалуется на тебя, — продолжал Клим. — А Ника вызовет твоих предков.

— Плевать, — откликнулся я. — А предкам так и надо!

— Тимур, — очень тихо проговорил Клим. — По-моему, ты перебарщиваешь.

— Отстань, — сквозь зубы процедил я.

Но Круглый не отстал:

— Чего ты, Тимка, сходишь с ума? Если уж они окончательно решили развестись, тебе все равно ничего не изменить. Сам, наверное, понимаешь. Не маленький. И потом, это ведь их жизнь. Наверное, у них что-то не получилось.

— Их жизнь? — окончательно съехал с тормозов я. — Но это, между прочим, и моя жизнь! Меня спросили? Они вон до сих пор со мной в молчанку играют. А потом — бац! Мол, завтра мы, дорогой сыночек, расходимся, разъезжаемся и

начинаем новую жизнь. А мне этой, новой, жизни хочется? Я что им, табуретка, которую можно с места на место передвигать?

Клим сочувственно хлопнул меня по плечу:

— Слушай, Сидор, а может, тебе все же с ними поговорить? Если даже их отношений не склеишь, то хоть собственную судьбу выяснишь. На мой взгляд, это лучше, чем так психовать.

— Не могу, — возразил я. — Как мне прикажешь поговорить? Вот прямо подойти и брякнуть: «Дорогие родители, я знаю, что вы разводитесь. Объясните мне, почему и что будем делать дальше?»

— А почему? — внимательно посмотрел на меня Клим. — Тебе же станет легче.

Я не был в этом уверен. Однако решил дома попытаться. Потому что ждать больше невозможно. Не выдержу. Крыша поедет.

— Ладно, Круглый. Подумаю, — вслух произнес я.

— Слушай, — чуть помолчав, продолжал Клим. — Неужели раньше никаких намеков на развод не было? Ведь с бухты-барахты такие вещи не делаются.

— Сам об этом со вчерашнего вечера думаю, — не стал скрывать я. — И вроде все было нормально. Только вот предок последнюю пару месяцев стал часто приходить с работы чуть ли не ночью. Говорил: «Сверхурочные». Но раньше-то этого почти никогда не случалось. А теперь чуть не три раза в неделю. И в воскресенье недавно несколько раз работал.

— Нда-а, — протянул Клим.

— Вообще мне раньше это казалось нормальным, — продолжал я. — Лишние деньги нико-

му не мешают. Только теперь понимаю... — и я умолк.

Клим кивнул. Видимо, врубился, что я имел в виду. Скорее всего, мой любезный предок ни на какую работу не ходил.

— В общем, Круглый, ясно, какие у моего предка сверхурочные, — с трудом проговорил я.

— Не скажи, — мотнул головой Круглый. — Может, как раз он именно и работал. На развод и разъезд ведь деньги нужны.

— Тоже верно. — Я вздохнул. Работал мой предок или нет, мне в данном случае без разницы.

— А мать как себя вела? — заехал с другой стороны Клим.

— Да ничего особенного, — объяснил я. — Ну, может, немного более нервная стала. И отец мне чуть что талдычит: «Не расстраивай ее. Не расстраивай». Раньше точно такого не было.

Клим, молча, смотрел мне в глаза. Ясно. Он жутко сочувствует, но ничего не может сказать в утешение.

— Мальчишки! Куда вы пропали? Вы уже знаете? — К нам, запыхавшись, неслись Агата и Зойка.

— Что еще мы должны знать? — спросил Клим.

— Занятий телекружка сегодня не будет! — выпалила Зойка. — Карина заболела. Только что на доске объявление вывесили. Ах, зачем я только вчера целый вечер вымучивала это сочинение!

Странное дело, но, услыхав это, я почувствовал большое облегчение. И даже переспросил:

— Правда, заболела?

— Ну, — кивнула Агата. — Только чему ты радуешься?

— И не думаю радоваться, — возразил я, но это была не совсем правда.

Глава VIII

Летающая орхидея

Я ведь и впрямь, как ни странно, обрадовался. Карина Валентиновна заболела, занятие телекружка сегодня не состоится и сочинений ни у кого не потребуют. А значит, окончательное мое решение как бы откладывается. Вот сперва все у предков выясню, а потом и буду решать, стоит ли ставить точку на телекружке.

Раздался звонок, и мы отправились в класс. Однако нормально заниматься я в тот день так и не смог. Голоса учителей звучали для меня словно сквозь пелену тумана. Счастье еще, что никто не догадался вызвать меня к доске или спросить с места, ибо мысли мои вертелись лишь вокруг предстоящего развода родителей.

Чем дольше я думал об этом, тем сильней удивлялся, как же и впрямь ничего не заметил раньше. Ну жили и жили. Вон Винокур говорит: его предки перед разводом жутко ругались. Даже почти всю посуду в доме перебили. Тут хоть понятно: на фига вместе жить, если только крушить все вокруг. Но мои-то ничего подобного не делали. А последнее время у них даже не возникало скандалов среднего масштаба. Или мне просто казалось?

А может, у всех людей по-разному? Одни перед разводом всякие предметы кидают, а другие, наоборот, делаются вежливыми и ласковыми. Наверное, так. Хотя, если бы я собственными ушами вчера не подслушал разговор на кухне,

ни за что не поверил бы. И тут меня тюкнуло. Все это время я полагал, что это отец намылился уходить из семьи. Но теперь догадался: разводиться хочет совсем не предок, а мать. Вот ей все и по фигу. А предок, конечно, над ней сюсюкает. Наверное, надеется, что мать в последний момент передумает и останется с ним.

От такого открытия меня прямо зашкалило. «Ну, — думаю, — еж колючий, дела! Отмочила родительница!» И мигом соображаю другое: раз так, то меня точно оставят с предком. На фига постороннему мужику абсолютно чужой сын. Значит, хочешь — не хочешь, надо готовиться жить с отцом. Вообще-то я его люблю. Но ведь он, наверное, тоже долго один не останется. Я живо представил себе: приводит предок какую-то злую тетку, и она начинает сживать меня со свету. Потому что ей тоже чужой сын абсолютно не нужен.

Конечно, у Сереги Винокура получилось совсем по-другому. Он оказался всем нужен — и родным, и чужим. Но это ведь исключение, а чаще бывает совершенно наоборот. Вон, учился у нас до третьего класса Колька Смирнов. Жил с мамашей и отчимом. Учился совсем никуда. Родителей постоянно вызывали в школу. А потом выяснилось, что именно поэтому Колька учиться и не может. Отчим после каждого вызова бил его и в результате едва совсем мозги не отшиб. И Колька учился все хуже и хуже. А потом что с ним случилось, не знаю. Они куда-то переехали. Но, думаю, все равно ничего хорошего Кольку не ожидало. Я, естественно, тут же подумал: «Что, если мне попадется такая прелесть в виде отчима или мачехи?» Конечно, фигу я дам себя бить. Но жизнь-то испортить могут. Начнут родных предков против меня настраивать.

Короче, к концу учебного дня я от всех этих рассуждений дошел до точки. А на переменах меня еще дергали то Будка, то Зойка. Мол, чего такой кислый. Спасибо еще Круглый старался как мог отвлекать от меня внимание.

Домой из школы мы с Климом шли вдвоем.

— Ты все-таки, Тимка, прямо сегодня с ними поговори, — он вновь принялся убеждать меня. — Чего зря мучиться.

— Да я особенно и не мучаюсь, — мне захотелось прикинуться бодрячком.

— А то я не вижу, — покачал головой Круглый. — Нет, Тимка, решай прямо сегодня вечером вопрос кардинально. По крайней мере, хоть какая-то ясность в жизни появится.

— Попробую, — снова пообещал я. — Если, конечно, получится.

— Может, вечером погулять пойдем? — предложил он.

Но мне ничего не хотелось.

— Лучше уж действительно попытаюсь с предками поговорить, — ответил я.

На том мы и расстались, я ушел домой. Там что-то пожевал в холодном виде. Потом по привычке уселся было за уроки. Однако потом подумал: «На фига зря стараться? Все равно в этой школе учиться всего ничего осталось. Вот перееду, в новую школу пойду, там и буду «домашку» учить».

Перебазировавшись в комнату предков, я плюхнулся на их кровать и врубил телек. И словно нарочно мигом налетел на старый, еще советских времен фильм про семью, в которой родители разводятся, а сын страдает. Я досмотрел его до конца, и мне сделалось хуже прежнего.

Я даже с горя отправился делать уроки. Сперва хотел просто отвлечься, а в результате неза-

метно справился с «домашкой» по всем предметам. Это меня сильно удивило. Всю жизнь уроки делаю выборочно. Какой смысл лишние силы тратить? И так времени на жизнь почти не остается.

Я собрал на завтра рюкзак. Снова что-то там пожевал на кухне. И опять врубил телек. По первому каналу шла юридическая передача, где объясняли, какие следует предпринимать шаги, чтобы «взыскать алименты с уклоняющегося от их уплаты мужа». Ну, прямо наваждение!

Я переключился на вторую программу. Там шло идиотское ток-шоу. Одна тетка, рыдая и заламывая руки, рассказывала, как разводилась с мужем и делила с ним имущество и детей. Муж норовил забрать все имущество, но оставить тетке всех детей. А тетка хотела получить и детей, и имущество.

Когда она дорассказала свою душераздирающую историю, в которой было все: похищение детей, поджог, шантаж и даже покушение на убийство, — публика, присутствующая в студии, принялась рассуждать и давать глупейшие советы. Тетка только глазами хлопала. В советах она не нуждалась. Потому что, как выяснилось, излагала случай из своего далекого прошлого. А потому я вообще не врубился, на фига козе баян и зачем она (тетка, конечно, а не коза) приперлась на телевидение.

Я нажал третью кнопку на пульте. С экрана на меня сурово смотрел поп с огромной черной бородищей. Он нараспев вещал, почему православная церковь категорически не приемлет разводов.

— Ну, нет! — проорал я на всю квартиру. — С меня хватит!

Я вырубил ящик. И тут с работы явилась мать.

— Тимка! — всплеснула руками она. — Небось проголодался? Пойдем на кухню. Сейчас ужинать будем. Я столько всего принесла.

Я донес до кухни две тяжелые сумки. Мать начала разгружать их.

— А папа где? — словно бы невзначай спросил я.

— Сегодня опять задержится, — возясь со сковородкой, коротко бросила мама.

«Ясненько, — пронеслось у меня в голове. — Значит, опять».

— И чего он все время так поздно приходит? — разыграл я изумление.

— Сам разве не понимаешь? — повернулась ко мне мать. — Деньги зарабатывает, пока есть такая возможность. Они сейчас нам совсем не лишние.

— М-м-м, — промычал я.

Итак, от меня по-прежнему скрывают. Деньги им, видите ли, не лишние. Интересно у них получается. Пока жили нормально, были лишние. А теперь, когда развод затевают, понадобились. Я вот сейчас впрямую спрошу. И я спросил:

— А зачем нам сейчас так уж нужны лишние деньги?

— Интересный вопрос, — пожала плечами мама. — Я бы даже сказала, оригинальный. Мы просто хотим поменять кое-что из мебели.

«Ну, точно собрались разъезжаться», — мигом сделал вывод я. А вслух произнес:

— Понятно.

Мать, заглянув мне в глаза, робко осведомилась:

— А ты что-то хотел попросить?

Я даже вздрогнул от неожиданности, потому что и впрямь хотел. Только не попросить, а спросить.

— Говори, не стесняйся, — продолжала мать. — Если средства позволят, мы купим тебе. Обязательно купим.

«Ну, дела, — совершенно прибалдел я. — Обычно, когда мне что-нибудь надо, по сто раз просить их приходится. А они в ответ: «Подожди. Не до того. Сейчас не можем. Слишком дорого». И вот тебе вдруг: «Говори, не стесняйся!» Точно виноватыми себя чувствуют. И задобрить хотят».

— Ну же, Тимур, — подбодрила мать.

— Ничего мне не надо, — ответил я. — То есть, вернее, надо, но это совсем другое...

Договорить у меня язык не повернулся. Потому что сейчас мне было нужно только одно: чтобы они не разводились.

— Что — другое? — мать снова уставилась мне прямо в глаза.

— Да просто так, ничего, — отмахнулся я.

Она стала кормить меня ужином. Затем вновь попыталась вернуться к прерванному разговору. Дожевав бутерброд, я почти решился завести речь о самом главном, но мне помешал телефонный звонок.

Оказалось, это какая-то ее очередная подруга, и мать отправилась разговаривать к себе в комнату.

Момент был упущен. Так мы и не поговорили.

Позже, когда вернулся домой отец, я несколько раз пытался навести его на нужную тему. Однако он упорно не желал понимать намеков, и мне пришлось сдаться. Ну, как прикажете напрямую спросить у предков: «Вы чего, разводитесь?» Или: «А я с кем из вас останусь?»

Весь вечер предки упорно прикидывались, будто ничего страшного не происходит. То ли нервы у них железные, то ли им и впрямь все равно? А почему бы и нет? Каждый нашел себе кого-нибудь другого и вполне доволен. Только вот я получаюсь в этом раскладе совершенно лишним. На фига они вообще меня рожали?

В отличие от предыдущей эту ночь я спал плохо. Сперва часа два ворочался, а когда наконец заснул, мне стали сниться кошмары. Вроде бы я куда-то переехал, и не совсем ясно, с кем. Вроде с отцом, но одновременно он будто и мать. Жилье наше располагалось в сыром и тесном подвале. Я чувствовал себя там очень несчастным. К тому же по мне все время бегали огромные крысы. Одна из них попыталась цапнуть меня за палец ноги. Я отшатнулся и с грохотом ухнул куда-то вниз.

Разбудили меня собственный крик и боль. Выяснилось, что я свалился с кровати. Дверь в комнату отворилась. Я увидел мать, а за ее спиной — отца.

— Что такое? — хором спросили они.

— Упал, — я потер ушибленную голову.

— Ты не болен? — отец заботливо положил мне ладонь на лоб. — Нет. Вроде бы холодный. Температура нормальная.

Мать тоже пощупала мой лоб. Вот притворяются! Заботу разыгрывают. Можно подумать, их очень колышет мое здоровье. Потом они ушли, а мне еще что-то снилось. И я еще несколько раз просыпался. Хотя с кровати больше и не летал.

На следующее утро я приперся в школу совсем никакой. А первым уроком у нас была зоология, которую ведет та самая Приветовна. Ну, мы вчера с ней стыкнулись на лестнице.

А пришел я, надо сказать, рано. Как-то уж

так получилось. В кабинете, кроме меня, сидели только несколько девчонок. Ну и сама Приветовна. Я вошел, а она на меня глядит, как ни в чем не бывало:

— Ты, Сидоров, очень кстати. Сейчас мне поможешь.

Я думаю: «Надо же, елки-палки. Вчера на меня орала, а сегодня вроде как радуется». А вслух говорю:

— Пожалуйста. Чем можем, всем поможем.

— Тогда тащи из лаборантской стремянку, — скомандовала Приветовна.

Я притащил и спрашиваю:

— Куда ставить-то?

А Приветовна отвечает:

— К этой стенке. Видишь, там, наверху, гвоздик вбит?

Я глянул: гвоздь оказался почти под самым потолком. Вот, значит, в чем дело. Приветовна на такую высоту лезть боится. И девчонки, наверное, тоже. Потому она сейчас меня любит, как родного сына.

Ну, раскладываю стремянку. А Приветовна объясняет:

— Повесишь на этот гвоздь кашпо с орхидеями. Я сегодня из дома новый прекрасный экземпляр принесла. Только он обязательно должен жить на высоте.

«Ясное дело, — соображаю. — Чтобы, когда зацветет, не оборвали». Начал я подниматься, а Приветовна останавливает:

— Куда лезешь, неугомонный. Про кашпо-то забыл. Сейчас я тебе принесу.

И она кинулась в лаборантскую. А надо сказать, Приветовна на этих орхидеях просто сдвинутая. Их у нее дома, что у других пыли. Я однажды к ней заходил и видел: куда ни плюнь,

одни орхидеи. И стоят, и лежат, и висят, и так просто, и в горшках, и в аквариумах со специальной подсветкой. Не квартира, а настоящие джунгли. Еще бы каких-нибудь колибри с обезьянами, и полный порядок. Но из животных у Приветовны живет только одна канарейка. Совсем не тропическая. Хотя, кто ее знает. Может, она тоже какой-нибудь необычной породы. Если вообще у канареек существуют породы. Я в этом не очень-то волоку.

Из лаборантской Варвара Аветовна вынесла плетеное кашпо размером с большую кастрюлю, из которого торчало нечто типа плюща.

— Вы посмотрите, какая красавица! — затрепыхалась в восторге Приветовна. — А уж когда зацветет...

Девчонки вежливо поохали, а я молчу. Хватит с меня того, что вешать эту хламидомонаду придется. Да и над чем тут, скажите на милость, охать. У матери на подоконнике почти такое же растет. Во всяком случае, очень похоже. И почему-то никто не охает и не ахает. Просто иногда поливаем, и ладно.

Вручила мне Приветовна это самое сооружение:

— Только, Тимочка, умоляю, осторожнее.

Я взял. А штука-то оказалась тяжелая. Это она только снаружи из лозы. А внутри — толстый горшок из глины, да еще полный земли. Хотя, судя по весу, Приветовна туда еще и камней напихала. Но делать нечего: держу и лезу.

Мимо книжных полок и мимо головы вепря. Этот вепрь — охотничий трофей дедушки Митичкиной из нашего класса. То есть не дедушка из нашего класса, а Танька Митичкина. Ее еще Зойка Адаскина на дух не переносит. А дедушка у Митичкиной увлекался охотой. И кучу живот-

ных перестрелял. Причем из самых любимых экземпляров заказывал чучела. В итоге у Мити́чкиных на этих чучелах моль завелась. Часть сожрала вчистую. Но голова вепря почему-то уцелела. И тогда дедушка Мити́чкин преподнес ее школе. Наверное, считает: раз у нас новое здание, значит, моли пока нету.

Не скажу, чтобы вепрь мне сейчас помогал. Скорее даже наоборот. Из-за этой дурацкой свиной башки я не смог поставить стремянку на нужное место. Теперь к гвоздю придется тянуться. А тут еще новая беда. Сначала стремянка вела себя вполне сносно, не хуже многих других в том же роде. Но, как только мои ноги достигли средних ступенек, она начала предательски трястись. Тогда я Приветовне говорю:

— Вы хоть чуть-чуть ее подержите.

А она спокойненько отвечает:

— Да ты не волнуйся, Сидоров. По ней сто раз лазали, и никто еще не упал.

Но те-то, наверное, со свободными руками лезли и держались, а у меня тяжеленный горшок с ее породистыми тропическими сорняками.

Короче, долез я с грехом пополам до последней ступеньки и, уперевшись для лучшей устойчивости коленями в верхушку стремянки, потянулся вперед и одновременно вверх. К гвоздю.

Стремянка сильно качнулась, я инстинктивно дернулся и, потеряв равновесие, выронил драгоценное кашпо с его не менее драгоценным содержимым. Все последующее случилось мгновенно. Кашпо сделало в воздухе полусальто и, оставив свое содержимое на голове вепря, приземлилось на Приветовну. Ее счастье, что не произошло наоборот.

Впрочем, процесса я не видел, ибо в то время пересчитывал пузом ступени подлой стремянки. Зато результат был ошеломляющий. Плетеное

Кашпо сделало в воздухе полусальто и, оставив свое содержимое на голове вепря, приземлилось на Приветовну.

кашпо наделось на голову Приветовны, словно рыцарский шлем. Разве что только забрала не было.

Биологичка с воплем: «Моя орхидея!» — метнулась на стремянку. К счастью, сам я в это время уже успел с нее слететь. Потому что стремянка внезапно сложилась и упала на Приветовну. А горшок с землей, просвистев мимо ее головы, упал на пол и вдребезги разбился.

Приветовна продолжала орать. Только теперь не про свою орхидею, а просто, по-человечески: «Помогите! Спасите!» Девчонки тоже визжали. Я же, еще до конца не очухавшись после падения, бросился снимать с Варвары Аветовны стремянку.

Едва мне это удалось, как совершенно контуженная лестницей Приветовна взвилась на ноги и прямо в своем кашпо рванула зачем-то к двери.

А в дверь как раз вбегал Ника. Видимо, проходя мимо, услышал грохот и заинтересовался. Приветовна как в него вцепится! И орет:

— Сидоров! Я тебя сейчас убью!

Она ведь сквозь это свое кашпо ничего не видела. Да к тому же еще и контуженная. А я тоже, можно сказать, почти контуженный стою и не въезжаю: «Чего это она орет «Сидоров!», а лупит завуча?» Ника, по-моему, вообще выпал в осадок. Приветовну он, видимо, в кашпо не признал. Она его лупит, а он в ответ только пищит: «Я не Сидоров, я не Сидоров, я не Сидоров!»

На шум, конечно, разный народ в кабинет набежал. Биологичку от Ники оттащили и кашпо с нее сняли. А она, как меня увидела, снова в крик:

— Сидоров, я тебя убью!

Я от нее начал по кабинету бегать, уворачиваться и убеждать:

— Вы не меня убивайте, а стремянку. И вооб-

ще русским же языком вас просил, чтобы подержали.

Но она меня даже не слышала. Погонялась за мной, погонялась, а потом на стул — плюх! И рыдать начала:

— Сидоров, ты убийца! Ты погубил мою орхидею!

Главное, зря она так. Погиб-то один горшок с землей. А орхидея оказалась живучей. Зацепилась за голову вепря и повисла. Но это только позже установили. А тогда биологичка заложила меня Нике по полной программе. Мол, вчера я плевался на лестнице и хамил, а сегодня нарочно уронил ее любимую орхидею.

Сколько я ни доказывал, что не виноват, что все вышло случайно, что я сам при этом едва не разбился, — бесполезно.

Ника категорически потребовал, чтобы я завтра без родителей в школе не появлялся. И даже тот факт, что орхидея практически уцелела, не заставил завуча изменить решение.

Глава IX

Еще хуже

Ника удалился. Приветовна ушла в лаборантскую приводить себя и орхидею в порядок. А я решил: «Если завтра все равно нельзя явиться в школу без родителей, то чего мне сегодня-то зря сидеть? Тем более эта Приветовна мне подложила такую подлянку». Было бы понятно, если бы я против нее и впрямь что-нибудь сотворил. Но я-то помогал,

старался, можно сказать, едва собственную башку не свернул, и вот благодарность!

И, подхватив свой рюкзак, я выбежал из кабинета.

— Тимка, куда ты? — послышался вслед голос Клима.

Но я ничего не ответил. Потом ему объясню.

Дома у меня было пусто. Предки давно ушли на работу. Целый день я томился, ожидая их возвращения. Делать, естественно, ничего не хотелось. Ни читать, ни телек смотреть — вообще ровным счетом ничего. Телефон звонил почти беспрерывно. Но я не брал трубку. Когда же трезвон достал меня окончательно, я убрал звук.

Я упорно пытался уговорить себя, что тревожиться совершенно не надо. Подумаешь, исключит меня Ника. Так ведь все равно скоро придется переезжать в другой район. А узнав, что меня переводят, Ника с Макаркой В. В. просто-напросто отдадут предкам документы, и все. Вообще-то я совершенно не видел повода для своего исключения. Может, наоборот, предки сходят, разберутся, и все наладится? Хотя нет. Ника давно точит на меня зуб, а тут такой случай. Думаю, он этим воспользуется. Ну и пусть! Пусть! И так жизнь пошла наперекосяк!

Не успел я об этом подумать, как в замке входной двери заскрежетал ключ. В квартиру вихрем влетели оба моих дорогих предка.

— Тимур! Ты дома? — воскликнула мать. — Ну, слава богу!

И она устало опустилась на мой диван.

— Почему трубку не брал? — накинулся на меня отец. — Зачем мать доводишь?

Это уже было слишком.

— И не думаю никого доводить! — рявкнул я. — Это вы... вы...

Пока я подыскивал слова, отец снова принялся орать:

— Что ты опять натворил в школе? Почему Николай Иванович ставит вопрос о твоем исключении?

— Ничего я не творил, — мне хотелось все-таки оправдаться. — Я Приветовне помогал орхидею вешать.

— Слышали! — всплеснула руками мать. — Зачем ты кинул горшок в учительницу?

От ярости у меня даже перехватило дыхание. А потом я взревел:

— Во врут! Да я сам чуть шею себе не сломал! Видели бы вы, на какую лестницу она заставила меня лезть! Под самый потолок, между прочим, а там все качалось!

— На потолке качалось? — переспросил предок.

— Не на потолке, а в стремянке! — гаркнул я. Отец отшатнулся. — Я Приветовне говорю: «Держите меня». А она не стала. Мол, и так залезешь. Ну, я и уронил.

— А Николай Иванович нам рассказывал по-другому, — осуждающе посмотрела на меня мать.

— У меня, между прочим, свидетели есть! — продолжал вопить я. — И вообще, чихать мне на то, что сказал Николай Иванович!

— Вот выгонят тебя из школы, тогда посмотрим, на что ты будешь чихать, — рявкнул предок.

— И на школу мне чихать! — уже не мог остановиться я.

— Тимур! — всплеснула руками мама. — Что ты говоришь? У вас же такая хорошая школа. И престижная, и друзья у тебя...

— Ага, спохватились! — исторг я какой-то кошмарный вопль. — А раньше чего же не думали?

— Мы? Не думали? — хором переспросили предки. — При чем тут мы?

— А разве не из-за вас мне скоро придется расстаться с этой школой? — напрямик спросил я.

— Из-за нас? — отец вытаращился на мать. — Лена, ты что-нибудь понимаешь?

— Нет, — схватилась за голову мама.

— Они не понимают! — расхохотался я. — Думаете, я дурак! Ничего не вижу и не слышу? Все потому, что вы разводитесь.

— Что-о? — у отца отвисла челюсть.

— Тимурчик, кто разводится? — растерянно пролепетала мать. — С чего ты взял?

— С того! — я снова принялся орать во всю глотку. — Надоело мне ваше вранье! Делаете вид, будто все по-прежнему, а сами уже все решили. Квартиру разменяваете! Мебель подыскиваете!

— Тимка! — запричитала мать. — Кто тебе это наговорил?

— Сам подслушал, — не стал скрывать я.

— Где? — отец продолжал на меня таращиться. — Где ты такое подслушал?

— Дома, — я решил выложить все начистоту. — Мама говорила тете Кате.

Предок, уставившись на мать, жалобно спросил:

— Лена, ты со мной разводишься? Совсем с ума сошла?

— По-моему, это наш сын сошел с ума, — откликнулась мать. — Ничего подобного Кате не говорила.

Ну, вот. Снова врут и прикидываются. И я грянул:

— Как это, не говорила? А кого, интересно, тетя Катя просила ничего от меня не скрывать, чтобы я в результате не сделался наркоманом, как сын Витковских?

— Что-что? — лицо у матери сделалось какое-то странное.

Мгновение спустя она разразилась заливистым хохотом.

— Лена, ты можешь мне объяснить, в чем дело? — запрыгал вокруг нее отец.

Но мама только отмахивалась и продолжала смеяться. Наконец, она нашла в себе силы простонать:

— Тимка, какой же ты все-таки у меня еще глупый.

— Лена, — мрачно взирал на нее предок. — Давай все-таки внесем ясность.

— И этот... большой, а дурак, — зашлась от нового приступа хохота мама. — Наверное, это у вас с Тимкой наследственное. По мужской линии передается.

— Недопонял, — буркнул предок.

— Объясни нам, — поддержал я.

— О господи! — явно устала смеяться мать. — Тимур, успокойся. Мы с папой не разводимся, а совсем наоборот.

— Что значит «наоборот»? — ее слова совсем сбили меня с толку.

— Это значит, что через полгода у тебя родится сестра или брат, — наконец внесла ясность мама.

Я выпал в осадок. Ну, блин.

— Значит, мы никуда не переезжаем?

— В ближайшее время нет, — ответил предок. — Если ты, Тимка, конечно, не дашь нам денег на новую квартиру.

Я почувствовал, как мой рот сам собой растягивается до ушей. Затем до меня как бы со стороны донесся собственный радостный возглас:

— Не, не дам! Мне и здесь хорошо!

Мы долго еще потом разговаривали. И, есте-

ственно, теперь, когда точно выяснилось, что развода не будет, со всей остротой встал вопрос о завтрашнем посещении Ники.

Я начал снова убеждать предков, что совершенно не виноват. То есть вчера я, конечно, на лестницу плюнул, но это случилось из-за развода. И, хотя я даже не думал плевать в Приветовну, готов, если она потребует, завтра перед ней извиниться. Но вот сегодня с кашпо я и вовсе не виноват. Стремянка на самом деле покачнулась, да еще потом и сложилась.

Тут мать вдруг сказала:

— Между прочим, Сережа, завтра в школе потребуем, чтобы нам показали эту стремянку. Иначе еще кого-нибудь заставят на нее лезть, и он разобьется.

— Обязательно, Лена, потребуем, — поддержал отец.

Я понял: гроза миновала. Предки мне поверили. Теперь они на моей стороне. А это уже кое-что. Уже поздно вечером я не удержался и позвонил Круглому.

— Порядок, — едва услыхав его голос, сообщил я.

Круглый, конечно, врубился не сразу:

— Чего, твои уже с Никой виделись?

— Да при чем тут Ника? Они не разводятся.

— Не может быть! — завопил Круглый. — Неужели передумали?

— Не то чтобы передумали, а вообще, оказывается, не думали.

— Но ведь ты сам говорил... — удивился Круглый.

— Неправильно понял, — перебил я.

— Я неправильно тебя понял? — совсем запутался Клим.

— Нет, я их неправильно понял.

— Значит, ты, Тимур, остаешься и никуда не уезжаешь? — по-моему, Клим жутко обрадовался. А я обрадовался, что он обрадовался.

Мы с ним еще потрепались, и я лег спать. И снова никак не мог заснуть. Сначала думал, как лучше бороться с Никой. Потом мои мысли переключились совсем на другое. Наверное, когда родится брат или сестра, жизнь наша здорово изменится. И вообще как-то странно. Я уже привык быть один в семье. А теперь получается, мои предки станут еще чьими-то предками. Теперь они будут прыгать вокруг этого маленького. И вообще, что им вдруг взбрело в голову заводить еще ребенка? Разве плохо было втроем?

Тут меня осенило: они решились на это после того, как осенью выяснилось, что я не совсем здоров и мне нельзя заниматься боксом. Меня даже пот прошиб. Если они решили подстраховаться и на всякий пожарный родить здорового ребенка, значит, я не просто болен, а опасно. Вот, оказывается, что они от меня скрывали! Болезнь! Я пока не ощущаю ее, а они делают вид, будто я практически здоров. Просто, мол, нельзя заниматься спортом, головой ударяться и все такое прочее. А на самом деле все, вероятно, гораздо серьезней. Зачем иначе им заводить нового ребенка?

С такими вот мыслями я и проворочался на постели до самого утра. Самое-то непонятное, что я и чувствую себя вроде нормально. Во всяком случае, не хуже, чем полгода назад, когда у меня впервые болезнь обнаружили. Да и врач тогда сказал: «Ничего страшного, надо только остерегаться физических нагрузок и ударов по голове». Короче, я продолжал считать себя вполне бодрым и здоровым. Только лишился любимого

бокса. В футбол гонять и кататься на роликах мне тоже запретили. Но все равно была уже осень. А потом еще посмотрим. Ну, и таблетки я теперь какие-то пью.

Вообще-то, как мать объяснила, это с возрастом может у меня пройти. Хотя голову все равно надо очень беречь. Впрочем, как верно заметили мои предки, поберечь головы всем не мешает. Но теперь-то я просек, что они просто меня успокаивали. Наверное, это такая болезнь. Живешь себе, бегаешь, как ни в чем не бывало. А потом — бац, и привет. Помер.

От таких мыслей мне сделалось совсем неуютно. Все тело как-то закорежило, и, не в силах больше лежать, я босиком прошелся по комнате. Корежить меня вроде бы перестало. Но до хорошего настроения было очень далеко. Я снова улегся и начал думать, сколько мне еще отпущено времени на земле и чего я в жизни не сделал. Оказалось, практически ничего не сделал. От этого на душе стало совсем тоскливо. Как же я умудрился целых четырнадцать лет прожить совершенно зря. Мне вдруг подумалось: «Если бы можно было начать по-новой, я бы, наверное, уже с ясельного возраста занялся чем-то полезным. Ну почему мы так поздно все понимаем?»

Я попытался представить себе, что будет, когда меня не станет. В голове такое просто не укладывалось. Предки на месте, квартира — тоже, и моя комната. А меня нет. Нигде нет! Вообще нет! «Хотя, — продолжал я свои невеселые размышления, — моей комнаты, в том виде, как сейчас, уже не будет. В ней расположится новый маленький. Если это окажется мальчик, а я умру раньше, чем он родится, его, наверное, в честь меня назовут Тимуром».

Мне сделалось жутко обидно. Значит, Тимур, но не я. И еще этому новому Тимуру наверняка станут рассказывать про меня разные сказки и постоянно приводить в пример. Мол, твой покойный старший брат никогда бы так себя не повел. И в результате младший Тимур меня попросту возненавидит, ровно так же, как я сам терпеть не могу все образцово-показательное.

А может, предки, наоборот, постараются обо мне забыть, чтобы не расстраиваться? Тогда младший брат вообще никогда ничего обо мне не узнает. Мне невольно вспомнилась соседка по лестничной площадке — Клавдия Павловна. Стоило ей увидеть меня, сразу принималась читать нотации. То не так поздоровался. То в коридоре натоптал, а она только что там протерла. То кнопку звонка ей сжег (между прочим, первый раз это был совершенно не я), то еще чего-нибудь. Короче, все ей было не так. А прошлой зимой она вдруг взяла и померла. И теперь ее нет. Будто бы никогда и не было. И никто о ней даже не вспоминает. По-моему, это страшно! Прожил человек до старости, а зачем? После нее совсем ничего не осталось. И в квартире ее теперь живут другие люди. А еще через десять лет вообще никто не будет помнить, что ходила по земле такая Клавдия Павловна. Да и про меня к тому времени все забудут. Кроме предков, ну и еще, может, Клима.

На этом я, наконец, отрубился, чтобы утром в самом отвратительном настроении проснуться от звонка будильника. Предки сразу заметили, какой я кислый, но решили, что меня волнует предстоящий разговор с Никой. Отец даже сказал:

— Успокойся. Все будет нормально. Поговорим мы с твоим Николаем Ивановичем.

— Я вполне спокоен, — я пожал плечами.

— Ну, ну, — пробормотал отец.

Ничего-то он не понял. Что мне теперь Ника, если я, может, живу вообще последние недели или месяцы.

Позавтракав, мы всей семьей отправились в школу. Сколько лет я уже хожу по этой дороге. По-моему, даже с закрытыми глазами доберусь до места. Но сегодня я думал совсем о другом. Настанет день, и я больше никогда туда не приду. И вообще никуда не приду. Но где же тогда я буду? Не может быть, чтобы я вот так: раз и исчез. Ну, вообще без остатка. Значит, что-то где-нибудь от меня должно остаться. Но вот где и что, этого до сих пор никто не знает. А те, кто знает, нам уже не расскажут. Вот и извольте думать-гадать, лучше там или хуже, чем здесь? Впрочем, нас не спрашивают.

Я так глубоко задумался, что едва не пропилил мимо школы. Спасибо, мать за рукав поймала:

— Ты, Тимка, далеко собрался?

Ника уже с нетерпением поджидал нас в своем кабинете. Сперва мы беседовали все вместе. Ника с ходу закипятился и стал верещать по поводу испорченной орхидеи и моего хамства. Предок начал ему возражать, что никакого хамства не было и все случилось из-за элементарного стечения обстоятельств.

Тут в дверь кабинета постучали, и внутрь просунулись девчонки из нашего класса, которые все видели собственными глазами. Уверен: их сюда прислал Клим или Агата.

— Девочки, разве не видите, что я занят, — хмуро бросил им Ника. — Зайдите попозже. У вас, надеюсь, ничего срочного?

— Как раз очень срочное, — выступила вперед Агата.

— Мы свидетели, — выглянув из-за ее спины, пискнула Адаскина.

У меня прямо шары выкатились. Вот уж от кого не ожидал, так это от Зойки! А она продолжала:

— Сидоров не нарочно. Он сам только каким-то чудом не разбился.

— Он Варваре Аветовне говорил, — вылезла вдруг Танька Мити́чкина, — лестница шатается, подержите меня, пожалуйста. А она отмахнулась и говорит: «Ничего с тобой, Сидоров, не случится».

Видели бы вы при этом лицо Адаскиной. Она смотрела на Таньку Митичкину с полным отвращением, будто это совсем не Танька, а таракан или побитое молью чучело кабана ее дедушки.

— Вот, Николай Иванович, — покачал головой мой предок. — Оказывается, есть свидетели, а вы, вместо того чтобы разобраться, сразу родителей в школу.

— И Сидорова исключать совершенно не за что! — выкрикнула Адаскина.

Как у нее только хватило смелости? Хотя понимаю. Это чтобы ее слово было последнее, а не Мити́чкиной. Интересно все-таки, за что она столько лет подряд так ее ненавидит?

— И вообще, Николай Иванович, — вмешалась мать, — лучше бы проверили состояние ваших стремянок.

Лицо у Ники скукожилось. И выглядел он теперь совсем не так браво, как в начале беседы. Посмотрев на девчонок, он сказал:

— Спасибо за информацию. Вы мне очень помогли.

— Пожалуйста! — хором откликнулась вся компания.

— А теперь до свидания, — скомандовал завуч.

— И ты, Тимур, тоже выйди, — повернулся ко мне отец. — Нам надо с Николаем Ивановичем наедине поговорить. Не возражаете? — он перевел взгляд на завуча.

— Не возражаю, — кивнул Ника. — Иди, Сидоров, в класс и учись.

Меня, естественно, уговаривать не надо было. Мы вместе с девчонками вышли из ненавистного кабинета.

— Спасибо, — едва за нами закрылась дверь, начал я их благодарить. — Это Клим вас организовал?

— Нет, — внимательно посмотрев на меня своими огромными глазами, отозвалась Агата. — Все Зойка придумала.

— Зойка? — пролепетал я. Вот уж такого я точно не ожидал. Я еще понимаю, с Агатой за компанию. Но чтобы сама...

Адаскина, видимо, просекла мои мысли. Посмотрев мне в глаза, она дернула плечом и убежала.

Глава X

Вопрос ребром

Наш восьмой «Б» встретил меня, как победителя. Едва я появился в классе, ребята вскочили на ноги и принялись хлопать в ладоши. Приятно все-таки. Я даже на какое-то время забыл, что уже почти не жилец.

Предводительница, увидав меня, с интересом осведомилась:

— Сидоров, разве Николай Иванович разрешил тебе приступить к занятиям?

— Ага, — кивнул я. — Он сказал: «Иди учись!»

— Разрешил, разрешил, — подхватили девчонки. — Мы свидетели.

— А вы что там делали? — подняла брови Мария Владимировна.

— Так мы и были свидетелями, — снова хором откликнулись девчонки.

— Свидетелями *чего*? — сделала ударение на последнем слове классная.

— Того, что Сидоров не нарочно уронил на Приветовну орхидею, — пояснила Мити́чкина.

— На кого, на кого? — переспросила Предводительница, но глаза у нее при этом смеялись.

— То есть на Варвару Аветовну, — поправилась Мити́чкина.

— Значит, Сидоров, все произошло случайно? — повернулась ко мне Мария Владимировна.

— Естественно, — пожал плечами я. — За кого вы меня принимаете?

— За экзотического киллера! — заржал с задней парты Серега Винокуров. — Жертва — Приветовна. Орудие убийства — орхидея!

Следом за ним расхохотались и остальные, включая меня самого. Только я смеялся совсем не дурацкой шуточке Винокура. Просто мне живо вспомнилось, как зеленая орхидея свисала с головы кабана дедушки Мити́чкиной. Учебный день пошел своим чередом, и первые две перемены все одноклассники продолжали бурно обсуждать нашу победу над Никой. Ко мне подходили, хлопали по плечам, говорили: «Ну, Тимка, ты — молоток». Хотя, собственно, я-то при чем? Это девчонки молодцы. Не испугались. А главное, Адаскина. Мне до сих пор с трудом в это ве-

рилось. Зойка совершенно не любит лезть на рожон. Да и со мной все время ругается. По-моему, она меня просто на дух не переносит. Верней, терпит в силу сложившихся обстоятельств. Потому что я — друг Клима, а Клим — друг Агаты. Вот Адаскиной и приходится терпеть. Но чтобы меня защищать...

Правда, весь этот день был какой-то крышесносительный. На третьей перемене ко мне подошла Приветовна и, упорно глядя мимо меня, сказала:

— Тимурчик, ну извини. Так уж вышло. Ошиблась.

Я прямо сквозь паркет пророс. Никогда мне еще не было так неудобно. Потому что передо мной ни разу в жизни не извинялась ни одна учительница. Я-то перед ними тысячу раз извинялся, а может, и миллион. Но они — нет. А сейчас я наконец понял, что стыдно, оказывается, не только самому просить прощения, но и когда у тебя просят.

— Перестаньте, — говорю, — Варвара Приветовна, — это я в замешательстве ее отчество с проэвищем перепутал, — проехали. Это вы меня извините, что я плевался.

Приветовна обрадовалась, засуетилась.

— Пошли, — потянула меня за рукав. — Покажу тебе орхидею. Ты, Тимурчик, был прав. Она совершенно не пострадала.

А я упираюсь:

— Нет, лучше не надо. А то вдруг с ней еще что-нибудь случится. Лучше пускай она сперва подрастет, окрепнет.

Но Приветовна не желала слушать никаких возражений. Пришлось вместо столовой тащиться в ее кабинет биологии. И Агата, и Зойка, и Клим тоже пошли. Вроде бы как свидетели. Что-

бы, если еще чего стрясется, вновь подтвердить мою невиновность.

Зря они волновались. Приветовна и не думала меня подставлять. Просто квохтала над своей орхидеей, а за компанию и надо мной. Мол, я вообще-то такой хороший, отзывчивый, так хотел ей помочь, а она вот не поняла. В результате мне опять стало неудобно, и я покраснел, как рак. Тем более что Адаскина при каждой новой похвале Приветовны в мой адрес принималась хихикать. В общем, я вздохнул с облегчением только после того, как мы, наконец, вышли и направились в столовую.

Хотя «облегчение» — это слишком сильно сказано. Потому что я, не переставая, думал, какая муха укусила Приветовну. Ладно еще бы почувствовала себя виноватой и извинилась. Это, конечно, уже само по себе странно. Учителя подобного делать совсем не любят по отношению к ученикам. Ну, предположим, Ника обозлился, что она перед моими предками выставила его в идиотском свете, и велел отдуваться. Однако Приветовна могла подойти ко мне по-тихому, без свидетелей. А она прямо при ребятах распиналась. Дурдом какой-то!

Ребята сидели рядом со мной в столовой и о чем-то трепались. Я молча жевал и думал. И вдруг додумался до такого, что едва не поперхнулся. Ну, конечно же! Все одно к одному. Предки сказали Нике, что я смертельно болен. А он же все-таки не зверь. Вот и поговорил с Приветовной. Мол, будьте, пожалуйста, с ним поласковей. Она, как услышала, тут же стала раскаиваться.

— Ну? У тебя все в порядке? — раздалось над моей головой.

Я дернулся и, едва не вылив себе на брюки

компот, поднял глаза. Надо мной, сладенько улыбаясь, навис Ника. От неожиданности у меня пропал дар речи.

— О-о-о... А-а-а... В порядке, — наконец удалось мне выдавить из себя.

— Ну, и ладушки, — дружески потрепал меня по плечу Ника. — А если проблемы какие возникнут, заходи, не стесняйся. Обсудим.

На сей раз я только и смог промычать в ответ:

— М-м-м, угу.

Ника удалился.

— Впечатляет, — проводила его цепким взглядом Адаскина. — Интересно, Тимурчик, что твои предки ему наговорили? Гляди, какой ласковый стал.

— Не знаю, — пожал я плечами, однако в действительности прекрасно знал. Теперь у меня отпали последние сомнения и надежды.

Весь следующий урок я просидел в полной прострации, ничего не видя и не слыша вокруг. Клим, по-видимому, чувствуя, что со мной творится неладное, несколько раз теребил меня за рукав:

— Сидор, ты в порядке?

— Все нормально, — отмахивался я, чтобы в следующую секунду вновь отключиться ото всего, что меня окружало.

Мне и впрямь больше ни до чего не было дела. Клим, школа, учителя и остальное меркло в моем сознании перед фактом, что очень скоро все это останется без меня. Или я останусь без этого.

В какой-то момент я почувствовал: еще немного и сойду с ума. Что бы там ни было, надо взять себя в руки. Тем более ведь пока-то я еще жив и у меня даже ничего не болит.

Я с некоторым удивлением огляделся. Оказа-

лось, уже началась следующая перемена, мы все стоим в коридоре у подоконника. Зойка, бурно жестикулируя, что-то рассказывает, а Клим, Агата и Будка внимательно слушают. Я тоже заинтересовался, но лучше бы мне этого не делать.

Адаскина взахлеб рассказывала про одного школьного приятеля своей матери дядю Жору. Этот дядя Жора всю жизнь был жутко здоровым. Даже, по словам Зойки, никогда не простужался и не болел гриппом. И вот вдруг вчера взял и помер. Совершенно для всех неожиданно. Зойкиной маме вчера позвонили и сообщили. Теперь она в полном шоке.

— Так не бывает, — заявил Будка.

— Чего не бывает? — спросила Зойка.

— Ну, вот, чтобы просто взял и ни с того ни с сего помер, — продолжал Митька.

— Еще как бывает, — возразила Адаскина.

— Не бывает, — стоял на своем Будка. — Если помер, то сначала должно что-то случиться. Может, ваш дядя Жора под машину попал, ну, или там его каким-нибудь кирпичом с крыши дома ахнуло.

— Ничем его не ахнуло, — сердито прищурила глаза Зойка. — Он просто взял и совсем неожиданно умер.

— Вот этого-то и не бывает, — в третий раз повторил Митька. — Потому что у любого человека сперва в организме должно что-нибудь заболеть, потом это окончательно выйдет из строя, и вот тогда — понятное дело...

— Ничего ты не понимаешь, Будка, — с жалостью глянула на него Зойка. — А все потому, что ты серый и необразованный.

Митька надулся и хотел обругать ее, но она не дала ему произнести ни слова.

— Умные и образованные люди, Митя, знают,

что есть болезни, которые подкрадываются незаметно.

Меня как током ударило. Даже Клим спросил:

— Что с тобой?

— Да ничего, — начал я, когда левую сторону головы вдруг пронзила боль. И я жалобно добавил: — Голова очень болит.

А болело и впрямь все сильней и сильней. «Ну, вот. Начинается!» — меня охватила паника. Боль сконцентрировалась в левой стороне. Даже глаз начал видеть хуже.

— Ребята, — постарался как можно спокойней и беззаботней произнести я. — Что-то уж очень сильно болит. Пожалуй, домой пойду.

— Го-оловка бо-бо? — ехидно взглянула на меня Адаскина. — Решил воспользоваться милостью Ники?

— Ага, — вяло откликнулся я и побрел вниз.

Действительно, чего спорить. Ведь, скорей всего, больше не увидимся. Доберусь до дома, а оттуда уж позвоню матери на работу. Если, конечно, успею. Только бы выйти из школьного здания. Сам не могу объяснить почему, но мне очень не хотелось помирать в школе.

Боль в левом виске пульсировала с такой силой, что я вообще почти ничего не соображал. В раздевалке мне вдруг захотелось забиться в уголок и застыть там навсегда. Однако я нашел в себе силы одеться и выйти на улицу.

Яркое солнце слепило. Искрящийся под его лучами снег резал глаза. Меня начало мутить. Как я добрался до дома, не знаю. Но все же добрался и отпер дверь собственным ключом.

— Тимка, ты? — вихрем вылетела из кухни мать. — Почему так рано? Что опять стряслось?

— А ты почему? — я уже еле ворочал языком.

— Отпросилась на сегодня, — ответила она. — Но ты-то? Ой! Да у тебя лицо просто белое!

Ноги мои подкосились, и я осел на коврик в прихожей.

— Мама, по-моему, я уже начинаю умирать.

Мою и без того больную голову пронзил истошный вопль матери:

— Тимочка, Тимочка, что с тобой?

Рухнув на колени, она принялась трясти меня за плечи:

— Только не молчи, милый. Только не молчи!

— Голова. Не тряси. Мне плохо, — простонал я.

— Голова? Где? Ты что, упал? Ударился? — окончательно впала в панику мать.

— Нет. Просто болит, — объяснил я.

— Ну-ка, вставай. Пойдем ляжешь, — мама принялась с трудом поднимать меня.

С ее помощью я добрался до кровати. Укрыв меня одеялом, мать кинулась звонить знакомому врачу, который полгода назад все у меня и обнаружил. Потом она вернулась ко мне.

Чувствовал я себя ужасно. Боясь, что вот-вот потеряю сознание и больше уже никогда в него не приду, я решил действовать напрямик:

— Мама, скажи честно. Я умираю?

— Д-да ты ч-что? — начала заикаться она.

— Но вы же Нике сказали, — продолжал я.

— Мы сказали? Что мы сказали? — то ли она хорошо притворялась, то ли была совершенно потрясена.

— Ну, что я смертельно болен.

— Это тебе Николай Иванович сказал? — осведомилась мать.

— Нет, — ответил я. — Я сам догадался. Он стал со мной такой ласковый.

— Ну, ты у нас и глупый, — мать легонько погладила меня по голове. — Мы с папой вашему Нике только рассказали, как ты вообразил, что мы разводимся. И еще на всякий случай напомнили, что тебе нельзя стукаться головой.

— И все? — мне даже не верилось.

— Да клянусь тебе, что все! — воскликнула мать.

— Но, если я буду жить, зачем вам еще один ребенок? — задал я самый главный вопрос.

— А ты разве не хочешь братика или сестричку? — удивленно посмотрела на меня мама.

— Да, в общем-то, мне и одному неплохо, — сказал я правду. — И вообще, почему вы именно сейчас решили?

— Так все совпало, — медленно произнесла мать. — Понимаешь, ты уже почти совсем взрослый, через несколько лет вообще вырастешь, женишься, а нам с отцом будет о ком заботиться.

— Все равно странно, — вырвалось у меня.

— Ну, чего странного? — удивилась мать. — Вон смотри, сколько у твоего друга Клима сестер и братьев.

Едва я услышал об этом, как у меня от ужаса резко прошла головная боль.

— Мама, ты что, собираешься родить близнецов? Таких же, как Мишка и Гришка?

Мать засмеялась.

— Успокойся. Насколько я знаю, близнецов не ожидается. И вообще надеюсь, что будет девочка.

— Не, мам, лучше мальчик, — немедленно возразил я.

— Почему? — снова изумилась она.

— Ну, его хоть чему-нибудь научить можно, опыт там личный передать. И игрушки мои ос-

тались. А девочке зачем оружие и машинки? Значит, придется все новое покупать. Экономически невыгодно.

— Это уже от меня не зависит, — звонко расхохоталась мать.

И мне почему-то тоже стало смешно.

Потом пришел врач. Он всего меня обсмотрел, простукал, проверил по методу Фолля и говорит:

— Это у него приступ мигрени. Предупреждал ведь вас. Режим дня. Питание. И никаких стрессов. Побольше гулять на воздухе. Зарядочку без особых нагрузок. Закаливание. Ну, что за люди! Ведь все вроде расписал вам на бумажке по пунктам.

— Да мы все делаем, — заверила мать. — А вот от стрессов... Ну, как убережешься. Тимка сам их себе придумал. Сперва решил, будто мы разводимся, а потом — что он умирает.

— Этот умирает? — указал на меня пальцем доктор и вдруг принялся истерически хохотать. — Ну и мнительная молодежь пошла.

У меня окончательно отлегло от сердца. Когда врут, так ржать не могут.

Врача накормили и отпустили. Потом мы с матерью долго еще разводили ля-ля на разные темы. И, по-моему, нам еще ни разу в жизни не удавалось так откровенно поговорить. К приходу отца с работы я уже был в полном порядке и даже отправился к себе в комнату делать уроки. Тем более, завтра физика. И так как, оказывается, я не умираю, Ника наверняка меня спросит. А пересдавать ему эту лабуду снова мне неохота. Я лучше в свободное время поброжу и пофотографирую. Кстати, надо у предков деньги поклянчить. Пленка у меня почти на исходе, а от

бандитских пятидесяти баксов, как я уже говорил, остался шиш с маслом.

Я попробовал сосредоточиться на физике. Но она у меня не пошла. Я вдруг поймал себя на том, что смотрю в учебник, но вижу фигу. Ибо вспоминаю, как пришлось психовать последние дни. А главное, чего я психовал на совершенно пустом месте? Наверное все-таки правильно говорит Адаскина: «Дурак ты, Сидоров».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I
МАНЬЯК 5
Глава II
В ГЛУХОЙ ОБОРОНЕ 28
Глава III
ДОЧЬ КАВАЛЕРИСТА. 51
Глава IV
КАК СПЕРЕТЬ КЛЮЧ 76
Глава V
ДРАКА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ. 101
Глава VI
ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ 124
Глава VII
КРУШЕНИЕ 138
Глава VIII
ЛЕТАЮЩАЯ ОРХИДЕЯ 151
Глава IX
ЕЩЕ ХУЖЕ 163
Глава X
ВОПРОС РЕБРОМ 174

Обработка PDF

Антон ИВАНОВ
Анна УСТИНОВА

Ну что за жизнь! Только я помирился со своим другом Климом, как начались неприятности. Как-то мы гуляли с девчонками, и я решил пощелкать зимние пейзажи. Но Адаскина потребовала, чтобы я фотографировал ее. Я не дурак, сказал, что кончилась пленка. Пока она бегала за новой, к нам подошел злобный мужик и заорал: «Давай сюда пленку!» Но я же не пальма в тундре. Ну отдал я ему за пятьдесят баксов фотопленку, но другую, чистую. Мы тут же проявили отснятую и поняли, что стали свидетелями какого-то преступления... Нам пришлось маскироваться и скрываться. Вдруг он нас искать будет? И тут такое завертелось! Это как лавина с гор: начинается с маленького камушка, а кончается бурным потоком, сметающим все на пути...

ISBN 5-04-006522-1
9 785040 065226 >